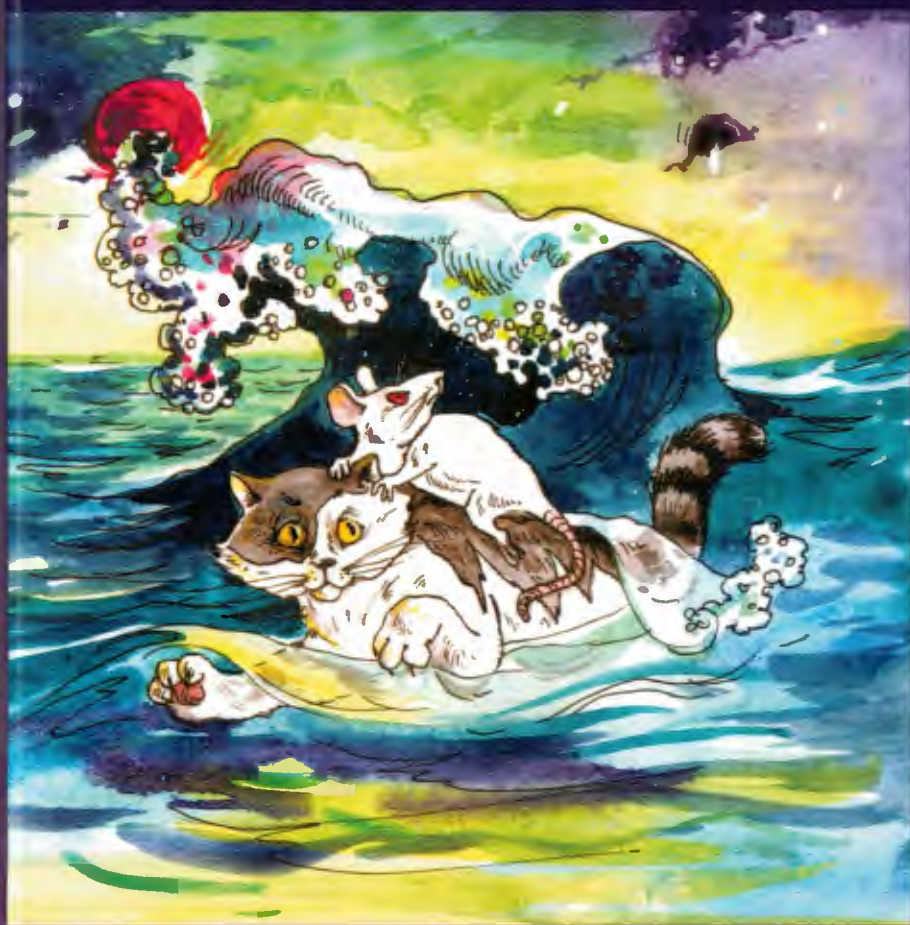

Ольга Малышкина

МИФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ. ИЛИ...

...НОВЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ
приключения брыся и
его друзей

Чита́йте в серии:

Прикѣюченія котѣнка Брыся.

Брысь, ипи Кот Езо Высочества.

Брысь, ипи Огун за всех, и все за
оуного.

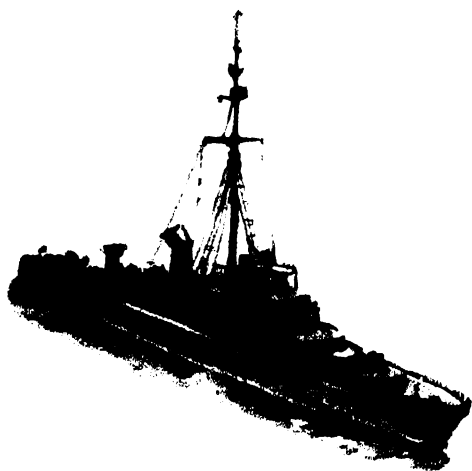
Брысь, ипи Прикѣюченія оуного т.н.с.

Брысь, ипи Та́ины Царского Сета.

Ольга Малышкина

МИФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ. ИЛИ—

Новые невероятные приключения
Брыся и его друзей

УДК 82 - 311.3 - 93

ББК 84(2Рус-Рос)6

M20

Издание второе

Малышкина О.В.

M20 Мифические эксперименты, или Новые невероятные приключения Брыся и его друзей.

Приключенческо-фантастическая повесть

Художник О. Кагальникова

М: Брысь & Со; 2022. – 232 с. - Б.ц. – ил.

ISBN 978-5-6042350-6-5

Если в голове – мечта о морском путешествии, а в лапках – эликсир перемещений, то может случиться непредвиденное...

По мотивам легенд и мифов о секретных научных проектах: «Радуга» (более известном как Филадельфийский эксперимент) и «Феникс-2» (более известном как Монтаукский проект).

12+

*Серия «Для любознательных детей
и взрослых»*

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-6042350-6-5

© Малышкина О., 2022

© Брысь & Со, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

для тех, кто не читал «Невероятные приключения Брыся в пространстве и времени» и пока не знаком с главными героями

Брысь (вторая кличка Ван Дейк) — петербургский кот с богатой биографией, искатель приключений, полиглот, грамотей, обладатель изысканных манер и ошейника, сплетённого из золотистых шёлковых нитей немецкой принцессой Марией Гессенской, когда она была невестой, а он Котом Её Высочества — наследника российского престола, будущего императора Александра Второго.

Савельич — пожилой чёрный кот из Летнего сада, философ, книгочей.

Рыжий — пушистый кот, мышелов Зимнего дворца, попавший в наше время из XIX века; успел недолго поработать эрмитажным котом — эрмиком.

Мартин — пёс крупных размеров, неизвестной породы.

Все четверо с недавних пор — питомцы мальчика Саши, второклассника из города Пушкина, бывшего Царского Села.

Пафнутий — самый необычный член команды Брыся — белый крыс, питомец Вовы Менделеева (друга, одноклассника и соседа мальчика Саши, но главное — юного химика и изобретателя эликсира перемещений во времени). Пафнутий считает себя м.н.с. (младшим научным сотрудником Вовкиной «химической лаборатории»); утверждает, что у него два образования: химическое (потому что пробует Вовкины эликсиры) и экономическое (потому что любит смотреть по телевизору новости про экономику); уверен, что среди его предков были зайцы — именно по этой причине он такой белоснежный; гордится тем, что крысы «твари с интеллектом». Впрочем, кое-кто (а именно Савельич) считает Пафнутия «никчёмным балластом» из-за его невероятной способности падать в обморок в самый ответственный момент. Главная мечта Пафнутия — морской круиз.

Луна — ночное светило, давняя приятельница Брыся, часто является ему во сне, чтобы побеседовать или предупредить о чём-нибудь этаким, например о грядущих неприятностях.

Важное примечание: эликсир перемещений действует только на живую материю, поэтому ни в прошлое, ни из прошлого ничего прихватить с собой нельзя...

Глава первая, в которой ЛУНА ОКАЗАЛАСЬ ПРАВА

Вообще-то я собирался в плавание... Но, согласитесь, никто не мог дать гарантию, что моя семья отправилась бы летом в круиз по морю! А если бы Вовкины родители всё-таки решили провести отпуск на лайнере, то (нужно смотреть горькой правде в глаза) вряд ли захватили бы меня с собой! Более чем вероятно — они сплавили бы любимого питомца к бабушке на дачу, где у соседей очень неприятный чёрный кот. Он ко мне ещё в прошлом году примерялся: то с одной стороны с хитрым прищуром взглянет, то с другой мою клетку обойдёт. А однажды лапу пытался просунуть! Но я так заверещал, что он испугался и заявил, будто ему вовсе не я интересен, а мои шикарные апартаменты с тренажёром-колесом и зеркалом!

Я, конечно, вразумительно объяснил наглецу, что являюсь особой неприкосновенной, поскольку состою на службе в экспери-

ментальной лаборатории и если вдруг меня не станет, то заглохнут важные проекты, а химическая наука понесёт огро-о-о-мный ущерб! Тогда он притворился, что поверил в мою значимость для прогресса. Однако прошёл целый год и кто поручится, что сосед помнит, почему не слопал меня раньше?!

Это — первая причина, побудившая меня проявить самостоятельность.

Вторая... Уж очень я мечтал по корабельной палубе в тельняшке, солнечных очках и яркой бандане прогуляться... Короче, зря я, что ли, младшим сотрудником столько времени трудился?! Да и перемещатель, изобретённый Вовкой методом научного тыка (то есть мной), дважды на себе испытал и оба раза вернулся живым и невредимым! Риска, можно сказать, почти никакого! Я даже в обмороки перестал падать по любому поводу. Ну, допустим, только что очнулся... Но ведь и причина — серьёзней не придумаешь!

Весть о пропаже белобрысого крысюка потрясла Брыся до самой отдалённой полоски на его замечательном хвосте. И пока остальные строили догадки, в какую щель мог забиться упитанный грызун, так что его хозяин — юный химик Вова Менделе-

ев — перевернул всю квартиру вверх дном, но питомца не обнаружил, в голове искателя приключений явственно прозвучало предупреждение, данное ему Луной: «Твой маленький друг, по недомыслию, затеял опасное... Ты уж его не бросай!»

И даже если беседа с ночным светилом происходила не наяву, то сон получился «лапу»!

На всякий случай Саша тоже обследовал каждый закуток — вдруг Пафнутий «заходил в гости» и нашёл для себя укромное местечко. Поддавшись беспокойству мальчиков, и Мартин пропылесосил носом все углы, а потом вместе с Сашей отправился в соседний подъезд проделывать то же самое у Менделеевых.

— Может, он направлялся к нам, но промахнулся с подоконником и угодил в лапы какому-нибудь дворовому коту? — с сочувствием косясь на Брыся, предположил Рыжий.

— С чего бы ему к нам направляться? — отверг пессимистичную версию домосед Савельич. — Мы только вчера расстались! Вероятнее всего, у него стресс после перенесённого! Я читал, так бывает: в момент опасности организм мобилизуется, а потом расслабляется... Поверьте мне, лежит наш грызун где-нибудь под книжным шкафом в глубоком обмороке!

Рассуждения философа не утешили помрачневшего Брыся. Он с нетерпением ждал Мартина — оставалась надежда, что удивительный собачий нюх раскроет тайну исчезновения их недавнего соратника в благородной миссии по спасению семьи последнего российского императора*.

— А может, он эликсира хлебнул да опять куда-нибудь переместился? — не унимался Рыжий. — Что ему стоило крышечку на пузырьке разгрызть?

Савельич скептически буркнул:

— Крысюк так обрадовался возвращению в наше время, что вряд ли испытал желание сразу повторить затею, да ещё в одиночку!

Брысь вздохнул — если бы не брошенные Луной загадочные слова, он бы согласился с доводами философа, а так — тревога за младшего компаньона росла с каждым мгновением.

Наконец хлопнула дверь, и коты ринулись в прихожую встречать «следопытов». Точнее одного, потому что человеческий нюх уступает собачьему почти в миллион раз и не стоило брать в расчёт смехотворные усилия Саши и Вовы в поисках пропавшего питомца.

Мартин вошёл первым, и по его

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Тайны Царского Села».

многозначительному виду все поняли — пёс принёс новости. Более того, от внимательно-го взгляда искателя приключений не укрылось, что за обвислыми щеками в просторной пасти скрывается какая-то улика, и он увлёк приятелей в детскую, подальше от мальчиков (те, впрочем, отправились на кухню — грустить и пить чай с пирожными, поскольку не заниматься же уроками в такой трагический день!).

Уликой оказалась наспех вырванная страница из научно-технического журнала (других в Вовкиной квартире попросту не водилось).

— Ты что, намеревался его проглотить? — недовольно спросил Брысь, разглаживая скомканный до размеров небольшого шарика и перепачканный слюнями лощёный листок.

— Торопился, чтобы не заметили, — оправдался сконфуженный пёс. — Наш грызун использовал эликсир, чтобы очутиться в этом месте! Я и склянку нашёл — ту самую, с бумажной салфеткой в горлышке! Наверное, Вовка забрал её вчера вместе с Пафнутием! Правда, бутылочка в обувной коробке под кроватью стояла, с остальными. Но крысёк её трогал, вне всякого сомнения!

— Следы заметал! — уверенно воскликнул Рыжий. — Чтобы никто не узнал, куда он подевался!

На чёрно-белом снимке вокруг длинного однопалубного корабля пенились морские волны.

— Неужели Пафнутий всё-таки отправился в круиз? — растерялся Брысь, потрясённый неожиданно смелым, хотя и безрассудным поступком маленького приятеля.

— Но тогда он должен был уже вернуться, ведь время, которое мы проводили в прошлом, здесь равнялось всего нескольким часам! — встревоженным тоном напомнил Мартин.

— Не похоже на туристический лайнер, — пробормотал философ, вглядываясь в мелкий шрифт текста под фотографией. — Эсминец «Элдридж»...

Краткие комментарии для любознательных

Эскадренный миноносец (сокр. эсминец) — класс многоцелевых боевых быстроходных маневренных кораблей, предназначенных для борьбы с подводными лодками, летательными аппаратами (в том числе, ракетами) и кораблями противника, а также для охраны и обороны соединения кораблей или конвоев судов при переходе морем.

Глава вторая, в которой друзья узнают о мифри- ческом эксперименте

Я ведь сделал всё по правилам: полистал Вовкины научно-технические журналы, выискал фотографию подходящего судна — не слишком огромного, чтобы хватило времени его обследовать, но и не слишком маленького, чтобы выдерживал морские шторма и не опрокидывался. И звался чтобы красиво — недаром же Люди поговорку придумали: «Как корабль назовёшь, так он и поплывёт»! Я в мультфильме про одного капитана видел. Вран... Врун... Не вспомню — голова-то у меня маленькая, не все сведения помещаются! Так вот: там от его яхты две буквы отвалились и получилась «БЕДА» вместо «ПОБЕДА»! Ох и хлебнул он напастей! А выбранный мной лайнер носил гордое имя «Эсминец...». Забыл второе слово...

Потом я дождался, когда домочадцы разойдутся (без свидетелей сподручней), вытащил из картонной коробки под Вовкиной кроватью бутылочку с проверенным

содержимым и даже положил её обратно, после того как плеснул немного эликсира на снимок и снова заткнул пузырёк бумажной салфеткой.

В общем-то, из-за неё и торопился — нашёл бы Вовка подходящую пластмассовую крышечку, закупорил склянку и стала бы она неотличимой от остальных опытных образцов! А я, как изволите видеть, не пёс с поразительным нюхом, а крысук, пусть и с химическим образованием (кстати, у меня ещё экономическое есть), так что определить состав жидкости смог бы, а вот узнать, нужно ли там соотношение ингредиентов, увы, никак... Тогда велика вероятность либо вовсе никуда не переместиться, либо переместиться вовсе не туда!

Впрочем... Кажется, именно последнее со мной и произошло. Испортилось, наверное, волшебное средство! Выдохлось из-за салфетки...

— Эсминец... Что-то военное, — привычно блеснул эрудицией Савельич.

— Думаете, его потопили враги? Вместе с Пафнутием?! — ахнул Рыжий. — Поэтому он до сих пор не вернулся?!

Добросердечного Мартина от переживаний за храброго грызуна начал колотить

озноб, а на мордочке Брыся застыло беспомощное выражение — просила ведь Луна не бросать друга! Но уж чересчур быстро питомец Вовы Менделеева в новое путешествие отправился, и дня не минуло после их возвращения из 1917 года!

Хладнокровие сохранил только философ.

— Раз снимок в научно-техническом журнале напечатан — значит, на корабле наукой занимались, и техникой! — привёл он успокоительный довод. — Тут на странице часть текста сохранилась...

Листок перенесли поближе к окну, чтобы пожилому книгочею было удобнее разбирать мелкий шрифт. Брысь сам бы управился, но у него от волнения строчки перед глазами расплывались.

— Фу, никак не просохнет! — брезгливо поморщился Савельич, метнув сердитый взгляд на слюнявого пса, и углубился в статью. Остальные сгрудились вокруг, пытаясь расслышать, что он бормочет (читать вслух философ не любил, только пересказывать своими словами).

— Хм! — наконец оторвался он от мягкого листка и озадаченно посмотрел на приятелей. — Чепуха какая-то!

И добавил ещё более непонятное:

— Вовке Менделееву есть над чем работать!

— Не томи! — не на шутку рассердился Брысь и попытался выдернуть страницу из цепких когтей Савельича, но книгочей прижал её к полу обеими лапами и неторопливо продолжил:

— С Вовкиным эликсиром только живая материя в пространстве и времени перемещается, а группа учёных добилась того же самого для целого железного эсминца!

Глаза-блюдца Рыжего достигли предела округления, допускаемого природой, и казались не жёлто-зелёными, как обычно, а почти чёрными из-за расширившихся до невероятных размеров зрачков.

— Что же получается, — пролепетал он, — Пафнутий переместился на корабль, а тот, в свою очередь, ещё куда-то?

— Ну, эксперимент считается мифическим, то есть настолько засекреченным, что неведомо, происходил на самом деле или нет.

— Но хоть какие-то подробности имеются? — потребовал Брысь отчёта о прочитанном и снова попробовал выхватить листок.

— Я же рассказываю! — возмущённо парировал философ и, чтобы пресечь дальнейшие поползновения нетерпеливого друга, разлёгся на журнальной странице, оставив от ценной информации лишь торчащий из-под хвоста краешек. — Случилось всё в 1943 году, 12 августа, на базе военно-морских сил Соединённых Штатов Америки близ города Фила-

дельфия. Проект окрестили «Радуга», в истории больше известен как Филадельфийский эксперимент...

— В 1943 году шла Вторая мировая война! — перебил Брысь. — Я в это время в Кёнигсбергском Королевском замке караулил Янтарную комнату...^{*} Бедный Пафнутий! Куда его понесло?!

— Совершенно верно! — невозмутимым тоном продолжал Савельич. — Именно война стала причиной опытов по размагничиванию корпуса корабля, чтобы его не «замечали» вражеские магнитные мины и торпеды!

Философ помедлил.

— А наш Пафнутий действительно бедный! Во время эксперимента возникли непредвиденные побочные эффекты: эсминец на несколько минут исчез, но не бесследно — он объявился в Норфолке, на удалении в сотни миль от Филадельфии! А когда снова возник на месте проведения эксперимента, то из ста восьмидесяти одного человека экипажа на борту обнаружился лишь двадцать один. Из них потом тринадцать умерли от перенесённого ужаса, ожогов и облучения. Ещё двадцать семь моряков буквально срослись с металлическими конструкциями судна. Остальные совсем пропали!

^{*} Эти события описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества» (часть IV «Брысь и Янтарная комната»).

— Невероятно, — всхлипнул впечатлительный Рыжий, пока Брысь и Мартин подбирали слова, чтобы выразить своё потрясение услышанным...

Краткие комментарии для любознательных

«Приключения капитана Врунгеля» — советский мультсериал режиссёра Давида Черкасского, снятый по мотивам одноимённой повести Андрея Некрасова.

Конвойный эсминец «Элдридж»: согласно официальным документам, строительство судна началось 22 февраля 1943 года. Длина судна составляла 102 метра, стандартное водоизмещение — 1240 тонн, полное водоизмещение 1520 тонн. Официальная церемония приёма в эксплуатацию состоялась 27 августа 1943 года в нью-йоркском морском порту.

Проект «Радуга»: в годы Второй мировой войны учёные ВМС США вели работы по проекту «Радуга», целью которого являлось сделать корабль максимально невидимым для радаров противника, а также создать иллюзию миража. В рамках этого эксперимента в гавани Филадельфии и чуть позже в открытом море летом (12 августа) и осенью (28 октября) 1943 года были проведены эксперименты по маскировке эсминца «Элдридж». В процессе Филадельфийского эксперимента производилась генерация чрезвычайно мощного электромагнитного поля вокруг корабля особой конфигурации, в результате чего предполагалось сильное преломление или искривление световых волн и излучения радара.

Глава третья, в которой САВЕЛЬУЧ НАПУСКАЕТ ТАИН- СТВЕННОСТЬ

Небо у вас необычное. У нас такое бывает только в том месте, где солнышко за горизонт прячется, а тут почти целый день жёлто-оранжевое. Кстати, учёные утверждают, что крысы обязаны видеть мир серым, а у меня всё не так. Я особенный. И шерстка у меня белоснежная. И два образования. Извините, об этом я, кажется, уже упоминал!

Я ведь за границей первый раз... Турист. В общем, с ознакомительной целью прибыл. Жаль, языками не владею, а вы по-нашему ни бум-бум... Эх! Знал бы, что так выйдет, приятеля бы с собой захватил! Он полиглот!

Что меня ещё волнует, так это куда вы, иностранцы, Луну подевали? Ночью глаз не смыкал — высматривал. Или те два обломка на небе — всё, что от неё осталось? Астероидом расколело, пока я перемещался? Молчите...

Мне бы до моря добраться! Как бы доступней объяснить... Я нарисую! Песочек у вас за рубежом странный... Красный какой-то... Глядите — волнистая линия — это волны, а по ним кораблик плывёт... Вот мне туда нужно! Проводите? Не понимаете... И зачем вам по две головы, если всё равно бестолковые! Я с одной маленькой и то лучше соображаю! Среди вас небось и научных сотрудников нет! Эх...

«Услышал бы Пафнутий о жутких последствиях Филадельфийского эксперимента, непременно хлопнулся бы в обморок, — подумал Брысь, когда слегка оправился от шока. — Кстати, крысюк мог бы и сам прочитать, что под фотографией напечатано, а то бахвалится своими двумя образованиями, а в жизни не применяет!»

Бахвалился... Глаза наполнились едкой влагой, и Брысь отвернулся, чтобы приятели не заметили его слабости. Достаточно жалостных всхлипываний Рыжего и сопения Мартина, переходящего в откровенное шмыгание большим чёрным носом. Даже философ взгрустнул — тоже успел привязаться к белобрысому хвостуну, хотя и

считал его «никчёмным балластом» для их команды...

— Да что мы его хороним! — воскликнул Брысь, пытаясь сердитостью заглушить печаль. — Может, весь этот проект — сплошные выдумки, а «м.н.с.» не объявился в положенный срок, потому что не рассчитал дозу эликсира!

Рыжий затих, а в его жёлто-зелёных «блюдцах» засветилась робкая надежда.

— Есть лишь один способ проверить! — решительно продолжал искатель приключений.

— Точно! Мы отправимся его искать! — завопил Мартин, так что на несколько мгновений все оглохли. — Представляете, как он обрадуется, когда мы его найдём!

Пожилой книгочей ожесточённо потёр передними лапами сначала одно лысеющее ухо, потом другое, восстанавливая слух, и недовольно буркнул:

— До чего ты громкий! Может, всё взвесим для начала?

— Да что там взвешивать — время уходит! — воспротивился пёс, в нетерпении подпрыгивая на месте.

— А вдруг он попал в другую реальность? — загадочно прищурился Савельич. — Вы же не знаете, какие научные теории использовались в эксперименте!

И, удовлетворённый тем, что вернул

внимание друзей, философ напустил ещё большую таинственность.

— Что вам известно, например, о «Гилбертовом пространстве»? — спросил он. И сам же ответил: — Абсолютно ничего! А между тем ещё в начале двадцатого века, в 1912 году, математик Давид Гилберт вывел уравнения, по которым выходит, что мир многомерный. А значит, и реальностей не одна, и даже не две, а бесчисленное множество! Добавьте сюда физиков Альберта Эйнштейна с его теориями, Николу Теслу с его телепатической связью с марсианами...

— Ого! — оживились слушатели при упоминании об инопланетянах, поскольку всё остальное было не очень понятно.

— ...и его знаменитыми катушками медной проволоки, позволяющими изменять электромагнитное поле вокруг предметов, — словно не заметив восклицания, вещал философ. — И других учёных с громкими именами и не менее удивительными идеями, которые объединились в работе над проектом «Радуга». Помножьте всё на желание американцев опередить в технологиях не только противников, но и союзников по Второй мировой войне, и... В общем, я склоняюсь к тому, что Филадельфийский эксперимент не легенда, — неожиданно закончил он.

Рыжий подвёл безутешный итог:

— Пропал наш Пафнутий!

Друзья помолчали — каждый вспоминал свой особенно памятный эпизод с участием белобрысого грызуна. Однако на ум приходили лишь шутки и розыгрыши, которыми они доводили несчастного «м.н.с.» до обмороков, пока его характер не закалился.

— Ты... это... если соберёшься, я с тобой, — шепнул Брысю пристыженный пёс.

Рыжий шевельнул пушистыми ушами — ему тоже не хотелось до конца жизни представлять, как над маленьким одиноким крысюком где-нибудь на необитаемом острове веют «враждебные вихри» из его любимой песни...

Краткие комментарии для любознательных

Давид Гилберт (Гильберт) (нем. David Hilbert; 23 января 1862 — 14 февраля 1943) немецкий математик-универсал, внёс значительный вклад в развитие многих областей математики. В 1910—1920-е годы (после смерти Анри Пуанкаре) был признанным мировым лидером математиков. Он сформулировал теорию гилбертовых (гильбертовых) пространств, одну из основ современного функционального анализа.

Альберт Эйнштейн (нем. Albert Einstein, 14 марта 1879, Ульм, земля Вюртемберг, Германия — 18 апреля 1955, Принстон, Нью-Джерси, США) — физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, общественный деятель-гуманист.

Никола Тесла (10 июля 1856, Смилян, Хорватия — 7 января 1943, Нью-Йорк, США) — изобретатель в области

электротехники и радиотехники, инженер, физик. Широко известен благодаря своему вкладу в создание устройств, работающих на переменном токе, многофазных систем и электродвигателя, позволивших совершить так называемый второй этап промышленной революции. Также он известен как сторонник существования эфира. Многие замыслы Тесла стали достоянием современной фантастики, некоторые же сбывались. Например, именно он выдвинул идею лучевого оружия и летающих тарелок. Ему принадлежит замысел о контакте с внеземными цивилизациями. Более того, учёный утверждал, что с помощью своего изобретения (беспроводных средств связи) ему удалось принять сигналы с Марса.

Глава четвёртая, в которой пафнутий собрался впасть в отчаяние

Диковинные двухголовые зверьки, покрытые густой короткой шерстью красно-коричневого цвета (под стать окружающему пейзажу), внимательно разглядывали рисунок на песке, оставленный изящным коготком белобрысого чужака. (Пафнутий принял обоих за неизвестную ему разновидность грызунов. И позавидовал не только удвоенным умственным возмож-

ностям, но и пушистым хвостам «заморских родственников» — они раза в три превосходили по длине его собственный лысый и позволяли их счастливым владельцам превращаться холодными ночами в меховые коконы, в то время как он нещадно мёрз. Собственно, так и обнаружил отсутствие Луны — не смог уснуть и занялся изучением ночного заграничного неба.)

— Мо-ре! — по слогам повторил Пафнутий, а для наглядности развёл передние лапки в стороны и помахал, изображая волну.

Положение, в котором он оказался, пока не представлялось безвыходным, но «м.н.с.» чувствовал, что эта угрожающая стадия не за горами, а тогда придётся снова падать в обмороки и терять драгоценное время! Первую защитную реакцию своего трепетного организма он уже пережил сразу «по прибытии», когда вместо надраенной до блеска корабельной палубы и трюмов, под завязку наполненных провизией, обнаружил какую-то лестничную клетку и дверь. Дверь была гостеприимно распахнута, открывая вид на песчано-каменистую пустыню красноватого цвета, лишённую какой-либо растительности и населения.

Последнее, правда, Пафнутий увидел, едва пришёл в себя. А как было не лишиться чувств, если лестничная клетка испарилась,

едва он перебрался через порог! Хорошо, что странная внешность туземных грызунов потребовала осмысления и это помогло путешественнику собраться с духом.

Обладание ещё одним носом, а также совсем не лишней парой ушей и глаз сулило немалые выгоды: враг не подберётся сзади незамеченным и пропитание искать легче. Будь его воля, он бы даже усовершенствовал строение зверьков и вместо второй головы просто расположил на затылке ещё одну мордочку!

Раздумья о чужом облике привели «м.н.с.» к панической мысли о собственной уязвимости и непригодности к жизни в новых условиях: белый цвет на фоне красно-коричневого ландшафта смотрелся чересчур вызывающе; отсутствовали дополнительные органы зрения, слуха и обоняния; тонкий лысый хвост не согревал!

Но самое неприятное таилось в разбросанных повсюду окаменелостях с кружевными отпечатками раковин и рыбьих скелетов. Из-за них пустыня смахивала на дно высохшего моря. Неужели Вовкин эликсир настолько испортился, что забросил его далеко в будущее, когда от огромного хранилища зеленовато-голубоватой (как обещал телевизор) мечты даже крошечной лужицы не осталось?!

— Ером! — вдруг произнёс один из

зверьков писклявым голоском (в точности, как у Пафнутия) и дружелюбно покивал передней головой.

— Э-э-эм, — обрадованно замычал «м.н.с.», торопясь продолжить долгожданный разговор, — у вас оно так называется?

— Ястеавызанкатоносаву! — подтвердил абориген, озорно поблёскивая коричневыми, в тон шерсти, глазками, похожими на перламутровые пуговицы от демисезонного пальто Вовкиной мамы.

— Язык сломать можно, — посетовал помощник юного химика на трудности произношения.

— Онжомьтамопскызя! — не стал спорить собеседник.

— А корабли там плавают? — с надеждой спросил «м.н.с.».

— Тюавалпматилбарока! — успокоил второй зверёк и добавил для ясности:

— Мэ-э-э!

А первый вдруг повернулся к Пафнутию роскошным хвостом и пропищал «запасным» ртом на «задней» голове:

— Море! Эээм! Увасонотакназывается? Акораблитамплавают?

«М.н.с.» настолько опешил, услышав родную речь, что не сразу сообразил: аборигены просто повторили в двух «зеркальных» вариантах сказанное им самим.

— Вот влип! — огорчился несостояв-

шийся турист круизного лайнера, а «зарубежная» родня тут же его пожалела, скопировав даже печальную интонацию:

— Пилвтов! Вотвлип!

Слушать собственные изречения Пафнутию надоело, и он решил вернуться к молчаливому языку жестов. Однако расшалившиеся иностранцы тут же растопырили лапки и вслед за ним запустили волну, так что «м.н.с.» почувствовал себя футбольным болельщиком.

Тяжело вздохнув, питомец Вовы Менделеева посеменил прочь от шутников, уповая на то, что море высохло не до конца и где-нибудь да найдётся.

Весёлые зверьки не обиделись на невежливость чужака, быстро его нагнали и пристроились рядом. С эскортом из двухголовых аборигенов передвигаться по незнакомой местности было намного спокойнее. Пафнутий хотел даже снова открыть рот, чтобы выразить грызунам благодарность, но вдруг уткнулся в невидимое глазу препятствие. Его спутники успели остановиться — вероятно, знали о существовании преграды или их зрение значительно превосходило возможности «м.н.с.».

— Чтоб тебя! — пробурчал путешественник во времени, потирая ушибленный нос и прислушиваясь к странному гулу, который раздался после его неудачного соприкосновения с неизвестной помехой.

— Ябетботч! — с готовностью подхватили аборигены, шагнули вперёд и... исчезли...

Пафнутий оторопело смотрел, как вслед за зверьками в «никуда» ускользают их длинные пушистые хвосты. А когда неведомое препятствие втянуло в себя иноземных грызунов целиком, «м.н.с.» снова остался один посреди безжизненной пустыни под жёлто-оранжевым небом, с которым сливалось даже солнце (оно, кстати, выглядело за рубежом почти вполовину меньше чем дома).

Несостоявшийся турист собрался впасть в отчаяние или, того лучше, упасть в обморок, как вдруг из поглотившей аборигенов таинственной субстанции высунулась когтистая лапка одного из них, схватила Пафнутия за шкурку и втащила внутрь...

Глава пятая, в которой Брысь пошёл против демократии

Нужно раздобыть эликсир! — решительно потребовал Брысь от Мартина, растерявшегося под его грозным взглядом. — И почему ты сразу не захватил пузырьёк?!

Пёс страдальчески наморщил лоб и прижал уши, переживая из-за допущенной оплошности. Какой же он всё-таки лопух!

Добродушный Рыжий пожалел беднягу и оправдал его недальновидность юным возрастом, напомнив приятелям, что Мартин — самый младший в их команде, хотя внушительные размеры заставляли об этом постоянно забывать. (Про себя он, конечно, подумал, что представитель кошачьих ни за что и никогда не допустил бы такой досадной промашки!)

— Ладно, — смягчился искатель приключений и вспрыгнул на подоконник, — придётся опять сетку от комаров порвать! А вы держите Вовку под наблюдением, пока я не вернусь!

— А если он соберётся домой? — запереживал Мартин, прислушиваясь к звяканью чайных ложечек о блюдца, которые доносились из кухни, где их маленький хозяин утешал своего друга чаем с пирожными.

— Значит, применишь силу! — то ли в шутку, то ли всерьёз изрёк Брысь.

Пёс озадаченно поморгал короткими чёрными ресницами и поплёлся в прихожую, на ходу соображая, как не выпустить гостя из квартиры и при этом не показаться слишком невоспитанным.

К счастью, серо-белый ловкач не заставил себя долго ждать, и Мартину не

пришлось проявлять суровость, а Саше — краснеть за дурные манеры своего питомца. Хотя чувство стыда мальчик всё же испытал, когда мама заметила разодранное «его» котами антимоскитное полотно, а ночной сон семьи то и дело прерывался на борьбу с назойливыми комарами. Те не преминули воспользоваться лазейкой в окне детской и занять во всех комнатах удобные позиции для атаки (Менделеевы не пострадали, поскольку пользовались фумигаторами).

Из-за суматохи, вызванной крылатыми кровопийцами, планирование спасательной операции отложили на утро. Но как только невыспавшиеся домочадцы разбрелись — кто в школу, а кто на работу, заговорщики ринулись к стеллажам с книгами. Правда, Мартин и Рыжий устремились в гостиную скорее за компанию, чем действительно помогать в поисках необходимой литературы. Первый так и не овладел грамотой, а второй складывал буквы в слова слишком медленно, чтобы быть полезным. Так что изучать надписи на корешках выпало Савельичу и Брысю.

Увы, по Филадельфийскому эксперименту ничего обнаружить не удалось, как и ни по одному из перечисленных в статье учёных, — сфера читательских интересов Сашиных родителей оказалась без физико-математического уклона. Не достигнув

желаемого результата на книжных полках, искатель приключений перевёл задумчивый взгляд на тёмный экран компьютера на Сашином письменном столе.

— Ни в коем случае! — всполошился философ. — Ещё нажмём не ту кнопку и сломаем! И так Саше из-за нас досталось!

Все оценили деликатность Савельича, который не стал перекладывать вину за бессонную ночь на Брыся, хотя сетка от летающих насекомых погибла именно под его когтями и по его предложению. В конце концов, их друг старался для общего блага.

— Ну... — протянул искатель приключений, — тогда не остаётся ничего другого, как повторить путь Пафнутия, а для этого кинуть жребий! Эликсира хватит только для кого-то одного.

Все уставились на заветный пузырёк, успешно переживший ночную суету под собачьей подстилкой вместе с измятой журнальной страницей, — вязкая жидкость едва покрывала донышко.

— Демократия! — признал правоту Брыся философ и закашлялся (не то чтобы он испугался, что благородная участь выпадет ему, пожилому домоседу-книгочею, но, определённо, разволновался при мысли о такой возможности).

Рыжий и Мартин тоже встревожились: один расклад — действовать командой под

надёжным руководством бывалого путешественника во времени и совсем иной — взяться за миссию, от исхода которой зависела жизнь их маленького друга, и напортачить... Однако ни тот, ни другой испуга не показали — не всё же Брысю отдуваться! Пусть судьба решит, кому в этот раз нести ответственность!

— Мартин, тащи спички из кухни! — распорядился искатель приключений. — Рыжий помоги ему, а то не найдёт!

Удивляясь, почему это он вдруг не сумеет в одиночку принести коробок, который хранился в ящике кухонного стола рядом с газовой плитой (на случай поломки электрического поджига), пёс побежал выполнять задание. Бывший эрмик припустил за ним, тоже изумившись недоверию, выказанному их молодому приятелю, и гадая, каким образом крошечные деревянные палочки помогут выбрать кандидата на путешествие в прошлое.

Едва друзья скрылись за дверью, Брысь выдернул из горлышка склянки салфетку и вытряс скудные остатки эликсира на снимок таинственного корабля.

— Прощай, Савельич! — быстро сказал он философу, потрясённому явным нарушением процедуры голосования, и торопливо слизнул липкую лужицу...

Глава шестая, в которой пафнутий мучится от жажды

Сначала Пафнутию почудилось, что в окружающем пейзаже ничего не изменилось: та же пустынность и красновато-коричневая земля под лапами, то же оранжево-жёлтое небо и тусклое, сильно уменьшенное в размерах солнце. Он обернулся на препятствие, о которое ушиб нос и сквозь которое его протащили дружелюбные двухголовые аборигены. Оно по-прежнему было невидимым. Чтобы показать свою крайнюю озадаченность, Пафнутий выпучил рубиновые глазки-бусины. Один из зверьков сообразил, по какой причине белобрысый чужак рискует остаться без органов зрения (кстати, единственных у него), и хлопнул по странной стене ладошкой — раздался гулкий звук, как будто ударили по металлическому листу. Но когда туземный грызун повторил незамысловатое действие, его лапка чудесным образом прошла насквозь!

Пафнутий ошеломлённо поморгал глазами и попробовал сам. Получалось, что

первое прикосновение диковинная преграда «воспринимала» как просьбу впустить или выпустить и становилась проходимой!

«Ну и затейники эти иностранцы!» — с восхищением подумал представитель далёкой державы и внезапно услышал знакомое бурчание — желудок отчаянно сигналил о нестерпимом голоде и просил обратить внимание на перемены в ландшафте: среди камней и песка небольшими группами произрастали безлистые кусты, усеянные длинными острыми колючками и крупными плодами, похожими на черешню (эти мясистые кисловатые шарики заботливые хозяева добавляли в его летний рацион питания).

«М.н.с.» обрадовался и потянулся за угощением, но вдруг отпрянул, испугавшись, что незнакомая еда окажется ядовитой и тогда корабля ему точно не видать! Двухголовые зверьки догадались о его сомнениях и опять проявили сообразительность: принялись демонстративно срывать аппетитные ягодки и набивать ими рты, не забывая про «запасные».

На вкус иноземные плоды были приторно-сладкими, как фруктовые сиропы, которыми когда-то пичкал своего научного сотрудника малолетний химик-изобретатель, но зато хорошо утолили голод. Пафнутий повеселел — на таком подножном корму и до моря можно добраться, как

бы далеко оно ни отодвинулось от точки его «высадки»!

Воспрянувший духом пришелец с довольным видом похлопал себя по набитому животу, давая аборигенам понять, что он сыт и благодарен, но зверьки с нетерпеливым любопытством таращились на его рот.

«Испачкался, что ли?» — удивился Пафнутий и поскрёб коготками по острой мордочке. Однако туземные грызуны смотрели всё с тем же ожиданием.

— Спасибо! — на всякий случай озвучил он свою признательность за обед и, вспомнив мышку Шушу*, добавил по-французски: — Мерси!

Иностранцы оживились и радостно запищали, перебывая друг друга:

— Обисапс! Исерем!

«Ну и пусть! — решил «м.н.с.» — так хотя бы на толковую беседу похоже, особенно, когда не повторяют по-нашему!»

Песчано-каменистая поверхность была испещрена норами, откуда то и дело выглядывали зарубежные родственники, чтобы поглазеть на «туриста». Наверное, местность пользовалась у двухголовых грызунов популярностью из-за близости плодоносящих растений.

От сладкого Пафнутию ужасно захотелось

* Персонаж из книги «Брысь, или Тайны Царского Села».

пить и, вскарабкавшись на камень, он pokrутил головой в поисках какой-нибудь лужицы, хотя бы малюсенькой. Но глаза натыкались только на ровную, выжженную солнцем пустыню. Небольшое разнообразие в окутанную красноватой дымкой линию горизонта вносила одинокая скала правильной пирамидальной формы и высотой почти до неба.

«Может, ручьи у них под землёй текут?» — понадеялся путешественник и, лодочкой сложив ладошки, сделал вид, что лакает.

Дружелюбные туземцы заинтересованно сунули носы в импровизированную ёмкость, а потом в недоумении уставились на странного чужака. Судя по всему, жаждой сладкоежки никогда не мучились.

— Вода! — в отчаянии пискнул Пафнутий, так как приторная липкость на языке сделалась невыносимой.

Зверьки переглянулись, развели передние лапки в стороны и изобразили волну, как недавно показывал белобрысый незнакомец.

— Да! Да! — завопил «м.н.с.», вне себя от счастья, что иностранцы его поняли.

Один из грызунов указал вдаль, туда, где возвышалась скала.

— Адов! — пискнул он.

— Ером! — подтвердил другой и посмотрел в том же направлении.

Измученный путешественник подско-
чил от ликования (были зайцы в роду, почти
неоспоримый факт!) и помчался к спаси-
тельной цели, надеясь исполнить все жела-
ния разом: и напиться, и совершить морское
путешествие. Двухголовые аборигены кину-
лись следом. Вероятно, решили до конца
соблюсти законы хлебосољства и проводить
гостя до места...

Глава седьмая, в которой случилась проза

Красноватая дымка по мере приближе-
ния к ней выглядела всё более злове-
щей, но нестерпимая жажда гнала
вперёд, да и надежда увидеть море окрыляла
и придавала лапкам скорость, а сердцу —
отвагу...

«В моих жилах течёт кровь неустраши-
мых мореплавателей!» — с восторгом подумал
Пафнутий и... с разбегу стукнулся об
ещё одну невидимую стену. Разозлившись,
«м.н.с.» пнул её правой задней и даже обра-
довался, когда преграда отозвалась жалоб-
ным металлическим эхом, а не превратилась
«по требованию» в проницаемую субстан-

цию, которую и пнуть-то нельзя с досады. Впрочем, тут же и удивился.

Подоспевшие аборигены встревоженно качали всеми четырьмя головами, прижимая ладошки к «передним» щекам, и путешественник сконфузился — уж не обвиняют ли его в поломке конструкции?! Может, она не любит грубого обращения? И не распухнет ли нос, как у Вовки, когда его на даче пчела укусила? С таким шнобелем (как маленького хозяина дразнили потом соседские мальчишки) перед корабельными крысами будет стыдно показаться.

Пафнутий осторожно ощупал пострадавшее место — вроде бы размер прежний. Успокоившись за свою внешность, он снова перевёл смущённый взгляд на местных жителей. Однако ужас, отразившийся в их глазах, заставил опять испугаться: «Неужели всё-таки распух?!» Хотя зверьки, кажется, смотрели мимо него. На то, что происходило за невидимой стеной.

«М.н.с.» обернулся — пирамида полностью исчезла в густом багровом тумане, в который превратилась дымка. Ураганный ветер поднимал с земли тяжёлые камни и расшвыривал их по округе. Некоторые ударялись о прозрачную преграду и отскакивали, натываясь на прочный металл, наполнявший окрестности мрачным гудением. Жёлто-оранжевое небо исчезло. Вместо него

над пустыней теснились угрюмые фиолетовые тучи. Они изрыгали огонь, будто злобные сказочные драконы, осерчавшие на мир. За каждым всполохом следовал оглушительный грохот, и, в принципе, белобрысому питомцу Вовы Менделеева уже полагалось лежать в обмороке.

Пафнутий и сам не понимал, что его удерживало. Наверное, тот факт, что происходящее никак не вредило зрителям и больше походило на фильм-катастрофу, только экран намного превосходил телевизионный.

— Гроза? — постарался он перекричать разбушевавшуюся стихию. Но куда там, голосок-то у него тонкий!

Однако спутники услышали (всё-таки хорошо иметь по четыре уха):

— Азорг! Азорг! — закивали они и постучали по стене, демонстрируя её надёжность.

— А! Я понял! Она становится непроницаемой, когда снаружи непогода! — восхитился «м.н.с.» хитростью иностранных конструкторов и задрал голову — получалось, что над ними крыша из такого же невидимого металла!

— Адогопен... — начал было один из зверьков, но Пафнутий невежливо заткнул ему оба рта передними лапками. Второй грызун догадался, что гость недоволен, когда за ним повторяют, и не стал его сердить,

хотя ему очень хотелось поупражняться в устной речи — сами-то они друг с другом не разговаривали, внушением обходились, а рты использовали исключительно для еды и приведения в порядок густой шёрстки. Поначалу и с белобрысым незнакомцем пытались мысленно общаться, но он не реагировал. Чужак, одним словом...

«Представляю, какой сейчас на море шторм! Пожалуй, хорошо, что мы не успели до него добраться!» — порадовался дальний потомок обитателей корабельных трюмов, стараясь не высказывать длинных предложений вслух.

А вообще-то у зарубежной родни было чему поучиться — например, они совершенно не отличались болтливостью! За всё время их знакомства ни словечком между собой не перемолвились, а действовали тем не менее слаженно — просто телепатия какая-то! В их родословную, наверное, коты затесались, а не зайцы, как к нему... Поэтому и хвосты у них такие пушистые, аж завидно.

А инженеры какие у них талантливые — такую удивительную защиту соорудили! Странно только, что он до сих пор ни одного не заметил, работают небось без отдыха. Хотя офисов тоже не видно... И обретаются неизвестно где и в чём — домов-то нет.

Только тут до Пафнутия дошла вся необычность окружающей обстановки, но,

немного поломав голову над загадкой, он нашёл логичное объяснение: не иначе, в заповедник попал, где редких животных от браконьеров оберегают. Вот почему грызуны двухголовые — вымирающий вид!

«М.н.с.» пришёл в восторг от собственной догадливости и окинул представителей местной фауны снисходительным взглядом — бедолаги, вся жизнь проходит под «колпаком», куда даже дождевая вода не затекает! Впрочем, они ловко научились использовать проницаемость стены... Тут конструкторы промашку совершили — разбежится зверинец, «двухголовиков» переловят и распродадут через зоомагазины любителям экзотики!

К огорчению путешественника, там, где бушевала гроза, ливня тоже не наблюдалось. Ни капли влаги не упало на песок! А значит, нечего было и рассчитывать, что по окончании бури он утолит жажду в какой-нибудь луже.

Пафнутий встал на задние лапки, чтобы дальше видеть, и прижался носом к прозрачному металлу, надеясь, что сквозь клубящуюся пыльную завесу блеснут пенистые волны. Но вместо вожаемого моря с той стороны преграды блеснули чьи-то глаза. Огромные, как у лошади, матово-чёрные и бездушные, как у акулы-убийцы, виденной «м.н.с.» по телевизору. Они оказались прямо напротив

рубиновых бусинок пришельца и пристально его рассматривали.

Пафнутий ойкнул и лишился чувств, успев, однако, отметить, что ему совершенно расхотелось пить...

Глава восьмая, в которой пафнутий наткнулся на кладовую

Очнулся невезучий «турист» от неприятного ощущения, что его тащат по жёсткой неровной поверхности. В вышине грудились тучи, пытаясь пронзить «купол» огненными стрелами молний или разрушить громовыми раскатами. Пафнутий скосил глаза — мимо проплывали остроугольные камни и колючий кустарник со съедобными приторно-сладкими плодами. С трудом приподняв голову, «м.н.с.» увидел белоснежный округлый живот и задранные кверху две пары лапок со знакомым изысканным маникюром.

Ситуация прояснилась: гостеприимные аборигены, не очень церемонясь, волокли его за длинный лысый хвост в неизвестном направлении. Впрочем, вскоре оно стало

известным — помощника юного химика втянули в просторную нору. Вход забаррикадировали камнем, вероятно специально подготовленным на случай внешней угрозы, а потому он идеально вписался в отверстие.

При мысли об опасности к Пафнутию вернулась память, а с ней и воспоминания о жестоком блеске огромных матово-чёрных глаз.

— Как здорово, что мы под защитой прочной стены! — не удержался и прокомментировал он вслух.

Однако, вопреки ожиданиям, зверьки не повторили восклицание, а лишь бросили испуганный взгляд на ожившего чужака и повлекли его вглубь тёмного лабиринта. От страха они не сообразили, что упитанный гость очнулся и в состоянии передвигаться самостоятельно. Пафнутий тоже об этом не подумал, только ойкал, когда натыкался затылком на шероховатости.

В один из таких «ойков» путешественника осенило — закончится гроза и преграда снова станет обычной! (Ну, если слово «обычный» подходит к невидимому металлу.) Наверное, зверьки опасались, что чудовище быстро раскроет секрет проницаемости и ворвётся на территорию заповедника, населённого аппетитными двухголыми грызунами! А тут ещё он — такой белоснежный

и хорошо откормленный заботливыми хозяевами! Просто ходячий деликатес!

Последняя мысль подстегнула умственные способности «м.н.с.», и он сообразил: таинственный монстр НЕ МОГ видеть сквозь стену, ведь с той стороны на ней отображалась лишь мёртвая каменная пустыня. Он ЗНАЛ, кто скрывается за препятствием, и ждал...

Вырвав хвост из цепких лапок туземцев, Пафнутий вскочил на свои собственные и помчался вперёд, так что на какое-то время даже возглавил улепётывающую процессию. К ней присоединялись всё новые перепуганные зверьки. По пути они останавливались, загораживая камнями другие лазейки, ведущие с поверхности в подземный город грызунов, и торопились дальше — на нижние безопасные уровни.

С непривычки у пришельца заложило уши — вероятно, перепад глубин становился всё значительней. Но гораздо хуже наступившей глухоты была нехватка воздуха.

«М.н.с.» остановился. Спасаться вместе с аборигенами, отлично приспособленными к местным условиям, означало для него верную смерть. Почти такую же мучительную, как в зубах неизвестного хищника.

Пафнутий посторонился, чтобы не мешать десяткам, а то и сотням спешащих мимо него заграничных родственников. Охва-

ченные паникой, они не обращали никакого внимания на белобрысого одноголового чужака, а дружелюбную парочку он давно потерял из виду в общей суматохе. Вскоре несостоявшийся мореплаватель остался совсем один, и даже топот множества лапок растворился в плотной тишине.

Чувствуя себя несчастной рыбиной, безжалостно выброшенной на берег обстоятельствами, путешественник двинулся в обратном направлении. Туда, где хотя бы дышалось легче и не шумело в ушах. От недостатка кислорода мысли разбегались, язык распух без воды, и «м.н.с.» пришёл к горькому выводу, что мечта о морском круизе снова заманила его в ловушку. Только теперь ему не стоило ждать помощи от своей бесстрашной команды и предприимчивого серо-белого друга, который из любой ситуации находил выход и никогда не унывал...

Совершенно обессиленный, Пафнутий улёгся на землю, не заботясь о чистоте холёной шёрстки — в конце концов, его так долго тащили волоком, что она наверняка безнадежно испачкалась.

Нос упёрся в холодный камень. «Может быть, за ним скрывается одна из лазеек, а возле неё караулит кровожадный зверь? — обречённо подумал маленький пришелец. — Аборигены так ловко перекрывали доступ в лабиринт и так дружно удирали, будто уже

встречались с монстром и знали, насколько он опасен! Если он меня съест, то я хотя бы не умру от жажды!»

То, что у него появился выбор, пусть и по такому мрачному вопросу, обрадовало Пафнутия и даже вернуло ему часть утраченной жизненной энергии. Поднявшись на лапки, «м.н.с.» налёг на камень и попытался толкнуть. Тот пошатнулся и нехотя, по миллиметрам, позволил отодвинуть себя в сторону.

За ним открылось отверстие, проделанное местными грызунами, но вело оно не на поверхность, а... в кладовую! И не в какое-нибудь мышиное зернохранилище, а в настоящую человеческую, заставленную ящиками с разнообразными консервами и освещённую электричеством! Правда, длинные стеклянные трубки на потолке не горели спокойным голубоватым светом, а судорожно мигали, норовя совсем погаснуть, но это не помешало Пафнутию насладиться видом обширных продовольственных запасов. Не хуже, чем в корабельном трюме!

Глава девятая, в которой пафнутия зовёт мечта

Надписи на банках прочитать не удалось, поскольку они были сделаны на чужом наречии. Кажется, на том, который Вовка изучал, английском. Впрочем, «м.н.с.» особенно не интересовался школьными предметами своего научного руководителя, поскольку ему вполне хватало двух имеющихся образований и занимать маленькую голову ещё и знанием иностранного языка он не собирался. Вот если бы он уже тогда задумал заграничную поездку...

О вкусном содержимом красноречиво сообщали весёлые картинки со свинками, коровами, цыплятами и рыбками, так что люди напрасно потратили столько усилий на подписывание жестянок! Достаточно даты изготовления, чтобы определить срок годности. Пафнутий взгляделся в выпуклые цифры — 1983. Давнишние... Однако консервы не вздулись (так Вовкина мама определяла, испортилась начинка или нет), небось не отравится.

К удивлению воспрянувшего духом «туриста», ни одна из банок не была вскрыта. Вероятно, аборигены привыкли к сладким ягодам и не соблазнились ни мясом, ни рыбой. И дыру в бетонной стене по соседству с их коридором они прогрызли из чистого любопытства. А потом заложили вход камнем, чтобы не отвлекаться на «тупиковую» лазейку в момент панического бегства.

Самым главным богатством оказались ящики с прозрачными пластиковыми бутылками, и Пафнутий с жадностью на них набросился, а напившись, занялся составлением обеденного меню. Хотелось всего и сразу.

Используя прочные зубы в качестве консервного ножа, оголодавший путешественник открыл несколько жестяных ёмкостей с разными наклейками и принялся есть из каждой, подцепляя аппетитные кусочки передними лапками и с жадностью запихивая их в рот.

Приятное чувство сытости настроило «м.н.с.» на философский лад — не дожидаться ли окончания действия эликсира в этой кладовой? При желании, её можно представлять себе корабельным трюмом. А если отодрать яркую наклейку с какой-нибудь банки (лучше всего с нарисованными рыбками) и повязать вокруг головы наподобие банданы, то мечта осуществится на целую половину!

Пафнутий прошёлся враскачку по воображаемой палубе (чему способствовал туго набитый живот, перевешивая «мореплавателя» то на один бок, то на другой) и вздохнул — маловато приключений получается... Дотошные слушатели обязательно догадаются, что настоящего моря он так и не увидел и ни одного шторма не испытал...

С сожалением окинув взглядом несметные продовольственные сокровища, «м.н.с.» выбрал банку цилиндрической формы с изображённой на ней счастливой коровой и покатил её к выходу — какой-никакой, а запас, ведь неизвестно, как долго ещё добираться до заветной цели.

Мигающие на потолке лампы издавали противный дребезжащий звук и действовали на нервы. «Уж лучше бы совсем погасли!» — неприязненно подумал путешественник и остановился перевести дух, а заодно прислушаться, не поджидает ли за приоткрытыми металлическими дверями толпа разгневанных Людей, которым предназначались все эти консервы.

Голосов, однако, было не слышно: или иностранцы общались друг с другом посредством телепатии, как двухголовые грызуны, или их рабочий день закончился и они разошлись по подземным квартирам. «Или все они пали жертвами неиз-

вестного монстра», — нервно хихикнув, не стал исключать Пафнутий и такую вероятность.

От последней мысли ему стало не по себе, и «м.н.с.» осторожно выглянул из кладовой. Обзор загораживала куча старого тряпья, служившего когда-то одеждой для... скелета, который разлёгся перед дверью. Потомок неустрашимых мореплавателей похлопал рубиновыми глазками-бусинками и растянулся рядом.

Сколько времени он провёл без сознания, Пафнутий сказать бы не смог. Но, судя по сытой тяжести в желудке, не так уж и много — даже проголодаться толком не успел! Проворно вскочив на лапки, он бегом вернулся в «трюм». Следовало хорошенько обдумать создавшееся положение.

На всякий случай храбрый путешественник заткнул консервной банкой отверстие, через которое попал в продовольственный бункер. А вот загородить основной вход не получилось бы физически. Впрочем, он надеялся, что хищник-убийца не станет рыскать там, где не осталось живых.

Оборону «м.н.с.» занял на самом высоком штабеле из ящиков, предварительно наведавшись к недоеденным консервам.

«При таком калорийном питании и отсутствии спортивного тренажёра я скоро потеряю форму! — забеспокоился помощник

юного химика. — Придётся почаще туда-сюда лазать!»

Если бы не раздражающее мигание и потрескивание стеклянных трубок, то Пафнутий, пожалуй, провёл бы остаток «отпуска» в безопасности и продуктивном изобилии. Но выдерживать световую и звуковую пытку он оказался не в силах и вновь задумался о морских просторах и свежем солёном ветре. Мечта звала вперёд и насмехалась над его малодушием!

Устыдившись, «м.н.с.» ещё раз основательно подкрепил мужество тушёным мясом, курицей и рыбой, отважно перебрался через человеческие останки и с опаской огляделся.

Огромный прямоугольный зал напоминал поле битвы, произошедшей давным-давно (возможно, в том самом 1983 году, когда были изготовлены консервы): развороченные столы, порванная в клочья кожаная обивка кресел, разбитые компьютеры, поломанные научные приборы, неизвестные помощнику юного химика, оборванные кабели и повсюду человеческие скелеты, прикрытые полуистлевшим тряпьем. У многих не доставало черепов, рук или ног, словно их откусило и проглотило неведомое чудовище.

Превозмогая ужас и дрожа всем упитанным тельцем, Пафнутий бросился к распахнутым настежь дверям в конце зала, над которыми назойливо моргали зелёные буквы

EXIT. За ними тянулся коридор. В прерывистом свечении стеклянных трубок Пафнутий разглядел на стенах глубокие борозды от мощных когтей. Такие бы даже Мартин не оставил, а значит, монстр-убийца превосходил размерами гигантского пса!

«М.н.с.» горько пожалел о своей безрассудной отваге и посетовал на храбрых предков, чья кровь так некстати вскипела в его жилах и вынудила покинуть сытное и безопасное убежище. Он с тоской оглянулся — теперь человеческие останки казались вполне безобидными, тем более что не покушались на продовольственные запасы.

«Какой же я смелый!» — печально констатировал путешественник и медленно, с остановками, двинулся вперёд. Внезапно дальний конец коридора осветила яркая вспышка. Пафнутий зажмурился. Сквозь тонкую кожицу век проникали разноцветные искорки. Они приобретали диковинные очертания, как в калейдоскопе, который питомец Вовы Менделеева обнаружил однажды среди детских игрушек малолетнего хозяина и долго не мог оторваться от восхитительного зрелища.

Выждав несколько мгновений, «м.н.с.» приоткрыл глаза, но зрение не спешило восстанавливаться, продолжая создавать из крошечных пёстрых точек странные обра-

зы. Они напоззали друг на друга, пока не слились в один, приняв облик зверя.

«Чудище!» — выдохнул Пафнутий и немедленно лишился чувств...

Глава десятая, в которой Брысь видит монстра, а Мартин мучится угрызениями совести

Эсминец намного превосходил в реальной жизни тот корабль, который представлял себе Брысь по снимку в журнале. Чтобы отыскать на огромной посудине со множеством отсеков, напичканных сложными механизмами, маленького крысюка, пусть и белоснежного, требовалось время, а его-то как раз и не оказалось!

События разворачивались стремительно. Брысь едва успел вдохнуть пахнувший рыбой воздух, как видимость резко ухудшилась: судно, словно коконом, накрыло густым зеленоватым маревом.

Туман был необычный. Но не потому, что ему полагалось напоминать цветом разведённое водой молоко, а не изумрудные глаза Савельича, когда в них светит солнце, почти

стирая чёрный зрачок. А потому, что туман переливался, как полярное сияние в чертогах Снежной Королевы, которые показывали по телевизору в Сашины зимние каникулы.

Савельич не преминул воспользоваться случаем и сообщить, что вся эта красота не что иное, как свечение верхних слоёв атмосферы, когда их «бомбят» заряженные частицы солнечного ветра. И если в этот момент посмотреть на планету из космоса, то всполохи будут иметь вид окружностей с центром в магнитных полюсах Земли.

Сухие объяснения книгочея не смогли лишить удивительное природное явление волшебной магии и сейчас весьма кстати всплыли из глубин цепкой кошачьей памяти. Уж не явилась ли зелёная переливчатая мгла следствием эксперимента по размагничиванию корпуса эсминца и проект «Радуга» действительно не выдумка?

— Теперь я такой же бедный, как Пафнутий, — почему-то развеселился пришелец из будущего. Савельич сказал бы, что это нервное, своеобразная реакция организма на стресс.

Веселье закончилось так же внезапно, как и началось. Вероятно, много повидавший организм Брыся научился быстро справляться с любыми неприятностями. Что огорчало кота-пришельца, так это недостаток времени, чтобы вылизать шёрстку и

поразмыслить над происходящим. Савельич считал своего молодого приятеля неисправимым авантюристом, но на самом деле в основе его походов всегда лежал чёткий план. Просто обстоятельства иногда мешали действовать в соответствии с задумкой!

На этот раз даже плана не было. А всё из-за того, что не оказалось и нескольких минут на приведение себя в порядок! На палубе, по которой бестолковый Пафнутий мечтал пройти в тёмных очках и яркой бандане (насмотрелся мультиков!), корчились Люди: кто-то зажимал ладонями уши и стонал от боли, другие надрывались от хохота, словно их неожиданно покинул рассудок...

Брысь догадался, что странное поведение моряков и зелёный туман вокруг эсминца — звенья одной цепи, и тянулась она к научным приборам, установленным на подопытном корабле. Вот только у страдальцев не было сил, чтобы отключить источник мучений.

Не успел пришелец из будущего пожалеть несчастных, как прямо перед ним сверкнула молния и, почти касаясь поверхности судна, изогнулась огромным полыхающим кольцом, не меньше человеческого роста в диаметре. Внутри кольца ошеломлённый кот разглядел убегающие вниз ступени, по которым гигантскими скачками приближа-

лось НЕЧТО: размером с трёх Мартинов, обросшее длинной клокастой шерстью рыжего и чёрного цвета, с мордой, напоминающей одновременно и собачью, и кошачью. «Может, представитель местной фауны?» — оторопел Брысь от жуткого облика неведомой твари.

Монстр скользнул тусклыми безжизненными глазами по замершему зверьку, хладнокровно оценивая, стоит ли тратить время на его пережёвывание, но не соблазнился испуганным видом и небольшими габаритами. Перепрыгнув через огненный барьер, чудовище набросилось на беспомощных матросов.

Те, кто смог подняться, искали спасения на загадочной лестнице. Их подстёгивали предсмертные крики товарищей, и перед «входом» возникла толчея. Самые невезучие натыкались на пламенеющее кольцо и тут же обугливались.

Привлечённый тошнотворным запахом горелого мяса, монстр обернулся, оставив очередную жертву истекать кровью. В это мгновение чьи-то руки подхватили растерявшегося Брыся, и последнее, что увидел пришелец, как корабль стал поглощать людей.словно каждая деталь на нём превратилась в зыбучий песок или трясину...

— А я говорю, он поступил неправильно! — упрямо повторил Рыжий и ударил лапой по коробку спичек для голосования, который они с Мартином притащили из кухни.

Савельич с философским спокойствием проследил, как маленький прямоугольник стремительно переместился под платяной шкаф, и примирительно сказал:

— Да, он нас обхитрил, но ведь хотел как лучше!

Мартин печально разглядывал потрёпанный ошейник из шёлковых золотистых нитей, который бывший Кот Его Высочества ни за что не хотел менять на новый, и хмурил большой лоб — он понимал, почему Брысь не стал дожидаться их возвращения. Во-первых, с белобрысым грызуном его связывала давняя дружба, а значит, он волновался за «м.н.с.» больше остальных. Во-вторых, из всей их компании Брысь был самым приспособленным к разного рода неожиданностям. В-третьих, учитывая первые два пункта, искатель приключений решил не полагаться на случай, а взять ситуацию в свои искушённые лапы...

Однако, признавая правоту отважного и умного кота, благородный пёс мучился угры-

зениями совести из-за того, что его крепкие зубы и мускулы пропадают в уютной квартире, не принося никакой пользы. Он даже втайне от всех перед каждой прогулкой загадывал желание, чтобы на маму Лину, папу Николая Павловича или Сашу напали хулиганы и он смог бы применить навыки спасателя. Но пока ему не везло... Наверное, все бандиты отправились туда, куда и Брысь с Пафнутием. И чувствовали себя там абсолютно безнаказанно!

Угроза разбойного нападения на приятелей казалась Мартину наиболее вероятной опасностью, поскольку у простодушного пса не получалось представить переходы в другие реальности, сдвиги в пространстве, а тем более далёкий Марс, который на небе выглядел крошечной точкой, одной из миллиона миллионов. Даже неизвестно, он ли это и на чём бы друзья туда добрались!

Вскоре отсутствие серо-белого питомца заметил Саша, и Мартину пришлось изображать усердные поиски, а потом сопровождать хозяина в квартиру к Вовке, куда Саша отправился делиться переживаниями. На обратном пути пёс прихватил у Менделеевых журнал с вырванной утром страницей. А на просьбу положить его на место ответил глухим рычанием, чем несказанно удивил обоих мальчиков и ненадолго отвлёк их от горестных мыслей о пропаже любимцев.

— Да ладно, пусть жуёт! — великодушно разрешил Вовка. — У меня этого добра навалом!

Вручив добычу философу, Мартин, а с ним и Рыжий принялись с волнением ждать, не прояснит ли продолжение статьи о Филадельфийском эксперименте, куда могли запропасться путешественники во времени...

Глава одиннадцатая, в которой друзья узнают правду о монтаукском звере

Савельич надолго погрузился в чтение, а Мартин и Рыжий с тревогой наблюдали, как глаза философа переползают со строчки на строчку и от усердия шевелятся длинные усы. Единственным, кто не боялся торопить книгочея, был Брысь. Но он отсутствовал, а они не решались подгонять учёного приятеля, зная его ворчливый характер и обидчивость.

Наконец Савельич оторвался от журнала и потянулся, продолжая в молчании размышлять над почерпнутой в статье информацией. Мартин не выдержал и жалоб-

но заскулил, а Рыжий глубоко вздохнул — и почему ему так трудно даётся грамота?! По отдельности-то он все буквы помнил, и даже в слоги складывал, и даже из слогов слова составлял, но, к его великому огорчению, приобретённых умений оказалось недостаточно: слова цеплялись друг за дружку, как репейник за лохматую шерсть, и выстраивались в длиннющие предложения. И когда он добирался до последнего знака препинания, то совершенно не помнил, с чего начиналась фраза! Мартин, правда, и алфавит не осилил, но это утешало слабо — он же собака, ему простительно.

Тот, кому «полагалось» быть глупее котов, извлекал из могучей груди всё более тонкие протяжные звуки и, в конце концов сорвавшись на фальцет, отрывисто твякнул, что никак не вязалось с его внушительной статью и сильно отличалось от привычного баса. Мартин смутился. Савельич с любопытством посмотрел на него, словно удивляясь, с чего бы такое поведение, и неторопливо начал:

— Дело куда сложнее и запутаннее, чем казалось поначалу. Ужасные последствия Филадельфийского эксперимента не охладили пыла учёных. Наоборот — они расширили круг опытов. Их интересовал уже не только эффект «невидимости» металла, но и воздействие электромагнитного излучения

на человеческий разум. А кроме того... — Савельич таинственно понизил голос, а его глаза сверкнули изумрудным блеском, — они нашли проход во времени и пространстве и стали запросто путешествовать по всей Вселенной! Побывали на Марсе, когда там ещё не угасла жизнь, и даже устроили поселение в подземельях под большой марсианской пирамидой!

— Браки! — убеждённо возразил Мартин вернувшимся к нему басом. — Люди в космос на ракетах летают! Я по телеку видел!

— Действительно, — усомнился и Рыжий, — зачем бы им строить космические корабли, если бы они могли без них перемещаться?

Савельич принял глубокомысленный вид и ответил загадочно, зловещим шёпотом:

— Доэкспериментировались потому что! В 1983 году на базе в Монтауке, где проводились опыты, это тоже в Америке, — пояснил он на всякий случай, — появилось чудовище, Монтаукский зверь. И его нельзя было убить.

Мартин засомневался:

— Наверное, плохо целились! Руки дрожали от страха!

— Дело в другом! — поморщился философ (он терпеть не мог, когда его перебивали).

— А в чём? — с замиранием сердца спросил Рыжий. Его воображение уже вовсю рисовало страшные картины неравной битвы. Бывший дворцовый мышелов даже впервые пожалел своих несчастных лысохвостых жертв.

— Он виртуальный!

— А, тогда понятно! — пробасил Мартин, хотя на самом деле незнакомое слово окончательно его запутало. Просто показалось, что нахмуренный вид учёного кота требовал именно такого, утвердительного, ответа.

Пёс с надеждой воззрился на Рыжего — может, он тоже не в курсе, что означает «виртуальный», и попросит разъяснений? Однако Савельич настолько удивился ответу простофили Мартина, что сам поторопился продолжить, пока и Рыжий не лишил его лекторского удовольствия.

— Был у них один экстрасенс, матрос эсминца «Элдридж», из тех, кто выжил после эксперимента.

Взгляд Мартина сделался жалобным, и книгочей растолковал:

— Экстрасенсы вроде нас, котов. Они окружающий мир чувствуют лучше остальных. Так вот, для этого матроса в специальной комнате соорудили научный прибор в форме кресла и подвергали разным излучениям. От каких-то он засыпал, от каких-

то начинал волноваться, радоваться или плакать...

— В общем, как Вовка Менделеев, методом научного тыка работали! — с важностью вставил пёс, торжествуя от собственной понятливости, но тут же испуганно умолк под предостерегающим взором Савельича. Философ досадливо подёргал ушами и после выразительной паузы продолжил:

— А потом дошли до экспериментов по материализации человеческой мысли. Предметы, которые воображал себе матрос, стали появляться в реальности.

— Вот здорово! — восхитился Рыжий и принялся (вдруг сработает!) усердно думать об упитанной мышке.

— Здорово, конечно! Вот только эти вещи существовали ровно столько, сколько он о них думал. А как только переставал, то они исчезали.

Мартин представил, как бы он огорчился, если бы вдруг пропала нафантазированная им сахарная косточка. Мало ли, на что он мог отвлечься! При мысли о коварном лакомстве в пасти тут же скопилась слюна и забурчало в животе.

— К чему ты клонишь? — забеспокоился Рыжий, забыв про неоконченный эксперимент с мышью. — Это тот самый экстрасенс виноват в появлении монстра?

— Именно так! — с важностью подтвердил книгочей.

Мартин обвёл друзей сконфуженным взглядом. Во-первых, для простодушного пса было загадкой, зачем матрос навоображал какого-то зверя. Разве недостаточно на свете прекрасных вещей, даже помимо сахарной косточки?! Во-вторых, ну придумал случайно чудовище, можно ведь тут же представить себе что-нибудь более безопасное! Например, красную латексную утку... Или его от страха на одном видении заклинило?

— Беда в том, — не дожидаясь вопросов, пояснил Савельич, — что монстр не исчез не только когда экстрасенса отключили от кресла, но даже когда остановили работу всего оборудования на базе в Монтауке!

Краткие комментарии для любознательных

Сведения о Монтаукском проекте (проект «Феникс 2») основаны на воспоминаниях Престона Николса, инженера и изобретателя, утверждающего, что он почти десять лет проработал в этом проекте в качестве технического директора.

Глава двенадцатая, в которой Брысь и матрос оказы- ваются в незнакомом месте

На таинственной лестнице матрос выпустил кота из рук (или пришелец из будущего сам вырвался, уже и не помнил). Жуткие крики позади, сбивчивое дыхание и мелькание множества ног спасающихся от страшной участи Людей заняли все помыслы Брыся, так что он, к своему стыду, даже забыл о Пафнутии — белобрысой цели перемещения в прошлое.

Давка напомнила путешественнику во времени пожар в Зимнем дворце*. Только тогда он мчался по ступенькам вверх, на чердак, вслед за пожарными, а тут приходилось спускаться: короткие лестничные марши чередовались с площадками, как будто в высотке сломались лифты и жильцы, торопясь на работу, вынужденно воспользовались лестницей.

Попадались и двери, похожие на квар-

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества» (часть I «Брысь, или Кот Его Высочества»).

тирные, только без привычных табличек с номерами. Иногда они приоткрывались, словно заманивали, и многие исчезали за ними, предпочтя неизвестность утомительному спуску. Впрочем, что поджидало внизу, тоже никто не знал...

Первоначальную мысль о том, что внутреннее устройство эсминца похоже на обычный подъезд, Брысь отринул как несостоятельную — не мог корабль быть таким многоэтажным!

Пришелец из будущего остановился, чтобы перевести дух, пригладить вздыбленную шёрстку и придумать объяснение феномену... Впереди замаячило светящееся кольцо, как то, что возникло из молнии на палубе подопытного эсминца. На лестнице к этому моменту остались только Брысь и матрос, который затащил его в странный подъезд (остальные скрылись за многочисленными дверями).

— Если зверь выбежал отсюда, то не исключено, что мы увидим жуткую картину, — шёпотом обратился к пришельцу из будущего его спутник, снова беря кота на руки и перешагивая через огненное препятствие.

И даже если бы путешественник во времени не был полиглотом, он понял бы, что сказал американец, потому что боялся того же самого.

Товарищи по несчастью оказались в

комнате. В её центре возвышался подиум, а на нём — сооружение наподобие кресла в окружении всевозможных приборов, назначение и названия которых искателю приключений были неизвестны.

— Похожие катушки установили на эсминце, — пробормотал матрос.

Брысь присмотрелся — пожалуй, при развитой фантазии в некоторых приборах можно было узнать приспособления для наматывания ниток. В данном случае, правда, их заменяла блестящая проволока с медным отливом. «Кажется, Савельич приписывал их изобретение физику Николе Тесла, тому, кто телепатически с марсианами общался», — припомнил он разглагольствования философа.

— А вот такого я раньше не видел! Спутник Брыся с удивлением остановился перед компьютером. Приподняв одной рукой белоснежный, похожий на кастрюльку, головной убор, другой он задумчиво поскрёб себе макушку, а затем постучал указательным пальцем по компьютерной клавиатуре. Тёмный монитор вдруг ожил, расцветившись яркой пейзажной картинкой. В нижнем правом углу экрана появились цифры.

— 12 августа 1983 года, — оторопело прочёл матрос. — День сегодняшний, но год... Такого не может быть!

Брысь вздохнул — ещё как может!

Однако следующее восклицание спутника потрясло даже бывалого путешественника во времени:

— Это же я!

Человек вертел в руках фотографию в красной пластиковой рамке, которая до того стояла рядом с компьютером.

Искатель приключений вспрыгнул на стол и заглянул в снимок.

— Это же я, Дункан, — в растерянности повторил матрос.

Впрочем, и без знания имени было очевидно, что человек на цветной глянцевой карточке и тот, кто сейчас пялился на неё с ошарашенным видом, отличались друг от друга лишь тем, что у первого были усы, а у второго нет...

Глава тринадцатая, в которой Брысь выбирает планету

Матрос поставил фотографию на место и пожал плечами.

— Наверное, просто очень похож! Так бывает! — обратился он к молчаливому коту, который с серьёзным видом рассматривал то снимок, то оригинал.

— Пойдём отсюда! Может, найдём

кого-нибудь, кто объяснит всю эту чертовщину! — позвал Дункан и направился к проёму в стене.

Брысь только сейчас обратил внимание, что серая металлическая дверь валялась на полу, сорванная с петель неизвестным силачом. Очевидно, тем монстром, что бушевал сейчас на палубе «Элдриджа».

Путешественник во времени оглянулся на молнию, огненным кольцом обрамляющую вход в «подъезд». Аналитическим кошачьим умом он уже догадался, что лестница соединила не только разные пространства, но и разные исторические отрезки. Это значительно расширяло зону поисков белобрысого грызуна, но Брысь не привык опускать лапы перед трудностями и предаваться унынию, если оставалась хоть малейшая надежда на успех задуманного. В данном случае удача могла поджидать где угодно, так что искатель приключений бодро спрыгнул со стола и кинулся догонять своего спутника.

В соседнем помещении тоже никого не оказалось, однако опрокинутые стулья указывали на спешку, с какой покидали комнату те, кто на них сидел. Матрос с тоской озирался среди непонятных для выходца из сороковых годов прошлого столетия предметов — компьютеров и телевизоров, а пришелец из будущего заинтересовался картами, занимавшими целую стену.

На одной была представлена Солнечная система. Брысь видел похожее изображение в библиотеке цесаревича Александра и ещё тогда выяснил, что его родная Земля не только шар, но и третья планета от Солнца — большой звезды, которая, в отличие от всех остальных, крошечных, сияет на небеднѣм. Да ещё таким нестерпимым блеском, что её нельзя разглядывать так же долго и пристально, как Луну.

Ближе всех к Солнцу расположился Меркурий, и Брысь пожалел его жителей — им наверняка приходилось несладко от такого горячего соседства. Даже земные теплолюбивые коты иногда вынуждены искать спасительный тенѣк от обжигающих лучей, а уж меркурианские небось вообще не вылезали из прохладных подвалов!

Впрочем, начитанный Савельич как-то упомянул, что другие миры безжизненны, поскольку в них нет подходящих условий, но искатель приключений сомневался, чтобы столько места пропадало зря, и продолжал втайне сочувствовать тем, кому судьба выделила для обитания не такую комфортную планету, как землянам... А может, космические дома разыгрывали в лотерею?..

Фантазия тут же подсунула картинку, где разномастные коты (кому же ещё доверить ответственную миссию!) напряжѣнно уставились на стеклянный крутящийся бара-

бан. Внутри весело подпрыгивали, стучаясь пластмассовыми боками, белые шарики с цифрами. (Консьержка тётя Маша из подъезда дома на канале Грибоедова, где Брысь однажды зимовал, любила смотреть на них по маленькому телевизору*.)

Потом каждый участник, зажмурившись, чтобы не подглядывать, вытащил свой единственный шар — с номером планеты, на которой предстояло поселиться ему и тем, от чьего имени он выступал.

Брысь не удержался и тоже запустил лапу в воображаемый барабан. «4» с изумлением увидел он мысленным взором и обратился к карте, чтобы посмотреть, куда бы его занесло, случись такая лотерея на самом деле.

— Меркурий, Венера, Земля, — начал отсчёт искатель приключений, — Марс! Так себе планетка, почти вдвое меньше нашей, — расстроился Брысь из-за неудачного жребия...

Краткие комментарии для любознательных

Марс — четвёртая по удалённости от Солнца и седьмая по размерам планета Солнечной системы. Масса планеты составляет 10,7 % массы Земли. Названа в честь Марса — древнеримского бога войны, соответствующего древнегреческому Аресу. Иногда Марс называют «красной планетой» из-за красноватого оттенка поверхности, придаваемого ей оксидом железа.

* Персонаж из книги «Приключения котёнка Брыся».

Глава четырнадцатая, в которой ПОЯВЛЯЕТСЯ ДВОУНУК ДУНКАНА

Цветное изображение четвёртой планеты с двумя спутниками висело рядом с картой Солнечной системы и было снабжено массой дополнительных сведений и цифр, из которых путешественник во времени машинально отметил расстояние от Земли — шестьдесят восемь миллионов километров (что не укладывалось в голове из-за невозможности сравнить с чем-то привычным — например, сколько суток пришлось бы ехать поездом или лететь самолётом к выигранному в лотерею месту обитания*), а также длину марсианского года, почти в два раза превышающего земной.

Саше бы там не понравилось — летних каникул не дождёшься! Опять же, ёлка с подарками вдвое реже. А на прошлый Новый год им вручили по игрушке: Савельичу — заводную мышку (видимо, чтобы не скучал по настоящим из Летнего сада); Брысю и

* Брысю довелось испытать на себе оба вида транспорта (книга «Брысь, или Кот Его Высочества», часть 4 «Брысь и Янтарная комната»).

Рыжему — по мячику с торчащими из него пушистыми пёрышками; Мартину — тоже мяч, только большой, хотя он так мечтал о новой латексной утке! Правда, пёс всё равно обрадовался и скакал выше головы. Много ли ему, лопуху, надобно для счастья?!

Чтобы прогнать грусть, навеянную нечаянными воспоминаниями, искатель приключений перевёл взгляд на снимки марсианской поверхности. Однако они не добавили оптимизма: скучная красновато-коричневая пустыня, испещрённая кратерами и утыканная горными хребтами и вулканами. Самый высокий из них — Олимп — достигал двадцати семи километров в высоту, если цифры не ввали. Представить такую махину не получалось, как Брысь ни старался.

Между тем матрос в пустом зале не задержался и перешёл в следующий.

— Жуть! — донёсся до пришельца из будущего сдавленный вскрик.

Это могло означать лишь одно — мрачные предположения подтвердились. Искатель приключений несколькими пружинистыми прыжками пересёк зал и замер рядом с Дунканом.

Следы жестокого пиршества Зверя виднелись повсюду, и бывалый путешественник во времени содрогнулся. Страшные ярко-красные лужи ещё не успели подсохнуть, словно монстр только что закончил

терзать свои жертвы. Брысю даже показалось, что он слышит его отвратительное чавканье.

Звук, однако, не исчезал. Пришелец из будущего наострил уши — не чавканье, а судорожные всхлипывания раздавались из дальнего угла комнаты. Брысь осуждающе взглянул на спутника: кто-то из Людей срочно нуждался в помощи, а матрос медлил!

Не дождавшись каких-либо действий от парализованного ужасом Дункана (даром что военный моряк!), Брысь направился туда, откуда доносились рыдания. На разбросанные вокруг части человеческих тел, что пришлись чудовищу не по вкусу, он старался не смотреть.

У стены, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону, сидел на корточках... двойник Дункана с фотографии! Неуловимая аура, присущая каждому живому существу и уникальная, как рисунок носа (у Людей, впрочем, больше в ходу были отпечатки пальцев), безошибочно подсказала Брысю, что перед ним не кто иной, как сам Дункан! Тот, который всё ещё жался в дверном проёме, не решаясь сделать и шагу!

«Вот так ситуация!» — ошарашенно подумал путешественник по историческим эпохам. С матросом произошло то, что мешало Брысю повторить предпринятую однажды попытку и спасти бывшего хозяи-

на и друга, императора Александра Второго, от гибели*, — страх встречи с самим собой. Савельич философски предположил, что такое событие может повлечь непредсказуемые последствия и вообще нарушить течение времени.

«Нельзя, чтобы они увидели друг друга!» — пронзило пришельца из будущего, и он кинулся назад, мельком отметив, что «второй экземпляр» Дункана не ранен, а просто смертельно напуган...

Глава пятнадцатая, в которой Брысь ХОЧЕТ ПОМЕШАТЬ СМЕЩЕНИЮ ВРЕМЕНИ

Взъерошенный вид кота, который сначала отважно бросился выяснять происхождение всхлипывающих звуков, а теперь с вытаращенными глазами мчался назад, словно за ним гналось чудовище, повергло матроса в ещё больший ужас. Ноги Дункана онемели и подогнулись. Так что когда Брысь достиг своего спутника, тот предстал в таком же сидячем положении, что и его слегка повзрослевшая копия.

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества» (часть 3 «Брысь, или Ночь во Дворце»).

Последнее, кстати, тоже являлось загадкой — ведь с момента Филадельфийского эксперимента прошло ровно сорок лет, если верить дате на мониторе компьютера, и «копия» должна была смотреться более потрёпанной временем!

«Куда бы его спрятать? — растерянно подумал искатель приключений, остановившись перед матросом. — Может, заманить обратно на лестницу, а там укрыться за какой-нибудь дверью?»

Брысь ухватился зубами за угол косынки, свисающей из-под широкого отложного воротника (на его придирчивый взгляд, самую нарядную часть иностранной моряцкой формы), и потянул на себя. Дункан безропотно подчинился «угговорам» кота. Однако, не дойдя до огненного кольца нескольких шагов, вдруг развернулся и кинулся прочь. В то же мгновение острый кошачий слух различил странные звуки, доносящиеся из таинственного «подъезда». Впрочем, странными они показались лишь в первые доли секунды — по лестнице мягко ступали звериные лапы.

Искатель приключений отпрянул и поспешил за своим спутником, удивлённый фактом, что человек распознал угрозу раньше него. «Очевидно, это последствия эксперимента с эсминцем, — заключил Брысь, — зелёный туман обострил чувства

и выявил скрытые резервы человеческого организма!»

Дункан перестал всхлипывать и устоялся на бегущего в его сторону человека в матросской форме времён Второй мировой войны. Когда-то он носил такую же, пока эсминец, на котором он служил, не стал объектом для эксперимента и не произошла катастрофа, превратившая его жизнь в научно-фантастический роман.

Человека преследовал зверь. Мозг, воспалённый трагическими событиями, не сразу поверил, что серо-белое создание с выпученными глазами — обычный кот.

Матрос чуть было не проскочил мимо, в распахнутую дверь, но вдруг обернулся и замер с поражённым видом. Кот же и вовсе метнулся к Дункану, вспрыгнул к нему на грудь, прижался тёплым мягким животом к лицу, а передними лапами обхватил его голову.

Прикосновение густого меха к коже было необыкновенно приятным и успокаивающим, но зверёк загораживал обзор, и Дункан отодвинул от себя упитанное тельце. Кот сопротивлялся: истошно мяукал, извивался и пытался дотянуться до глаз, словно хотел выцарапать.

— Не смотрите друг на друга! — вопил Брысь, дёргаясь в руках Дункана «старшего» (как он решил для удобства именовать того, кто, благодаря усам, выглядел взрослее). — Испортите время, и я тут у вас застряну, а меня дома ждут!

Усилия оказались тщетными — взгляд человека переместился поверх кошачьей головы. Брысь поставил торчком уши — в последней отчаянной попытке помешать взору Дункана «старшего» достигнуть цели и свершиться непоправимому. С точки зрения физики, химии, биологии и прочих естественных наук, чьи законы категорически попирались этой встречей!

Человек вздрогнул, а искатель приключений обречённо повис в его руках, со страхом ожидая какого-нибудь катаклизма, по сравнению с которым померкнут и зелёный туман, и поглощающий Людей эсминец, и ненасытный монстр, и странный пространственно-временной подъезд.

Брысь даже зажмурил глаза и прижал к голове уши, чтобы не ослепнуть и не оглохнуть от столкновения двух реальностей. Однако пролетали мгновения, а ничего нового не происходило: Дунканы сопели носами, пытаясь осмыслить своё необычайное сходство, а вкрадчивые шаги зверя неумолимо приближались.

«Он уже столько проглотил! Может,

наелся?» — мелькнула робкая надежда и тут же рухнула. Чудище ведь смахивало не только на собаку, но и на представителя семейства кошачьих. Что, если оно развлекалось с жертвами и на сытый желудок, как все нормальные коты?! Брысь опять заёрзал, пытаюсь высвободиться, — если придётся улепётывать, то он предпочёл бы делать это самостоятельно, а не на руках у медлительного человека.

Сердитый вид кота привёл Дункана «старшего» в чувство.

Вот и случилось то, чего опасались коллеги! Впрочем, какие они ему коллеги?! Они — учёные, а он всего-навсего матрос эсминца с незаконченным школьным образованием и в физике смыслит не больше этого серо-белого зверька.

Дункан выпустил извивающегося кота, и тот принялся усердно разглаживать взъерошенную шерсть, время от времени с любопытством поглядывая ярко-жёлтыми глазами то на одного, то на другого. «Очевидно, думает, что мы близнецы-братья!» — решил Дункан, оттягивая момент объяснения со своим вторым (или первым?) «Я».

Матрос тоже обескураженно молчал.

— Здесь оставаться опасно! — наконец выдавил он, так и не найдя объяснения удивительной, почти зеркальной похожести незнакомца с ним самим. И если на фотогра-

фии его можно было принять за двойника — хоть редкую, но всё же встречающуюся шутку природы, то вблизи человек нестерпимо, невероятно, до мельчайших чёточек и родинок напоминал ему себя. И это пугало едва ли не больше того, что он каким-то непостижимым образом очутился в будущем. И не на корабле, а на суше, неизвестно где...

— База в Монтауке, — словно прочитал его мысли «двойник» и печально покачал головой: — Нам с тобой опасность не грозит. Нас он не тронет...

Брысь замер с поднятой лапой, которой как раз намывал серую половину мордочки, с волнением дожидаясь исхода судьбоносной встречи (любопытство превозмогло страх и желание поскорее спрятаться от Зверя).

— Откуда ты знаешь, что нас он не тронет? — Спутник Брыся покосился на растерзанные тела и добавил, собравшись с духом: — Мы с тобой родственники?

— Ты не согласишься в то, что я скажу, — медленно выговорил Дункан «старший». — Лучше подумай сам...

— Ты — это я? — прошептал матрос внезапно охрипшим голосом. Видимо, фантастическая мысль уже посещала его, так что оставалось лишь озвучить...

Брысь от души пожалел бедолагу — не хотел бы он очутиться на его месте и увидеть, что другое «Я» без спросу обзавелось густой

растительностью над верхней губой! (Против усов как таковых искатель приключений не возражал — в кошачьей жизни без этого важнейшего органа осязания вообще не обойтись. А вот для чего их использовали Люди, оставалось загадкой. Наверное, мечтали хоть чуточку походить на котов...)

Дункан «старший» кивнул.

— Зверь — порождение нашей фантазии... Так что ему нельзя нас убивать.

— А нам его? Тут есть оружие? — вдруг преобразился спутник Брыся, наконец-то вспомнив, что он не барышня, а военный моряк. (А возможно, он обрадовался возможности заняться более привычным делом, чем беседа с самим собой и тягостные размышления, как «фантазия» могла натворить столько реальных бед и как вообще появилась на свет в столь жутком облике...) Дункан «старший» уныло пожал плечами.

— Может, и есть оружие в комнате охраны... Только вряд ли у нас получится избавиться от монстра таким примитивным способом! А насчёт его странного облика... («Ничего себе странного! — возмущённо подумал искатель приключений. — Таковую тварь даже в энциклопедии не сыщешь!») Я и сам не пойму... Вдруг одновременно привиделись огромная дворняга и два кота, рыжий и чёрный... А я как раз к креслу был подключен. Мы опыты ставили по превра-

щению образов из моей головы в предметы. Вот чудище и появилось!

Брысь ностальгически вздохнул — где-то там, в таинственных глубинах времён, обиженные его недемократичным поступком, дожидаются окончания спасательной операции его собственная беспородная псина и два кота, даже цвет совпал!

Глава шестнадцатая, в которой САВЕЛЬИЧ ПРИДУМЫВАЕТ ПЛАН

Саша и Вова, объединённые общим горем, торжественно похоронили обувную коробку вместе с содержащим, из-за которого пропали их любимые питомцы, на пустыре за домом в заранее выкопанной ямке. Мартин сидел поблизости, поскольку обряд происходил во время его вечерней прогулки, и наблюдал за церемонией с чувством облегчения — отпала проблема, как добраться до волшебных склянок, и надеждой, что хотя бы в одной из них окажется эликсир с необходимыми для перемещения свойствами.

Чтобы мальчики не заподозрили его в

намерении изъять коробку при первом удобном случае, пёс нацепил на морду скорбное выражение, соответствующее моменту. Впрочем, он на самом деле грустил с той самой минуты, как Брысь отправился в рискованное путешествие совершенно один. Савельич и Рыжий тоже были опечалены случившимся, но их присутствие в прошлом рядом с искателем приключений всё равно не принесло бы столько пользы, как крепкого и мощного пса, горевал Мартин.

Он проводил глазами ценную картонку, исчезнувшую в мягкой земле. И даже помог её закопать, словно сам мечтал поскорее избавиться от источника ужасных бед.

Пафнутий и Брысь не возвращались уже целых два дня, и помрачневший философ твердил о каком-то смещении времени, которое нарушило привычное действие изобретённого Вовкой средства. Молодой пёс силился представить секунды, минуты и часы, но они прочно соединились в его голове со стрелками на будильнике — те и впрямь постоянно оказывались на новом месте!

Однако причина их коварства была Мартину хорошо известна: стоило выколупнуть батарейку — и магическое движение по циферблату прекращалось! Хотя... утреннюю прогулку всё равно сменяла вечерняя, а мама Лина ни разу не ошиблась, когда подавать завтрак, а когда — ужин. Видимо, время

выглядело сложнее, чем скреплённые друг с другом тикающие металлические хвостики...

Сначала Мартин не собирался делиться с котами новостью, что он получил доступ к заветной коробке. Чтобы не обнадеживать приятелей понапрасну. Однако глазастый Рыжий сразу заметил таинственное выражение на простодушной собачьей физиономии и заставил раскрыть причину.

Савельич выслушал рассказ без энтузиазма. Пожилому философу была нестерпима сама мысль, что ещё кто-то из друзей сгинет в неизвестности. Томительное ожидание исчезнувшего Брыся он коротал на Сашином письменном столе, с любопытством заглядывая в тетрадки и учебники или с грустью рассматривая потрёпанный ошейник из шёлковых золотистых нитей, с которым Саша не расставался, нацепив себе на руку.

Мальчик не казался особенно удручённым — видимо, верил в скорое возвращение заядлого путешественника во времени и печалился лишь о том, что не узнает, где побывал серо-белый авантюрист и какие приключения пережил вместе с Пафнутием. В том, что кот и грызун находятся в одном месте, пусть и неведомом, Саша не сомневался.

Решение друга-химика покончить раз и навсегда с опасными опытами он воспринял с пониманием, хотя и скептически. Брысь

и без всякой волшебной жидкости умудрялся переноситься из эпохи в эпоху, а значит, Вовка был ни при чём. Просто Сашин любимец выбрал беспокойную судьбу. И кто же мог предугадать, что лысохвостый питомец Менделеевых окажется таким же непоседой?!

В отличие от философа, Рыжий известию обрадовался и с воодушевлением встречал Мартина после каждой прогулки, расспрашивая, сколько склянок удалось изучить и не попала ли среди них нужная? Пёс сокрушённо вздыхал и мотал головой. С наступлением летнего тепла на улицу высыпало столько детворы, что Мартина не спускали с поводка даже на пустыре — его облюбовали мальчишки для игры в футбол.

— Ночью нужно идти! — посоветовал Рыжий.

— Ночью у меня по расписанию нет прогулок! — пригорюнился пёс.

— Тоже мне проблема! — подал голос мудрый Савельич. — Сделаешь вид, что живот расстроился и до утра терпеть не можешь!

— Тогда ему дадут горькую таблетку! — пожалел приятеля Рыжий.

— Зато погулять выведут! — сурово заключил философ. Он сердился на себя за то, что поддержал опасную затею.

Той же ночью Мартин принялся жалоб-

но скулить у входной двери, и Николай Павлович, отчаянно зевая, повёл «несчастливого» пса на улицу. А Лина приготовила лечебный раствор, чтобы влить в больного сразу по его возвращении.

Прогулка длилась долго. «Наверное, фарш некачественный попался!» — переживала Лина, вспоминая цвет и запах мяса, добавленного в кашу Мартина, — теперь и то и другое казалось ужасно подозрительным.

Коты тоже не спали — сидели в прихожей и поджидали своего приятеля. Лина умилилась, глядя на их напряжённые мордочки. Впрочем, если бы она умела читать кошачьи мысли, то поняла бы, что привела их сюда вовсе не тревога за Мартина, а беспокойство за склянку, которую должен был притащить пёс и которую она могла обнаружить, вливая лекарство в пасть мнимого больного.

Мартин тоже этого опасался, а потому сразу промчался в детскую, демонстрируя, что ему заметно «полегчало». И лишь спрятав пузырёк под подстилку, где хранился научно-технический журнал, пёс притапал на кухню с виноватым и покорным видом.

— Ну что? — взволнованно спросил Рыжий, как только лечебные процедуры закончились и успокоенные родители снова легли спать.

Вместо ответа Мартин приподнял краешек своей лежанки.

— То, что надо! — торжественно прошептал он, стараясь не разбудить Сашу.

Изрядно помятая страница с фотографией эсминца снова была извлечена на лунный свет. (Всё это время Мартин заботливо оберегал и её, и журнал от посягательств мамы Лины, которая норовила избавиться от «макулатуры» каждый раз, когда пылесосила в комнате. Однако пёс караулил момент уборки и не разрешал ничего выкидывать, стойко перенося ласковые сетования на то, что он никак не повзрослеет.)

— Тут на всех хватит! — бодро воскликнул Рыжий, но тут же осёкся и обратился к философу просительным тоном: — Хотя тебе лучше с Сашей остаться! А то ему совсем одиноко будет, пока мы не вернёмся!

— С чего ты решил, что я возьму тебя с собой?! — возмутился Мартин. — Без тебя отлично справлюсь! Вообще не хотел вам ничего говорить! Вы меня вынудили!

Рыжий привычно увеличил глаза до размеров чайных блюдец:

— А как же «один за всех и все за одного»? Ну, кроме Савельича, он пожилой...

Книгочей участия в споре не принимал. Он смотрел на спящего Сашу. Левая рука мальчика лежала поверх одеяла, на ней поблёскивал золотистый ошейник Брыся.

— Куда вы без меня... Неучи...

Ещё никогда это слово так не ласкало

слух Рыжего и Мартина (обычно в глубине души они на него обижались). Что говорить — философ многократно превосходил их знаниями и путешествовать в неизведанных лабиринтах пространственно-временных коридоров в компании сведущего Савельича было бы намного безопаснее. Правда, их приятель не имел физико-математического образования, но зато от корки до корки прочитал научный журнал со статьёй о Филадельфийском эксперименте. Главное, чтобы он не приставал с лекциями и не отвлекал от цели перемещения в прошлое! Савельич уже и так несколько раз порывался объяснить им Единую теорию поля Эйнштейна, и у Рыжего заныли зубы, а у Мартина чуть было взаправду не разболелся живот.

Как всегда, то, чего очень ждали, не торопилось наступать — заговорщики еле дотерпели до момента, когда квартира опустеет. Чтобы никто из домашних не мешал их планам. Несмотря на долгое отсутствие Брыся и Пафнутия, друзья надеялись, что им повезёт и они успеют возвратиться к приходу Саши из школы, а заодно вернуть в лоно семей запропастившихся приятелей, которым явно не хватило знаний и они не смогли справиться с проблемой самостоятельно.

Надежда надеждой, но, провожая утром Сашу, маму Лину и папу Николая Павло-

веча, коты мурчали особенно старательно и проникновенно, а пёс облизывал родные лица дольше и тщательнее обычного — на всякий случай...

— Какие вы милые! Понимаете, как мы переживаем за Брыся! — уходя последней, прослезилась Лина.

Едва за ней закрылась дверь, питомцы дружно бросились в детскую — выполнение задуманного не терпело отлагательств...

Глава семнадцатая, в которой Дункан «старший» пыта- ется дать объяснения

Обычно то, что я нафантазировал, исчезало сразу, как только мысли переключались на другое и, тем более, когда приборы прекращали работу, — продолжал Дункан «старший», — но не в этот раз. Что-то продолжает питать зверя энергией...

— Исчез! — вдруг радостно перебил его матрос.

— Наверное, вошёл в какую-нибудь дверь...

Удивительное дело, опять Люди его опередили, озадаченно подумал искатель

приключений. Он только сейчас перестал слышать шаги монстра. Жаль, что зелёный туман не оказал на него такого же благотворного воздействия, — превратился бы в суперкота! Оченьгодились бы дополнительные качества в поисках «иголки в стоге сена», которую в данный момент представлял собой Пафнутий. Скорее всего, причина в том, что Дунканы (или всё же один?) провели в таинственном изумрудном излучении больше времени, чем он...

— А что это вообще за база и что за лестница? — спросил спутник Брыся (чтобы не видеть изуродованных останков бывших коллег Дункана «старшего», они вернулись в комнату с чудо-креслом и огненным кольцом).

Пришелец из будущего, собравшийся было перескочить через пылающее препятствие и продолжить поиски, пока снова не объявилось кровожадное чудовище, задержался — ответы на заданные моряком вопросы его тоже волновали.

Объяснения Дункана «старшего» получились путаными и бессвязными. Да и перечисленные факты казались совершенно неправдоподобными: эксперименты по контролю над человеческим разумом, проход в другие миры, колонизация красной планеты, невидимый металл, сверхспособности, приобретённые Дунканом под

воздействием сильнейшего электромагнитного излучения, которому подвергли эсминец «Элдридж»...

— Какие сверхспособности? — взволнованно спросил матрос.

— Я, то есть ты, — запутался Дункан «старший», — в общем, мы можем то, чего не могут другие... Даже перемещаться, куда захотим!

— По этой лестнице? — спутник Брыся недоверчиво кивнул на то, что скрывалось за огненным кольцом.

— Она появилась благодаря... первому Дункану, — опять стушевался усатый. — Во всяком случае, так мне объяснили... Сам-то я помню лишь, как бежал по ней с корабля, как и ты... Только двенадцать лет назад. Вроде бы это называется нарушением причинно-следственных связей, — ввернул он непонятное выражение.

Представить раздвоившегося Дункана опытному путешественнику во времени было не так сложно, учитывая, что оба «экземпляра» стояли прямо перед ним и мирно беседовали, но растроившегося?! Брысь опять опустил левую переднюю лапу, которую уже занёс над полыхающим препятствием.

— А что произошло с тем?.. Ну, ты понял...

— Точно не знаю... Вроде бы его мозг не

выдержал длительного воздействия излучением...

— Ты хочешь сказать «наш мозг»? — разозлился Дункан «младший».

— Ну, мы-то живы! — оправдывая бывших коллег, примирительно произнёс усатый. — Оборудование с тех пор усовершенствовали. Тот... Его ведь забрали сюда почти сразу после эксперимента... Он оказался среди немногих выживших и единственный, в ком излучение пробудило необычные способности. Тот, первый Дункан, мысленно соединял разные точки во времени и пространстве, а учёные с помощью этого чудо-кресла и специальных компьютерных программ записывали сигналы его, то есть нашего, мозга. А потом и вовсе добились того, что смогли самостоятельно задавать координаты целей для перемещения и открывать проход! Проект «Феникс-2» ...

Путешественник по историческим эпохам восхищённо растопырил длинные усы — ему бы не помешало такое оборудование! Нашёл бы «м.н.с.», вернул его в семью, а сам отправился к юному гасконцу! Как раз на церемонию посвящения в мушкетёры!

— А сегодня, в самый неподходящий момент, когда появился этот зверь, приборы

* Брысь мечтает об этом с тех пор, как вернулся из путешествия по роману А. Дюма «Три мушкетёра» (книга «Брысь, или Один за всех и все за одного»).

начали барахлить: не слушаются команд и работают даже при отключенном питании. А пространственно-временной коридор, видимо, автоматически настроился на «Элдридж».

— Так вот почему мерзкой твари удалось проникнуть на эсминец! — воскликнул матрос и осёкся. Вспомнил о товарищах, погибших от клыков и когтей кровожадного монстра, созданного... им. Впрочем, там и без чудовища произошло много чудовищного...

Искатель приключений заторопился — вдруг Пафнутий всё ещё на судне, а те, кого монстр разодрал на кусочки, уже вряд ли смогут управлять хоть чем-нибудь! Жаль, фантазия экстрасенса изобразила передвижение по времени и пространству в виде многоквартирного подъезда — бегай теперь с этажа на этаж!

Он бросил прощальный взгляд на Дунканов — живое свидетельство сложного мироустройства — и перепрыгнул через огненный барьер, стараясь не опалить белоснежную шерстку на животе.

Прислушавшись к вибриссам — действительно ли поблизости нет Зверя, Брысь помчался по лестнице (которая почему-то опять вела вниз), лелея надежду, что знакомый лысый хвост зашуршит раньше, чем он снова окажется на страшном корабле...

Дункан подвел своё второе «я» к длинной панели на стене.

— Временем и пространством, которые скрываются за дверями, мы так и не научились управлять, но если набрать цифровой код нужного места, то лестница приведёт именно туда!

Он несколько раз нажал пальцем на кнопки.

— Например, в нашу колонию на Марсе...

Яркая вспышка ослепила Брыся, и он зажмурился, а когда приоткрыл веки, то сквозь радужные блёстки, пляшущие в глазах, разглядел на полу маленький белый холмик — упитанную тушку помощника юного химика. Перепугавшись, Брысь кинулся к приятелю и облегчённо выдохнул. Тот был жив и здоров, просто находился в очередном обмороке...

Глава восемнадцатая, в которой ПРОИСХОДИТ ДОЛГОЖДАЮЩАЯ ВСТРЕЧА

Очнулся «м.н.с.» от горячего дыхания. Оно раздавалось совсем рядом, смешиваясь с его собственным, и надежда, что удалось отлежаться в обмороке до окончания действия эликсира, умер-

ла, едва зародившись в голове белобрысого мечтателя.

Потомок обитателей корабельных трюмов (то, что они первыми покидают тонущее судно, Пафнутий считал досужими вымыслами завистников) разомкнул ресницы и тут же погрузился в чужой взгляд, оказавшийся значительно ближе, чем он предполагал. Это было так неожиданно, что Пафнутий перепутал необходимые в подобных случаях действия и не закрыл поспешно, а, наоборот, изо всех сил вытаращил рубиновые бусины. Поэтому и рассмотрел то, чего не удалось бы увидеть, поступи он по всем правилам: медово-жёлтые глаза с чернильными пятнами зрачков никак не походили на матово-чёрные и непроницаемые, которые испугали его накануне. Зато они походили на...

— Бры... — вскричал «м.н.с.» и договорил с зажатым мягкой лапой ртом: — ...сик!

— Тсс! — предостерегающе шикнул самый любимый из всех существующих на свете котов, с которыми Пафнутию когда-либо приходилось иметь дело. Кажется, не обиделся, что младший компаньон не назвал его Ван Дейком. А может, не разобрал — голосок-то у грызунов тонкий!

— Хорошо, что ты живой! — лаконично поприветствовал Брысь горе-мореплавателя, после того как долго прислушивался, не

проступят ли сквозь дребезжание мигающих ламп другие звуки. — Видел монстра?

— Ик! — вместо ответа икнул Пафнутий, сразу разволновавшись при упоминании о неведомом убийце. — Ик!

Брысь заглянул в зал.

— И здесь то же самое! — потрясённо молвил он. — Ну и натворил бед Монтаукский зверь!

— Ик! Ты его тоже видел? — обрадовался Пафнутий.

Несмотря на приставшую икоту, самым сильным чувством из тех, что он испытывал, было ликование. Лучший друг рядом, и ни за какие коврижки он больше не согласится на главную роль! Пусть руководит опытный Брысь! Во всяком случае, пока они не доберутся до моря и не найдут подходящий лайнер, где Пафнутий мог бы стать капитаном. Или пассажиром... Последнее, пожалуй, предпочтительнее — ответственности никакой, плыви и наслаждайся!

— Видел как тебя! Этот монстр уничтожил кучу народа на базе в Монтауке и на моих глазах разорвал на кусочки нескольких матросов на эсминце «Элдридж»!

Пафнутия всё ещё переполнял восторг, а потому из всего сказанного он уловил лишь одно.

— Точно! Вот оно! — возбуждённо пискнул «м.н.с.».

— Что? — удивился Брысь странной реакции приятеля (он-то боялся, что впечатлительный грызун снова в обморок хлопнется!).

— Второе слово! — весело пояснил Пафнутий. — Я его забыл, а ты напомнил. Эсминец «Элдридж»! Правда, красиво звучит? — в писклявом голосе питомца Вовы Менделеева прозвучало столько гордости, словно он лично дал кораблю имя.

Брысь всмотрелся в сияющие рубиновые бусинки — уж не сбрендил ли «м.н.с.», как многие из тех, кто побывал внутри электромагнитного зелёного кокона? Однако крысёнок выглядел здоровым. Скорее всего, он успел забыть, что Пафнутий не блещет умом и догадливостью. Голова-то у грызуна маленькая!

Впрочем, следующий вопрос белобрысого приятеля почти опроверг неллицеприятное мнение о его сообразительности:

— А почему Люди не защищались? У них ведь полно оружия!

— Они пробовали, но ничего не вышло. Его нельзя убить...

Глава девятнадцатая, в которой Брысь догадывается, куда их занесло

Ук! — опять пискнул Пафнутий, и Брысь порадовался, что хрупкий организм грызуна нашёл более удобную защитную реакцию, чем обмороки. Икота хоть и действовала на нервы, но зато не нужно было тратить время на приведение «м.н.с.» в чувство каждый раз, когда он пугался увиденного или, как в данном случае, услышанного...

Пафнутий придумал другое объяснение приключившейся с ним икоте — вероятно, вопросы, которые вертелись у него на языке, не поместились во рту и часть из них застряла в горле. Так что эта напасть получилась не вместо обмороков, а в дополнение к ним.

«М.н.с.» пучил глаза и надувал щёки, старательно выполняя совет старшего компаньона — не дышать, пока не пройдёт. Но как только кончался кислород и он открывал рот, чтобы сделать глоток спасительного воздуха, из таинственных глубин организма тут же исторгался новый «ик»,

мешая выражению других имевшихся у него мыслей. Хорошо, что рядом не было двухголовиков, а то взялись бы повторять и свели с ума бесконечными «ки-ки-ки»!

— Надо тебя напугать! Люди говорят, шок хорошо помогает! — вспомнил Брысь народное средство.

Питомец Вовы Менделеева в отчаянии замотал головой — чего-чего, а страха он достаточно натерпелся!

— Тогда водички попить! Только где её тут возьмёшь?! — сочувственно произнёс искатель приключений. — На поверхность нужно выбираться. Может, лужа попадётся!

«М.н.с.» опять затряс головой и потыкал крохотным пальчиком в зал, хранивший следы жестокой расправы. А потом кинулся в направлении кладовой, сопровождая каждый шаг залиvistым «ик». И если бы монстр находился поблизости, то уже давно примчался бы посмотреть на смельчака, который так вызывающе шумел, а значит, совершенно его не боялся!

— Ничего себе! — ахнул Брысь, перепрыгнув через последний скелет (человек едва успел приоткрыть тяжёлую металлическую дверь, когда чудовище его настигло).

Искатель приключений тут же выудил из консервной банки недоеденную Пафнутием сардину, с наслаждением умял её и потянулся за следующей.

— И как ты умудряешься повсюду отыскивать продукты питания! — с лёгкой завистью воскликнул Брысь. — Теперь не пропадём! Будем тут сидеть, пока действие эликсира не закончится!

Пафнутий перестал с жадностью лакать воду, льющуюся из откупоренной им пластиковой бутылки. «А море?» — хотел спросить он, но вырвался другой вопрос (видимо, кровь отважных предков продолжала бурлить и творить чудеса с его характером):

— Но Зверь ещё на свободе! Неужели нет способа от него избавиться?

Брысь поражённо уставился на расхрипевшегося грызуна.

— Хм, а вода помогла! — добавил Пафнутий, обрадованный, что каверзный «ик» не испортил его невероятно смелое высказывание. — Двухголовиков жалко! Очень они его боятся, — вздохнул он и поведал компаньону о местном заповеднике со странными зверьками, то ли родственниками ему, то ли нет...

Однако искателя приключений больше заинтересовало описание заграницы, особенно отсутствие на ночном иностранном небе Луны, его доброй знакомой и постоянной спутницы во всех похождениях. По уверениям «м.н.с.», её законное место заняли два разновеликих обломка.

— Фобос и Деймос, — задумчиво пробормо-

мотал искатель приключений. — Знаешь, что это означает?

На разумный ответ Брысь не рассчитывал, но Пафнутий постарался не оплошать и высказал предположение, которое уже посещало его маленькую голову:

— Астероидом Луну расколело?

Подкованность грызуна в космической терминологии удивила искателя приключений (может, не врёт хотя бы про одно образование?). Тем не менее он отверг версию Пафнутия:

— Нет! Это означает, что мы на Марсе! Последнее слово Брысь выговорил осторожно, чтобы не вызвать у впечатлительного «м.н.с.» нового приступа икоты или, того хуже, очередного обморока. Но питомец Вовы Менделеева не выглядел сколько-нибудь поражённым — должна же была граница как-то именоваться!

— Ма-а-арс! — посмаковал он красивое название.

Изумившись необычайной душевной стойкости грызуна, Брысь на всякий случай пояснил:

— Красная планета, четвёртая от Солнца. Прозвана в честь древнеримского бога войны, а названия её спутников переводятся как «страх» и «ужас». Наверное, ты переместился в прошлое в момент открытия пространственно-временного коридора,

соединившего эсминец «Элдридж», базу в Монтауке и Марс...

Брысь подождал, не последует ли какая-нибудь реакция на его заявление со стороны «м.н.с.», но тот лишь восторженно сиял рубиновыми бусинами: теперь, когда старший компаньон рядом, может пугать его сколько влезет! Ни капельки не страшно! Особенно в сравнении с кровожадным Зверем, который караулил где-то снаружи...

— Ну что ты глазами хлопаешь?! — раздосадованно воскликнул искатель приключений. — Я ему говорю, что двухголовики — марсиане, а он хлопает!

— Не родственники? — уточнил Пафнутий (недаром его сомнения грызли!).

— Даже не иностранцы! — сердито буркнул опытный путешественник...

Пафнутий хитро прищурился, но спорить не стал. Вот увидит Брысь двухголовок своими глазами и поймёт, что местные зверьки — иностранцы. Впрочем — «м.н.с.» задумался — языка-то иностранного у них нет!

— А ты откуда знаешь, как обломки на небе называются? — вдруг вспомнил он странное бормотание компаньона.

— На карте прочитал! — коротко бросил тот и обнюхал банку из-под сардин, проверяя, тщательно ли вылизал ароматное масло.

— Хочешь, ещё открою? — услужливо предложил обладатель прочной зубной эмали.

Брысь окинул оценивающим взглядом ящики с консервами — экономить не обязательно. Жаль, наелся! Да и мама Лина утверждала, что рыба в больших количествах не полезна для кошачьего здоровья.

— А карту где нашёл? В комнате с креслом? — не унимался любопытный помощник юного химика.

— Нет, в соседней! — ответил Брысь, нехотя отводя глаза от продовольственных сокровищ. И как это Пафнутий решился их покинуть?!

Глава двадцатая, в которой Брысь знакомится с марсианами

Пафнутий снова открыл рот, собираясь задать самый важный вопрос — как Брысю удалось отыскать его на просторах Вселенной, но старший компаньон вдруг бесшумным прыжком переместился к противоположной стене и настороженно замер возле отверстия, через которое «м.н.с.» попал в кладовую и которое в целях безопасности заткнул консервной банкой.

Банка шевельнулась — кто-то толкал её с внешней стороны. Брысь занёс лапу,

ощетинившись пятью изогнутыми когтями и готовый насквозь пронзить непрошеного гостя, а потомок отважных мореплавателей юркнул за ближний ящик, чтобы вступить в бой, когда потребуют обстоятельства.

Блестящая жестянка снова дрогнула и стала медленно выдвигаться. Не желая пропустить схватку храброго друга с коварным и жестоким зверем, Пафнутий боязливо высунулся из укрытия.

— Ты что?! — в панике запищал он, увидев, что Брысь втянул когти обратно и даже опустил лапу, словно передумал защищать их продовольственные запасы! Янтарно-жёлтые кошачьи глаза выражали скорее любопытство, чем воинственность.

— Вдруг это монстр? — жалобно воззвал «м.н.с.» к разуму старшего компаньона.

— Ага! Иноземные захватчики! — насмешливо откликнулся приятель.

«Затычка» опять покачнулась и окончательно освободила лазейку под натиском красно-коричневых макушек.

Искатель приключений, хоть и был наслышан от белобрысого грызуна о диковинных «заграничных» родственниках, оторопел при виде двухголового зверька с длинным пушистым хвостом. Следом в кладовую протиснулся ещё один такой же.

— Марсиане! — возликовал Пафнутий, выскакивая навстречу старым знакомым.

— Енаисрам, — слаженной скороговоркой повторили аборигены, дружелюбно поблёскивая перламутровыми глазками-пуговицами.

— Марсиане, — представились они Брысю, бесстрашно задрав обращённые к нему «задние» головы.

— Не боятся меня! — пришёл в себя искатель приключений. — Значит, местные коты грызунами не питаются.

— Ястюатипен... — начали туземцы задушевную беседу с красивым серо-белым пришельцем, обладателем толстого полосатого хвоста (не то что странный, почти лысый чужак, не приспособленный к ночным морозам!). Но вдруг осеклись, уставившись в чёрные кружочки в ярко-жёлтом обрамлении, которые неожиданно оказались в непосредственной близости от них.

Пафнутий ойкнул, заметив, как расширились зрачки его приятеля и как низко склонился он над приветливыми двухголовиками. От ужаса, что лучший кот на свете уступит охотничьему инстинкту и слопаёт симпатичных представителей внеземной цивилизации, Пафнутий поспешил лишиться чувств. А когда очнулся и робко приоткрыл полупрозрачные веки с редкими ресницами, то застал троицу всё в той же опасной близости друг от друга. словно загипнотизированные, красно-коричневые зверьки таращились на Брыся,

а тот, в свою очередь, пристально вглядывался в перламутровые глазки туземцев.

«Наверное, я совсем мало в обмороке полежал!» — решил «м.н.с.» и снова зажмурился.

— Очень любопытно! — изрёк вдруг искатель приключений и принялся вылизывать и без того ухоженную шерсть.

Опыт долгого общения с кошками давно выдал Пафнутию их тайну — неспешное размеренное действие означало не столько потребность в чистоте, сколько серьёзные раздумья. (Питомец Вовы Менделеева даже пытался определить, имеется ли у него связь между глубиной мысли и приведением белоснежного тельца в порядок, но так и не обнаружил какой-либо зависимости. Вероятно, он в любом состоянии одинаково умный — два образования как никак.)

Аборигены довольно переглядывались. Радовались небось, что чужак отвлёкся на процедуру умывания.

— Что любопытно? — пискнул Пафнутий, с облегчением заметив, как чёрный кошачий зрачок сужается до узкой полоски, возвращая облику приятеля миролюбивый вид.

— То, что поведали твои двухголовки! — невозмутимо откликнулся Брысь.

Пафнутий расстроился — пропустил самое интересное!

— Разве ты владеешь марсианским? — не скрывая печали, спросил он.

— Вряд ли! — удивил ответом старший компаньон. — Скорее, они использовали телепатию!

«М.н.с.» оживился и с гордостью сообщил:

— Я догадывался, что дело нечисто! А то всё молчат и молчат! А море где, сказали?

Пафнутий с надеждой уставился на приятеля.

— По коридору налево! — хитро прищурился тот, проводя розовым языком ещё одну аккуратную влажную полосу на густой шёрстке.

— Не смешно! — обиделся храбрый потомок обитателей корабельных трюмов...

Глава двадцать первая, в которой Брысь вынужден огорчить пафнутия

Наконец Брысь закончил длительный процесс размышлений и сопоставления фактов, и марсианские грызуны с восхищением уставились на результаты его усилий — серо-белая шёрстка сияла

и переливалась в подрагивающем свете стеклянных трубок. Особенный восторг аборигенов вызвали чёрные полосы на толстом хвосте чужака, которые стали после процедуры умывания ещё ярче. Не пришелец — само совершенство!

Пафнутий тоже поскрёб себя лапками и протёр рубиновые глазки, чтобы выглядеть не хуже компаньона.

— Так что ты узнал? — пихнул он приятеля в лоснящийся бок.

Искатель приключений сосредоточенно пошевелил длинными усами — серьёзность положения, в каком они оказались, требовала особенных слов, которые не навредили бы чувствительной натуре «м.н.с.». Впрочем, в крайнем случае на белобрысого мечтателя можно будет побрызгать из пластиковых бутылок, чтобы вернуть к невесёлой действительности.

— Видишь ли, — осторожно начал Брысь, — на Марсе уже давно нет дождей. Моря, реки и ручьи пересохли. Воды не осталось даже в ирригационных каналах, которые когда-то построили местные Люди, чтобы орошать поля. Теперь повсюду пустыня, а двухголовики, вполне вероятно, последние представители этой умирающей планеты, поскольку им хватает той влаги, что содержится в ягодах — их главном источнике питания.

К удивлению искателя приключений, Пафнутий слушал мрачный рассказ спокойно, только на мордочку его всё больше наползало сердитое выражение.

— В принципе, грызунов тоже не должно было здесь оказаться, потому что на Марсе давным-давно нет условий для жизни. Ночью температура опускается ниже ста пятидесяти градусов — от такого мороза никакие хвосты не спасут!

Питомец Вовы Менделеева изумился — на термометре, который висел за окном их кухни, отсчёт велся от минус пятидесяти. Это же сколько полосочек пришлось бы дорисовывать бедным марсианам, чтобы изобразить правду о погоде?!

— Да и нынешний воздух на планете состоит в основном из углекислого газа, а кислорода почти совсем нет, так что передвигаться без скафандров нельзя!

Тут Пафнутий не выдержал и возразил:

— Но я же передвигался! И они!

«М.н.с.» представил двухголовых аборигенов в неуклюжих космических одеяниях и захихикал.

Брысь тяжело вздохнул:

— В том-то и проблема! По всему выходит, что мы переместились не просто на Марс, а за сотни тысяч лет до нашего времени. На Земле небось человеческая цивилизация ещё не возникла!

— А как же консервы? — похлопал рубиновыми бусинками Пафнутий. (Чтобы не испортить репутацию, помощник юного химика не стал выяснять, что такое углекислый газ. Главное — про недостаток кислорода понял.)

— Да с ними-то как раз всё просто! — отмахнулся Брысь от жестяных банок как от чего-то несущественного. — Пространственно-временной коридор учёные изобрели и колонию здесь основали, под большой пирамидой, которую ещё до них марсиане построили. Испытания здесь проводили по созданию невидимого металла, а то на Земле эксперименты вон как плохо закончились! Купол защитный, судя по всему, именно из него и соорудили...

— Так в чём дело? По коридору назад и выберемся! — оптимистично заявил Пафнутий.

Из груди путешественника по историческим эпохам опять вырвался тяжкий вздох.

— Если верить двухголовикам, то многие их собратья сгинули в этом коридоре! Получается — нам очень повезло, что я на тебя наткнулся!

Пафнутий зажал лапками рот, пытаюсь удержать рвущуюся наружу панику. Но его впечатлительный организм оказался сильнее, и кладовая наполнилась судорожными

«ик-ик-ик», которым беззаботно вторили остатки марсианской цивилизации:

— Ки-ки-ки...

Искатель приключений участливо подкатил к маленькому приятелю бутыл с водой и терпеливо подождал, пока тот напьётся и белобрысое тельце перестанет сотрясаться.

— Наврали про море, значит?! — обиженно пискнул несостоявшийся капитан круизного лайнера, едва смог говорить.

— Ером! — заупрямились обвинённые во лжи аборигены, тыча крошечными пальчиками в сторону приоткрытой металлической двери, возле которой разлёгся один из человеческих скелетов.

Чтобы оправдать туземных грызунов, Брысь высказал предположение, что по пространственно-временному коридору можно попасть и на море. Если повезёт.

— С тобой нам обязательно повезёт! Вот увидишь! — польстил другу Пафнутий, в котором снова затеплилась надежда ступить на борт какого-нибудь судна. Можно даже не капитаном и не пассажиром, а обычным корабельным крысюком. Тем более что с его стильной внешностью и двумя образованиями он всё равно будет выделяться из серой массы дальних родственников, традиционно населяющих трюмы. — Я научу тебя, как катить консервную банку, ведь нам нужна

еда на первое время! И ещё они помогут! Что им делать на умирающей планете, по которой бродит кровожадный монстр?! — заискивающе продолжил «м.н.с.» и кивнул на двухголовиков, заговорщицки подморгнув им правой рубиновой бусинкой — мол, не стойте истуканами и включайте агитационную телепатию.

Марсиане добросовестно прикрыли по одному глазу на каждой голове и захихикали, удивляясь смешным обычаям чужаков.

— Что помогут: катить или есть? — язвительно поинтересовался Брысь, настроенный решительно против рискованных планов грызуна.

— Катить! — живо отозвался Пафнутий. — Сами-то они только ягодами питаются!

— Вот именно! — в бархатном голосе искателя приключений прозвучала укоризна. — Хочешь, чтобы они с голоду померли без своих ягод?

— Думаешь, помрут? — засомневался «м.н.с.».

— Запросто! Они же эндемики! — категорично заявил Брысь.

Пафнутий смерил аборигенов озадаченным взглядом:

— Ты же говорил — марсиане!

Брысь протяжно вздохнул, набираясь терпения, чтобы объяснить «младшему

научному сотруднику» очевидные истины, а уставшие от долгого молчания двухголовики с гордостью повторили:

— Енаисрам!

— Это одно и то же! — сурово отрезал искатель приключений. — Если бы они водились ещё где-нибудь, а то ведь только тут! — опять обратился он к Пафнутию. — Значит, это их среда обитания и другая им не подойдёт! Как и ягодным кустам! Представляешь, какой длины у них корни, чтобы добывать влагу на планете, где не идут дожди?!

— Эндемики... — огорчённо развёл лапки потомок отважных мореплавателей.

А он-то уж размечтался, что у него будет собственная команда! Впрочем, кажется, он уже был согласен уступить капитанский мостик Брысю и поселиться в трюме, лишь бы до моря добраться...

— Икимеднэ! Эндемики! — принялись заучивать новое слово неунывающие двухголовики...

Глава двадцать вторая, в которой САВЕЛЬИЧ НЕ СПЕШИТ С ВЫВОДАМИ, А ПОСРПНУТИИ ОБРЕТАЕТ НАДЕЖДУ

Ничего не понимаю! — растерянно пробормотал Рыжий. — Мы же должны были переместиться на палубу эсминца! А мы где?

— Ну... на корабле же и внутренние помещения имеются, — предположил пёс, озираясь на незнакомой лестничной площадке с обычными «квартирными» дверями. Одна вдруг распахнулась, словно желая поскорее избавить Мартина от заблуждений по поводу их местонахождения...

— Где это мы? — присоединился пёс к вопросу лохматого приятеля.

Как истинный мудрец, Савельич не спешил с выводами, разглядывая открывшийся их взорам странный пейзаж — красно-коричневую пустыню с редкими кустиками колючей растительности. На горизонте одиноко торчала скала правильной пирамидальной формы. Такая высокая, что казалось, будто она подпирает

жёлто-оранжевое небо, на котором едва виднелся тусклый шарик Солнца, почти вдвое уменьшенного.

Каменистая поверхность пестрела норами, а в них шебуршились обитатели. Судя по звукам — многочисленные. Этого приятного факта хватило, чтобы побудить Савельича и Рыжего сделать пару осторожных шагов вперёд.

Мартин в который раз подивился, насколько бесшумными могут становиться приятели, когда захотят. И почему у него так не получается, огорчённо подумал пёс и, стараясь подражать мягкой кошачьей походке, ступил на неизвестную землю. Коты тут же недовольно оглянулись и замерли с вытянутыми глазами. Мартин и сам почувствовал, как за его спиной что-то неуловимо изменилось, и тоже обернулся.

— А куда дверь подевалась?! — поражённо воскликнул он.

Впрочем, лестничной площадки тоже не наблюдалось, равно как и здания, в котором она могла бы находиться...

Пафнутий хмуро прислушивался, как двухголовые эндемики перекидывают друг другу очередное выученное слово, будто оно и не слово вовсе, а футболь-

ный мяч, и мысленно роптал на судьбу, жестоко посмеявшуюся над его голубовато-зеленоватой мечтой. Жаловаться вслух он не решался, чтобы не сердить Брыся. Старший компаньон и так не испытывал восторга от незапланированной спасательной операции.

Хорошо хоть смог встретить приятеля богатыми консервными дарами и тем самым смягчить его страшные воспоминания о жертвах вредного излучения и прожорливого живучего монстра! Угораздило же Людей проводить опасные эксперименты именно на том корабле, который он выбрал для морского круиза! Брысь сказал, что эсминец серого цвета, как раз его любимого!* На таком фоне яркая бандана смотрелась бы особенно выигрышно. Несостоявшийся мореплаватель горестно вздохнул...

Туземные грызуны сочувственно переглянулись передними и задними головами и выразительно уставились на крупного серо-белого пришельца с роскошными полосками на толстом хвосте...

«Выслушав» марсиан, искатель приключений покосился на Пафнутия. Загрустивший «м.н.с.» уныло ковырял миниатюрным коготком банку с нарисованными на

* Ответ на вопрос, почему Пафнутий любит серый цвет, скрывается в книге «Брысь, или Приключения одного м.н.с.».

этикетке сардинами (видимо, раздумывал, не утешить ли себя новой порцией еды).

Брысь мягко окликнул:

— Послушай, твои приятели уверяют, что чудовище появляется всегда в один и тот же день дважды в год.

— И что с того? — печально отозвался Пафнутий, всё-таки собравшись открыть рыбные консервы.

— А то, что в этот день лестница ведёт к морю! Правда, у меня есть подозрение...

Но потомок отважных корабельных грызунов не дал Брысю договорить, огласив кладовую восторженным писком: «Ером!» Получилось «по-марсиански», но это не смутило воодушевившегося Пафнутия.

Он шустро подкатил консервную банку к выходу и остановился, в нетерпении потирая ладошки:

— Давай быстрее, пока день не закончился!

— Ох, пожалеем! — Брысь скользнул взглядом по ящикам с тушёнкой, выбирая ёмкость побольше...

Глава двадцать третья, в которой САВЕЛЬИЧ ВЫДВИГАЕТ ВЕРСИЮ

Савельич, наконец, опомнился, что не высказал ещё ни одного предположения по поводу происходящего и друзья могут истолковать его молчание как полное незнание предмета, чего он никак не мог допустить. И хотя в душе книгочея теснились самые невероятные догадки, для озвучивания он выбрал одну, на его взгляд — самую безопасную и верную.

— Пирамида похожа на египетскую! — важно заявил Савельич. — Если подойдём ближе, наверняка увидим Сфинкса! И бедуинов на верблюдах! А пустыня называется Сахара!

Рыжий ошеломлённо уставился на философа.

— Ты хочешь сказать, что мы в Африке?!

Мартин уважительно повилял белой кисточкой, искренне восхищаясь глубокими познаниями друга, а потом изрёк мысль, в своё время посетившую и Пафнутия:

— Может, эликсир испортился?.. Хотя я бы почувствовал...

Рыжего мучили другие сомнения:

— По телевизору показывали песчаные барханы, а тут их нет!

Однако начитанный Савельич не позволил сбить себя с толку и парировал:

— Сахара, между прочим, занимает гигантскую площадь, почти третью часть всего африканского континента! И состоит не только из песка. Здесь есть самые разные ландшафты! Мы, например, оказались на каменистом плато! Возможно, даже в высохшем русле древней реки... Видите отпечатки ракушек на камнях?

Мартин и Рыжий приникли к земле, вглядываясь в кружевные рисунки, на которые указывал философ.

— А невысохшие реки тут есть? — озабоченно спросил пёс (при упоминании пустыни ему тут же захотелось пить).

— Вдоль восточной окраины Сахары течёт Нил, а по юго-западной — Нигер, ещё на юге имеются реки, озёр несколько, — перечислял Савельич, выуживая из головы необходимую информацию. (Наличие собственной библиотеки и телевизора существенно пополнили коллекцию знаний пожилого мыслителя, но при этом затруднили извлечение нужных сведений.)

— Оазисы! — вставил Рыжий, воскрешая в памяти любимую телепередачу о географических путешествиях, особую прелесть

которым добавляло полное отсутствие риска и возможность проделывать их, не слезая с мягкой подушки на уютном диване.

— Мы же вместе смотрели, зимой ещё! — призвал он в свидетели Мартина. Пёс виновато потупил взгляд. (Вероятно, его мысли в момент просмотра передачи были заняты досадным происшествием, когда в качестве новогоднего подарка он получил не вожаденную латексную утку, умеющую пронзительно пищать, а мяч для летних развлечений на пустыре за домом. Домочадцы пытались уверить, что старая красная утка, у которой он, по глупости, выгрыз свистелку, гораздо лучше любой новой.)

— А как же дверь? — робко напомнил он оставшуюся без ответа загадку, а Рыжий склонился над одной из нор и наострил уши:

— Странно! Шебуршатся, но молча... Немые, что ли?

Впрочем, даже говорящие грызуны не смогли бы заменить прохладную чистую воду, и бывший дворцовый мышелов с некоторой тоской вспомнил дождливый Петербург...

Ночь расставила всё по местам. Точнее, перевернула с лап на голову. Или ещё точнее, полностью разрушила первоначальную версию Савельича, не оставив от неё

ни Сфинкса, ни бедуинов с верблюдами, ни оазисов, ни рек, ни озёр, до которых, впрочем, всё равно было бы не дойти.

Начался вечер в пустыне с резкого понижения температуры, что вполне совпадало с имеющимися у книгочехя данными о климате Сахары и обрадовало путешественников-спасателей, потому что с похолоданием исчезла жажда.

В качестве цели передвижения, за неимением лучшей, избрали пирамиду. Избирали общим голосованием, от которого Мартин воздержался, опасаясь своим решающим (в случае расхождения мнений), но не очень компетентным голосом всё испортить. Как чуть было не испортил вопросом про испарившуюся дверь, из-за которого Савельич так и ходил хмурым, поскольку ответа не нашёл. В итоге, процедура свелась к тому, что философ внёс предложение следовать указанным маршрутом, а Рыжий громко поддакнул, бросив укоризненный взгляд на самоустранившегося пса.

Тот, впрочем, остался доволен выбором котов, поскольку предвкушал величественное зрелище гигантского каменного льва с физиономией человека. Савельич уверял, что не абы какого-нибудь, а фараона, и что изваяние охраняет вход в пирамиду, послужившую усыпальницей египетскому царю. (Хотя, если принять во внимание размеры

скалы, то там можно было бы поместить целую августейшую династию!) Ещё философ поведал, что бывают сфинксы с головами соколов и баранов. Есть даже такие, у которых тело крокодила. И Мартину было любопытно, какую именно скульптурную фантазию они увидят, когда доберутся до места.

По пути коты-эстеты любовались необычным цветом заката: вместо традиционных багрово-золотистых красок на тот участок неба, куда стремилось тусклое солнце, выплеснулись фиолетово-голубые. В какой-то момент на фоне уходящего дневного светила друзья заметили странное пятно. Очертаниями оно напоминало обломок камня. Друзья подумали, что он летит на Землю из Космоса. Однако испугаться возможного конца света не успели, потому что солнечный кружок закатился за линию горизонта, а обломок остался на прежней высоте и нисколечко к Земле не приблизился.

Небо сделалось насыщенно-розовым, даже красноватым. Философ блеснул догадкой, что такой эффект создает оксид железа, который содержится в воздухе в частицах пыли. Мартин поразился — он ещё ни разу не видел, чтобы железо так сильно раскрошилось. Возможно, дело в незнакомом оксиде. Вот найдут Пафнутия и он спросит у

помощника юного химика, что это за штука. Как раз его тема...

Рыжий тоже не имел понятия, что означает оксид, но уверенный тон приятеля не оставлял сомнений, что дело именно в нём. Впрочем, собственные жизненные наблюдения подтверждали заявление книгочея — когда железные предметы, созданные Людьми, ржавели от старости, то становились как раз такого цвета, что и небо над их головами.

Первый удар по «африканской» версии Савельича, сам того не желая, нанёс Мартин.

— Интересно, почему отсюда Луны не видно? — простодушно спросил пёс.

Философ собрался изречь что-нибудь глубокомысленное, вроде того, что в Сахаре всё иначе, как вдруг на восточном склоне красноватого неба возникла яркая точка и двинулась навстречу загадочному обломку, показавшемуся друзьям «гостем из Космоса». По мере того как объекты сближались, выражение изумрудных глаз книгочея становилось всё более задумчивым...

В ближайшей норке зашуршало, и Рыжий немедленно занял удобную для охоты позицию: припал на передние лапы и напружинился, готовый к стремительному прыжку. До сих пор ни один местный грызун не проявил беспечности и не высунулся из убежища, а потому в желудках пришельцев было довольно уныло.

Многообещающее шебуршание отвлекло Савельича и Мартина от наблюдения за небесными телами. Молодому псу ещё не приходилось питаться живностью, но он не раз видел, как на пустыре за их девятиэтажкой увлечённо «мышковали» бездомные собаки. Мартин смачно облизнулся, и Савельич метнул в нарушителя тишины сердитый взгляд.

Рыжий не позволил себе отвлечься на шум, произведённый неразумным псом. Даже ухом пушистым не повёл. Правда, где-то на самом донышке его души робко шевельнулось чувство вины перед Пафнутием, дальним родственником которого они собирались закусить в случае успешной охоты...

Краткие комментарии для любознательных

Сахара — крупнейшая на Земле пустыня, расположенная на севере Африканского континента. Вытянута примерно на 4800 км с запада на восток и от 800 до 1200 км с севера на юг; имеет площадь около 8,6 млн км² (около 30 % площади Африки, немногим больше площади Бразилии). С запада Сахара омывается Атлантическим океаном, с севера ограничена горами Атлас и Средиземным морем, а с востока — Красным морем. Южная граница пустыни определяется зоной малоподвижных древних песчаных дюн на 16° с.ш., к югу от которой располагается Сахель — переходный регион к Суданской саванне. Сахара не поддаётся категоризации в рамках одного типа

пустыни, хотя преобладающим является песчано-каменистый тип. Для северных районов характерны сильные годовые и суточные колебания температур.

Оксиды — соединения химических элементов с кислородом.

Глава двадцать четвёртая, в которой ПАФНУТИЙ СНОВА ОГОР- ЧИЛСЯ, А САВЕЛЬЧ УДИВИЛ ДРУЗЕЙ

В оодушевлённый Пафнутий бодро покатил консервную банку к выходу из кладовой, заодно прикидывая, как бы половчее преодолеть препятствие в виде человеческого скелета, разлётшегося на пути его голубовато-зеленоватой мечты. Брысь тоже определился с выбором тушёнки и громыхал позади, стараясь приноровиться к непривычному для него действию.

Сначала он попробовал старый, проверенный многими поколениями предков метод и ударил правой передней лапой по округлой ёмкости, придав ей направление. Однако не рассчитал силу толчка и банка, прогрохотав жестяными боками по бетонному полу мимо двери, наткнулась на стену и откатилась в сторону.

Брысь повторил тот же манёвр левой лапой и чуть не зашиб семенившего впереди будущего мореплавателя. Пафнутий испуганно пискнул, но возмущаться не стал — побоялся, что старший компаньон вообще передумает его сопровождать, а без мудрого руководства опытного кота ему не обойтись (как показали предыдущие события). То есть обойтись можно, но с гораздо большим риском для жизни, а она у него одна, к тому же очень короткая по причине ускоренного метаболизма!

Двухголовики, с любопытством наблюдавшие за манипуляциями пришельцев, решили поучаствовать в забавном соревновании и, прихватив по блестящей ёмкости с яркими этикетками, с такой ловкостью покатали их перед собой, что быстро обогнали менее проворных чужаков.

Брысь с неудовольствием отметил, что выбор местных грызунов пал на рыбу. Впрочем, учитывая, что их компания устремилась к морю, его желудку в любом случае придётся перестраиваться на вкусную, хотя и вредную для его кошачьего здоровья пищу. Ничего, по возвращении домой сядет на диету, утешил себя искатель приключений. Главное, самим не превратиться в полезное лакомство для рыскающего где-то монстра.

Очередной удар лапой по непослушной банке оказался сверхудачным: во-первых,

она угодила прямо в дверную щель, а во-вторых, её инерции хватило, чтобы отодвинуть кости бывшего марсианского поселенца и освободить проход.

— Вода! — вдруг спохватился Пафнутий и кинулся назад в кладовую.

Катить тяжеленную двухлитровую пластиковую бутылку пришлось сообща, и, присоединив её к остальным запасам, компания уселась отдохнуть — присутствие человеческих останков уже никого не смущало...

Потомок корабельных обитателей первым почувствовал новый прилив сил и вскочил, готовый следовать дальше. К тому же его беспокоил сосредоточенный взгляд Брыся, устремлённый на их продовольственный паёк. По опыту он знал, что задумчивое выражение на физиономии старшего компаньона не сулит ничего хорошего. И как в воду глядел!

— Нам придётся оставить это здесь! — непререкаемым тоном заявил искатель приключений.

— Ни за что! — машинально воспротивился Пафнутий, уже догадываясь, что последующие аргументы кота всё равно заставят его подчиниться.

— Мы не сможем перетащить их через огненное кольцо! Простите, что не сообразил раньше, — чуть виновато пояснил Брысь. — Однако есть и хорошая новость

— монстра нет поблизости, иначе он уже давно примчался бы на грохот, который мы тут устроили!

— Слышите? — громким восклицанием Рыжий нарушил незыблемое охотничье правило по соблюдению тишины.

— Громыхает что-то! — подтвердил Савельич, сразу позабыв о своём желании перекусить.

Мартин сунул большой чёрный нос в нору и поглубже затянулся затхлым воздухом подземных лабиринтов. Среди многообразия запахов, никогда ранее не встречавшихся, а потому не поддающихся идентификации, уникальный собачий нюх распознал один знакомый...

— Пафнутий там был! — возликовал пёс.

— Значит, и он на Марсе! — добавил что-то совершенно несуразное философ-книгочей...

Глава двадцать пятая, в которой ПРОБОС И ДЕУМОС ДАЮТ ПОДСКАЗКУ

Мартин вытаращил глаза и поставил уши торчком, так что стал похож на очень удивлённую овчарку, а жёлто-зелёные «блюдца» Рыжего достигли размеров десертных тарелок.

— На каком Марсе? — пролепетал бывший дворцовый мышелов. — На том, который в Космосе?

— Зато мы почти нашли Пафнутия! — быстро пришёл в себя пёс и снова сложил уши пополам. (Всё-таки здорово, что Савельич с ними, а то бы они с Рыжим так и не узнали, что сделались астронавтами! А Сфинкс, вполне вероятно, и на Марсе есть. Пирамида же имеется!)

Пожилой философ выглядел удручённым — не так он планировал проводить старость... Книгочею страстно захотелось вернуться в Летний сад, к ленивым, а потому малообразованным уткам. Жизнь в квартире с возделенной библиотекой и телевизором оказалась полна опасностей из-за соседства с неугомонным Брысем. Впрочем,

винить некого — он отправился в путешествие по времени и пространству совершенно добровольно, друзья ведь предлагали ему остаться...

Савельич тяжело вздохнул.

— Может, на этот раз ты ошибаешься? — робко понадеялся Рыжий. — Может, это всё-таки Сахара? С чего ты взял, что мы так далеко забрались?

— Из-за них! — философ устремил печальные изумрудные глаза на небо, где два неопознанных объекта как раз зависли поблизости друг от друга. — Тот, что покрупнее и неправильной формы, называется Фобос — спутник Марса. Он восходит на западе, куда Солнце закатывается, и движется на восток. А маленький — Деймос, ещё один спутник. У него всё наоборот — он с востока на запад перемещается, как наша Луна. Нам повезло, что мы их вместе застали, потому что из-за разной скорости вращения вокруг планеты за марсианские сутки Фобос больше двух витков совершает, а Деймоса только каждую шестую ночь увидеть можно. А если он провисит в небе два с половиной дня, то значит, мы на экваторе...

Савельич замолчал, пристально вглядываясь в светящуюся яркими точками вышину. Рыжий последовал его примеру, искренне стараясь почувствовать радость от такого «невероятного везения», как возможность

лицезреть оба марсианских спутника разом. Однако чувствовал лишь приближающуюся панику...

Пришлось Мартину напомнить приятелям, что белобрысого грызуна следует искать не среди звёзд, а совсем в другом месте — под землёй. Или как она тут называется? «Марся, наверное, — рассудил пёс, — под марсёй он скрывается! Или под пирамидой, откуда шум раздавался!»

Мартин представил, как бы действовал в подобной ситуации опытный Брысь.

— Нам нужен источник информации! — воскликнул он, и коты ошеломлённо уставились на внезапно поумневшего пса.

Мартин смутился и вторую часть фразы произнёс не так уверенно:

— Кто-нибудь из местных... Пафнутий же недаром внизу ошивался, своих небось встретил...

— Что-то мне подсказывает, что наш «м.н.с.» там, где еда! — заявил Рыжий, взяв себя в лапы (в конце концов, не он один попал в переделку). — У колонистов ведь должны быть запасы провизии? — обратился он к Савельичу.

Философ одобрительно пошевелил седыми усами — в мыслительных способностях его «учеников» наметился явный прогресс.

— Ой, я и забыл про поселенцев! — сконфузился Мартин и добавил, оправды-

ваясь: — Мы же думали, что это враки! А если тут Люди живут, то у них непременно имеется кладовая, а в ней — наш Пафнутий! Кстати, а марсианские сутки — это сколько?

— Почти как наши, земные... — опять затосковал пожилой книгочей.

— Тогда поторопимся, а то ночь закончится и снова захочется пить! — воззвал пёс к распушившимся от холода приятелям и устремился вперёд.

Рыжий и Савельич припустили следом, но вскоре стали отставать — бег на длинные дистанции не входил в число кошачьих достоинств, так что Мартину пришлось перейти на лёгкую трусцу, чтобы не слишком опережать спутников.

Несмотря на невысокий (по его собачьим меркам) темп передвижения, они неуклонно приближались к цели. Близость пирамиды заставляла Мартина нервничать и нетерпеливо оглядываться на семенящих позади котов.

— Я только туда и назад! — наконец не выдержал он и рванул во всю прыть своих крепких длинных лап.

Раздался звук, похожий на удар по листу металла, а затем скулёж Мартина и долгий, протяжно затухающий гул...

Глава двадцать шестая, в которой МАРТИН СООБЩАЕТ МРАЧ- НОЕ ИЗВЕСТИЕ

Рыжий и Савельич замерли, испуганно вглядываясь в черноту марсианской ночи и вслушиваясь в странный гулкий звук и страдальческие завывания пса. Словно кто-то ударил по наковальне, а в качестве молота использовал их приятеля.

— Я во что-то врезался! — наконец пожаловался Мартин вполне членораздельно, и коты облегчённо выдохнули.

В несколько прыжков они достигли обиженного неизвестными обстоятельствами пса и с удивлением огляделись.

— Тут ничего нет! — растерянно молвил Рыжий, ожидавший увидеть как минимум огромный железный таз, наподобие тех, в которых замачивали бельё в прачечной Зимнего дворца (где он когда-то служил мышеловом).

Философ, как всегда, не спешил с выводами, внимательно всматриваясь в ландшафт, особенно скудный в отсутствие дневного света. Взметнувшаяся до неба громада то ли скалы, то ли рукотворной пирамиды

находилась совсем близко, всего в каком-нибудь часе кошачьего бега. Внезапно она исчезла, и Савельич лишь спустя мгновение сообразил, что марсианский пейзаж окутало плотное облако пыли, поднятое порывом ураганного ветра.

Озадаченный книгочей покосился на приятелей — вдруг их тоже накрыло песчаным вихрем и только он не почувствовал ни малейшего дуновения. Однако друзья смирно сидели рядом, устремив на него вопросительные взоры и надеясь получить исчерпывающие объяснения по поводу того, что случилось с Мартином. Казалось, они даже не заметили никаких новых необычностей.

Савельич наморщил лоб, пытаясь вспомнить, дул ли вообще ветер с того момента, как они ступили на красную планету, известную астрономам своими пыльными бурями. Но в его размышления вторгся восторженный возглас Мартина.

— И тут был Пафнутий! Не так давно! Пёс принялся шумно фыркать, водя носом почти по самой земле (или «марсе», как выразился бы сам Мартин) и вздымая фонтанчики из сухого песка. Неожиданно его радость сменилась тревогой, немедленно передавшейся котам.

— С ним что-то случилось? — жёлто-зелёные «блюдца» Рыжего приготовились наполниться солёной влагой.

Не отвечая, Мартин проследовал к норе, вход в которую загораживал камень, аккуратно подогнанный под нужные размеры.

— Его тело затащили сюда! — мрачно сообщил пёс.

— Может, он сам забрался? — осторожно молвил Савельич, отказываясь верить в кончину «младшего научного сотрудника».

Мартин обвёл друзей унылым взглядом:

— Его долго волокли за хвост двое неизвестных, из тех, что населяют эти подземелья.

Про себя он машинально отметил, что правильнее было бы сказать «подмарсенья», но уточнять не стал — и так ясно, что с их маленьким приятелем случилась непоправимая беда.

— Не успели! — всхлипнул Рыжий, и даже философ почувствовал, как в его сердце шевельнулось горестное сожаление о безвременно почившем «никчёмном балласте».

Кто бы мог предположить, что белокрысый помощник юного химика помрёт не от ожирения, вызванного чрезмерным употреблением сладких эликсиров, а повторит участь известного человеческого путешественника Джеймса Кука, послужившего обедом для кровожадных аборигенов! (Впрочем, последние исследования, кажется, опровергли эту давно устоявшуюся версию.)

При этом Пафнутий отличился ещё боль-

ше, поскольку угодил в пасть не абы кому, а марсианским любителям земных грызунов и, скорее всего, не в качестве банального обеда, а как изысканный десерт. То есть прославился так прославился!..

Краткие комментарии для любознательных

Джеймс Кук (англ. James Cook; 27 октября (7 ноября) 1728г., Мартон, Йоркшир, Англия — 15 февраля 1779г., остров Гавайи) — английский военный моряк, путешественник-исследователь, картограф и первооткрыватель, член Королевского общества и капитан Королевских ВМС. Возглавлял три кругосветные экспедиции по исследованию Мирового океана.

Глава двадцать седьмая, в которой парнутий храбрится, а марсиане уходят в разведку

Двухголовики переглянулись, не понимая, отчего вдруг загрустил их лысохвостый знакомец и уставились в жёлтые глаза большого серо-белого пришельца. Пока марсианские эндемики выясняли причину заминки доступным им

телепатическим способом, Пафнутий решал непростую дилемму: море где-то там или еда прямо тут.

Кровь отважных мореплавателей бунтовала и рвалась к сердцу, требуя сделать выбор в пользу первого.

— Ничего! Найдём корабль, а там в трюмах всегда есть чем подкрепиться! — расхрабрился «м.н.с.» и умоляюще посмотрел на компаньона...

Брысь мысленно восхитился невероятным упорством потомка корабельных крыс, готового терпеть лишения, но во что бы то ни стало добраться до заветной цели. Даже почувствовал вину за свою кошачью предусмотрительность, вынудившую Пафнутия делать нелёгкий выбор между далёким морем и близкими продуктами питания. И хотя искатель приключений был не в восторге от безумной мечты грызуна, умоляющее выражение рубиновых бусинок не позволило ему придумывать новые препятствия. Со старыми бы управиться!

Например, убедиться, что кровожадный монстр до сих пор где-то на Марсе, а не появится в самый неподходящий момент из-за какой-нибудь двери в «подъезде», как Брысь решил для удобства именовать пространственно-временной коридор, созданный странной фантазией матроса-экстрасенса в столь незамысловатом виде. (Хорошо

хоть лестница всегда вела вниз и освещалась электричеством! Если бы пришлось подниматься, да ещё и в темноте, то путешественник по историческим эпохам, а теперь, по совместительству, астронавт, не раз помянул бы Дунканов недобрым словом!)

— На разведку нужно пойти! — загорелся Пафнутий. — Жаль, Рыжего нет, чтобы составить тебе компанию!

И заметив, как удивлённо встопорщились пышные усы компаньона, льстиво пояснил:

— Вы опытные разведчики! Или хочешь, чтобы я с тобой пошёл? — сконфуженно проямлил «м.н.с.», и его сердце затрепыхалось при воспоминании о матово-чёрных глазах, в которых не было ни капли жалости к младшим научным сотрудникам серьёзных химических лабораторий.

Брысь продолжал молчать, и Пафнутий пролепетал, холодея от ужаса:

— Мне одному в разведку идти? Ну да, ты же в нору не пролезешь! — печально покосился он на размеры лазейки, что вела в лабиринты марсианских грызунов.

Искатель приключений и впрямь раздумывал о способе выхода на поверхность красной планеты. Наверняка колонисты не сидели постоянно взаперти, а выбирались подышать местным воздухом и полюбоваться здешними пейзажами или Землёй, кото-

рая отсюда должна была выглядеть как двойная звезда, поскольку тоже имела спутник. Пусть только один, зато почти в два раза крупнее Фобоса, не говоря о многократном превосходстве над крошечным Деймосом. Или они «ходили» на Марс как на работу, ежедневно пользуясь пространственно-временной лестницей? Тогда зачем им запасы продуктов? На всякий непредвиденный случай? Однако именно он и произошёл, и провизия не помогла...

Двухголовики напряжённо следили за ходом мыслей серо-белого пришельца, а когда поняли, для чего новым знакомым понадобилось выбираться наружу, то наперегонки принялись телепатировать, что лучше них с заданием никто не справится. При всём уважении к устройству земных зверьков преимущество на стороне двойного комплекта ушей, глаз, носов и усов, с помощью которых они быстро определяют, где чудовище...

Возле лазейки двухголовики ненадолго замерли, уставившись друг на друга, — видимо, решали, кто пойдёт первым. Однако уступить никто не захотел и в отверстие они втиснулись одновременно. Брысь послушал, как марсиане, натужно пыхтя и толкаясь, преодолели узкий проход, соединивший кладовую с подземным городом грызунов, а затем всё так же бок о бок умчались выполнять ответственное задание.

Глава двадцать восьмая, в которой ОБНАРУЖИВАЕТСЯ ТАИН- СТВЕННЫЙ ПРЕДМЕТ

Погружённый в грустные размышления о судьбе Пафнутия, Савельич чуть было не забыл о необычном явлении, когда ветер дует прямо перед носом, но не ощущается ни одним из органов чувств. Философ собрался возобновить анализ загадочного феномена, чтобы заглушить печаль, но снова отвлёкся — на этот раз на шевеление камня, которым был закупорен вход в нору, где закончил свои суетные дни бестолковый, но храбрый питомец Вовы Менделеева...

Рыжий снова принял охотничью стойку, мстительно предвкушая, как отольются подлому убийце Пафнутьевы слёзки! «Доверчивый крысук небось думал, что тут живут родственники, а они даже не посмотрели, что он представитель дружественной планеты!» — негодовал бывший дворцовый мышелов, благополучно упустив из виду, что совсем недавно тоже не собирался «смотреть» на марсианское происхождение грызунов...

Камень отодвинулся, и наружу высунулись две маленькие головы.

«Сразу оба, какая удача!» — первое, что пришло на ум Рыжему.

— Мутант какой-то! — остолбенел Мартин, помешав своим восклицанием приятелю, который теперь тоже понял, что абориген один.

Глазки, похожие на перламутровые пуговички, обойдя вниманием пса, дружелюбно уставились на котов — по два на каждого.

Мартин, который ожидал увидеть короткую, но драматичную сценку из охотничьей жизни, изумлённо наблюдал, как друзья вглядываются в диковинного зверька и даже не пытаются его изловить! А ведь скроется в норе важный источник информации, не говоря о его более тяжких прегрешениях — судя по запаху, грызун был из той парочки, что тащила по марсе несчастного Пафнутия!

Разочарованный непрофессиональным поведением приятелей, пёс без лишних церемоний ухватился зубами за головы марсианина и выдернул его на поверхность. Освободившийся проход тут же заняли ещё две макушки.

— Пилтов! — прокомментировал новый грызун непростую ситуацию...

Пафнутий, обрадованный, что для опасного поручения нашлись добровольцы, собрался скрасить ожидание результатов обедом, но Брысь испортил ему аппетит досадным предложением:

— Монтаукский зверь бывает здесь два раза в год и тоже ведь как-то выбирается на поверхность, чтобы охотиться! Так что, пока твои дружки не вернулись, пойдём поищем выход!

— Зачем? — воспротивился Пафнутий и веско добавил: — Моря там всё равно нет, только песок да камни!

Но куда там — голосок-то у него тонкий, а потому искателю приключений его аргументы не показались весомыми. Впрочем, заставлять младшего компаньона Брысь не стал.

— Хочешь, сиди тут один! — с показным равнодушием молвил он, уверенный, что потомок неустрашимых мореплавателей сдрейфит.

Так и случилось. Ворча себе под розовый подвижный нос что-то о насилии над личностью, помощник юного химика посеял за приятелем, стараясь не выпускать из виду полосатый хвост. Предмет его зависти не торчал победным флажком, как в боль-

шинстве случаев, а был опущен и подрагивал, выдавая настороженность руководителя очередной миссии.

Возле двери, над которой надоедливо моргали зелёные буквы EXIT, искатель приключений остановился и подождал приятеля.

— Смотри, какой странный предмет! — указал он на шар из некогда прозрачного, а теперь изрядно запылившегося пластика. Шар лежал на полу рядом с одним из скелетов.

Пафнутий пригляделся, и на самом дне его памяти шевельнулось смутное воспоминание.

— Мне кажется, я уже видел такие... Точно! В моём Зоомагазине их продавали в отделе аксессуаров для грызунов! Там ещё круглое отверстие должно быть!

Питомец Вовы Меделеева отправился исследовать шар, и через мгновение его писклявый голосок зазвучал вновь, но уже более приглушённо:

— Я же говорил!

Брысь протёр лапой пыльную поверхность и встретился взглядом с сияющими рубиновыми бусинками «м.н.с.».

— Это вам вместо клеток? — удивился искатель приключений.

— Не-а, чтобы гулять! — растолковал Пафнутий назначение устройства, непонятного свободолюбивому коту. — Вот так!

Он принялся перебирать лапками, и сфера, пролежавшая без движения несколько десятилетий, тронулась с места и покати-лась, управляемая ловким пассажиром или, скорее, водителем.

За то, что произошло потом, Брысь ещё долго корил себя и даже в сновидениях терзался угрызениями совести — заморожен-ный необычным, почти цирковым представ-лением, которое устроил для него младший компаньон, опытный путешественник совер-шенно забыл про возможную опасность!

Зверь возник бесшумно и внезапно. Чёрные глаза, абсолютно круглые и непро-ницаемые, как у акулы-убийцы, скользнули по застывшему от ужаса искателю приклю-чений и задержались на шаре с «начинкой». В бесстрастном взгляде монстра мелькнуло любопытство, а кошачья часть его натуры побудила легонько ударить лапой по дико-винной игрушке.

Для пластиковой сферы этого оказалось достаточно, чтобы отлететь почти в конец коридора, туда, где потрескивало и шипело огненное кольцо. (Пафнутий стремительно-го перемещения не почувствовал, поскольку при появлении чудовища свалился в глубо-кий обморок.)

Фаза полёта завершилась дробным постукиванием шара по бетонному полу, и зверь решил продолжить забаву. Совершив

три гигантских прыжка, он нагнал сферу. Дальше случилось и вовсе ужасное — после нового толчка шар вместе с потомком отважных мореплавателей влетел в полыхающий обруч и загремел по ступенькам пространственно-временной лестницы! Увлёкшееся весёлой игрой чудовище устремилось за ним, а следом, презрев собственный страх, кинулся Брысь...

Глава двадцать девятая, в которой У САВЕЛЬИЧА ПОЯВЛЯЕТСЯ ДУРНОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мартин прижал выдернутого из норы марсианина лапой, чтобы не удрал, и потянулся за следующим.

— Вот влип! — снова изрёк тот вполне отчётливо, а главное, на понятном языке.

Это прозвучало так неожиданно, что Рыжий и Савельич отпрянули, а пёс вообще отскочил в сторону. Оказавшись на свободе, диковинный двухголовый абориген поднялся на лапки. Но вместо того чтобы воспользоваться замешательством чужаков и спастись бегством, отряхнул длинный

хвост, покрытый густой шерстью и больше подходящий для котов, и добавил к уже сказанному приятелем:

— Енаисрам! Икимеднэ!

— Марсиане! Эндемики! — не вылезая на поверхность, разъяснил второй абориген смысл непонятных слов.

— Они умеют говорить по-нашему и даже задом наперёд! — восхитился Рыжий, а философ пристально оглядел стоящего в полный рост грызуна, едва ли крупнее потерявшегося на марсианских просторах Пафнутия.

— Если убрать одну голову и укоротить хвост, то получится вылитая шиншилла!

— Шиншилла? — удивлённо переспросил Рыжий, никогда не подозревавший о существовании зверька с таким забавным названием.

— Я в Летнем саду видел — её выгуливали в прозрачном шаре!

Мартин и Рыжий недоумённо переглянулись.

— Как это?

— Очень смешно: грызун перебирает внутри лапками, сфера катится, а хозяин гордо вышагивает следом!

— Но почему бы не вести питомца на поводке? — поразился Мартин, пожалев несчастное бессловесное создание. Впрочем, если бы оно и возражало, то человек,

не восприимчивый к языку животных, всё равно бы не понял!

— Вот уж не думал, что мы так быстро обнаружим на Марсе разумных существ, да ещё так мало отличающихся от земных! — не скрывая изумления, молвил книгочей.

Мартин был настроен не столь благодушно.

— Пусть лучше скажут, что они сотворили с Пафнутием! — грозно прорычал он и, на всякий случай, опять придавил лапой кончик красно-коричневого хвоста.

Зверёк покосился на пленённую часть тела и перевёл выразительные перламутровые глазки на котов — возобновил сеанс телепатии, прерванный грубым поступком гиганта, непонятно каким образом затесавшегося в компанию интеллигентных грациозных чужаков. (Несмотря на существенные различия в цвете и длине шерсти, он безошибочно определил в них родственников серо-белого пришельца с толстым полосатым хвостом — пределом мечтаний любого, у кого имелся похожий атрибут внешности.)

Рыжий не выдержал непривычного способа общения и потряс лохматой головой:

— Савельич, у меня появились чужие мысли! — пожаловался он философу, однако книгочей не ответил, продолжая внимательно «слушать» рассказ аборигена.

— Нам повезло! — наконец произнёс он

взволнованно. — Брысь нашёл Пафнутия, и они оба здесь, живые и здоровые!

Мартин тут же сменил гнев на милость и несколько раз высоко подпрыгнул от радости, чем окончательно напугал марсиан, и они оба юркнули в нору.

Рыжий онемел от охватившего его счастья и ограничился доведением глаз до невероятного размера.

— А здесь — это где? — опомнился Мартин, опасаясь, что преждевременно спугнул местных жителей.

— Там, где мы и предполагали, на продуктовом складе в поселении колонистов под скалой!

— Ух ты! — возликовал пёс, боясь сознаться, что наличие вышеназванного помещения радует его не меньше, чем присутствие там любимых друзей.

Потом он вспомнил, как ударился с разбегу обо что-то невидимое, но очень твёрдое, преградившее путь к пирамиде, и кинулся к отверстию, в котором скрылись аборигены.

— Эй, а как туда пройти? — прокричал он.

Общительный двухголовик снова высунулся наружу и уставился в большие тёмно-карие глаза ушастого гиганта. Однако после нескольких бесплодных попыток установить мысленную связь со странным незнакомцем,

взгляд марсианской шиншиллы переместился на уже проверенного в «переговорах» чёрного пожилого пришельца.

— Что он сказал? — нетерпеливо воскликнул Мартин, несколько смущённый отсутствием у него телепатических способностей.

— Что они нас проводят! — ответил Савельич и встревоженно добавил: — Нужно поторопиться, у меня дурное предчувствие!

Местные грызуны, вероятно, тоже ощутили беспокойство, потому что наперегонки бросились показывать дорогу...

Глава тридцатая, в которой БРЫСЬ СОВЕРШАЕТ ЧУДЕСА ОТВАГИ

Скок-скок-скок-скок... Шар из прозрачного пластика с заключённым в нём Пафнутием наполнял пространственно-временной «подъезд» звонким эхом. Когда Брысь домчался до «входа», эхо уже затухало. Изумительный кошачий слух различил, как мягко и пружинисто перескакивает со ступеньки на ступеньку безжалостный зверь, преследуя «удирающую» игрушку.

Если шар разобьётся, то несчастный бесчувственный питомец юного химика

вывалится наружу и, в лучшем случае, будет проглочен монстром. В худшем — жуткая помесь кота и собаки примется терзать грызуна, прежде чем отправит его в желудок!

Эта мысль показалась особенно нестерпимой — бедный «м.н.с.» с двумя образованиями не заслуживал такой страшной участи!

Брысь крепко зажмурился и... бросился в пролёт пространственно-временной спирали — вдруг повезёт и он окажется внизу раньше охотника и его жертвы...

...а ветеринарный врач так заинтересовался моей поразительной способностью быстро излечиваться от любых травм и болезней, что назвал меня феноменом, то есть исключительным, уникальным и неповторимым, и даже предложил Вовкиным родителям отвезти меня в Санкт-Петербург в специальный институт для исследований! И хотя это означало повышение по службе и карьерный рост, я отказался из уважения и привязанности к моему научному руководителю, и вообще я их люблю и не хочу с ними расставаться! Родители так врачу и сказали, мол, никому не доверят такого ценного сотрудника и члена семьи.

Вот если бы и Вовке в том институте место предложили, то я бы ещё подумал...

По всему выходит, что я теперь бессмертный! Гораздо бессмертнее сказочного Кощея! Тот, если иголку сломать, тут же окочурится, а я нет! Хотя вы про иголку-то не слышали... Там так — на конце иглы смерть Кощеева, а игла — в яйце, а яйцо — в утке, а утка — в зайце, а его ещё поймать надобно! Впрочем, вы и про зайцев не знаете! Они на меня чем-то похожи: такие же белоснежные бывают, когда зима, и зубы покрыты прочной эмалью — это уже круглый год... Я даже думал, не родственники ли... Вот только они вегетарианцы, а я всё люблю!

Кстати, Вовка мой вернулся к химическим экспериментам — мы теперь над таким эликсиром работаем, чтобы и неживая материя во времени и пространстве перемещалась! Уж если целый эсминец учёным передвинуть удалось, то нам всего-то нужно письмо вам отправить! То есть мне нужно, Вовка про вас не догадывается! Ну и сокровища, разумеется, с собой прихватить, вдруг попадутся! Или минерал какой-нибудь марсианский, на память! Или бабушке рассаду на дачу — хотя бы один кустик ваш с ягодами сладкими. Коли вода под боком, то они очень даже ничего, есть можно!

*Засим откланиваюсь, вечно ваш
Пафнутий...*

Когда-то белоснежная, а теперь зелёная лапа замерла над исчирканным кошачьей стенографией тетрадным листком.

— Что ещё за «засим» такой? — изумился Брысь, усердно исполнявший роль писаря.

Пафнутий похлопал рубиновыми бусинками и приосанился: встал на задние лапки, выпятил живот и откинул назад голову. Тот факт, что многоопытный кот-путешественник не слышал старинного русского словца, а он не только слышал в каком-то кинофильме, но даже запомнил, где его употреблять, чрезвычайно польстил помощнику юного химика.

— Кстати, припиши в конце «с.н.с.»! — потребовал он. — Потому как я теперь старший научный сотрудник! У меня стаж вышел!

Брысь окинул упитанную фигурку грызуна оценивающим взглядом, макнул лапу в «чернила» — налитую в мисочку зелёнку — и оставил под каракулями аккуратный отпечаток...

Глава тридцать первая, в которой ПОДТВЕРДИЛИСЬ ХУДШИЕ ОПАСЕНИЯ

Правая передняя конечность и впрямь казалась зеленоватой, однако никакой «чернильцы» поблизости не было, равно как и листа бумаги, на котором он стенографировал бы послание от земного грызуна марсианским... Не наблюдалось и автора письма, то бишь Пафнутия. Последний факт особенно огорчил очнувшегося искателя приключений.

«Неужели я заснул? — ошарашенно подумал он. — Или в обморок грохнулся?»

Брысь покрутил головой — он лежал плашмя на бетонной площадке; каменные ступени убегали вниз, образуя уже знакомую спираль из лестничных маршей; сбоку шипел и потрескивал огненный обруч, а через него струился туман, переливающийся всеми оттенками изумрудного цвета — он-то и явился причиной зеленоватой окраски тех частей тела, которые обычно выглядели на Брысе белоснежными: лап, живота, ободка вокруг шеи и половины мордочки.

Кажется, повезло! В том смысле, что не разбился и даже восстановил «ушибленную» память. Брысь растопырил уши (хорошо, что они не так сильно забиты мехом, как у лохматого Рыжего) и постарался определить, насколько он «обогнал» монстра и шар с Пафнутием.

Скок-скок-скок-скок... Звук нарастал, и теперь искателю приключений пришлось растопырить глаза — нарушая все известные законы физики, по убегающей вниз пространственно-временной лестнице приближалась прозрачная сфера. Она беззаботно перепрыгивала со ступеньки на ступеньку, а белобрысый «м.н.с.» подскакивал внутри, ударяясь поочерёдно всеми частями упитанного тельца о пластиковые стенки. Рубиновые бусины были скрыты за веками — вероятно, потомок отважных мореплавателей всё ещё находился в обмороке. За шаром неторопливо следовал Монтаукский зверь, предвкушая скорую расправу над лысохвостой начинкой, заключённой в диковинном круглом предмете.

Никакого особенного плана по спасению помощника юного химика Брысь придумать не успел, а потому для начала собрался точным броском переправить пластиковую тюрьму Пафнутия в огненное кольцо, подальше от преследователя...

Хруп! От соприкосновения с бетонной площадкой шар раскололся на две аккурат-

ные половинки, и удар лапой пришёлся по бесчувственному тельцу, тугому и плотному, благодаря усиленному питанию.

Как заправский снаряд, умело выпущенный из катапульты, белобрысый «м.н.с.» исчез в клубах зелёного тумана, мгновенно окрасившись в изумрудный цвет. И будь он в сознании, то, вполне возможно, обрадовался бы изменениям в своей внешности.

Брысь удивился результату собственных усилий не меньше застывшего с оторопелым видом монстра. Пока тот переваривал нахальство маленького зверька, так неожиданно вынырнувшего из густой дымки и испортившего ему заключительный этап забавной игры, искатель приключений опомнился и метнулся вслед за Пафнутием.

По мерцающему зелёному туману Брысь догадался, что они попали на подопытный эсминец. Память услужливо подсказала голосом Дункана, что в тот день, когда фантазия матроса-экстрасенса породила кровожадное чудовище неизвестной породы, пространственно-временная спираль одним своим «концом» настроилась на корабль. А значит, подтвердились его подозрения по поводу того, где самые любопытные из двух-головики могли видеть море — у побережья Филадельфии 12 августа 1943 года!

А поскольку марсианский год почти в два раза длиннее земного, то 12 августа

случается на красной планете дважды — вот и разгадка, почему Зверь посещает Марс «строго по расписанию»! Жаль, что Пафнутий так заторопился, что отказался выслушать более опытного компаньона. Возможно, сам передумал бы рисковать жизнью из-за сомнительного удовольствия покачаться на волнах!

Все эти мысли пронеслись в голове Брыся с третьей космической скоростью, с какой он, судя по всему, переправил в огненный обруч «младшего научного сотрудника», так как шлепок от приземлившегося упитанного тельца раздался где-то за бортом. «Хорошо, что не бульк!» — облегчённо проанализировал разницу в звуках спасатель грызунов (точнее, одного, но зато белоснежного и с двумя образованиями) ...

Брысь длинными прыжками пересёк палубу злополучного эсминца, стараясь не прислушиваться к тому, что происходит за спиной, и не глазеть на обезображенные тела моряков — последствия ужасного эксперимента и кровавой трапезы злобной фантастической твари. Вспрыгнув на металлический поручень, он глянул вниз — почти сливаясь по цвету с водой, виной чему был зелёный туман, на волнах покачивалась лодка. Вероятно, кто-то из экипажа успел опустить спасательную шлюпку, но не успел ею воспользоваться. Определить, как выгля-

дели бедняги при жизни, было невозможно — их лица и руки будто вплавились в борт судна...

На дне лодки без движения лежал Пафнутий. Искатель приключений оттолкнулся всеми четырьмя лапами и через пару мгновений, которые занял точно выверенный полёт, очутился рядом с приятелем. И хотя приземлился он изящно и мягко, как подобает лучшим представителям кошачьего племени, Пафнутий ощутил лёгкий толчок и распахнул рубиновые глазки (а может, просто вышло время, отведённое организмом на обморок).

— Мы на море? — первым делом осведомился он и с надеждой уставился на компаньона.

Брысь хотел было сказать родственнику корабельных грызунов что-нибудь едкое. И вообще упрекнуть в том, что «м.н.с.» не следит за событиями, пользуясь особенностями своей впечатлительной натуры. И даже напугать преследующим их монстром... Но все эти желания заслонило другое, неожиданное сильное, — увидеть, как рубиновые бусинки вспыхнут восторгом от исполнившейся мечты.

Поэтому он ответил:

— Даже лучше — в Атлантическом океане! Чувствуешь качку?

Лодка и впрямь качнулась так, что

ударилась о борт эсминца, а потом и вовсе задралась носом, словно один из удерживающих её тросов стал вдруг намного короче другого. Путешественники сползли по скользкому деревянному днищу к самой корме.

— Ого! Шторм! — возбуждённо пискнул потомок отважных мореплавателей, а Брысь, почуяв неладное, устремил взгляд наверх.

Худшие опасения подтвердились — злобно оскалившись, Монтаукское чудовище схватилось огромными лапами, покрытыми клоками рыжей и чёрной шерсти, за рычаг одной из лебёдок, и она легко поддалась натиску, сматывая тросы...

Глава тридцать вторая, в которой МАРТИН ПОЧУЯ ЗВЕРЯ

Марсианские шиншиллы уверенно неслись в сторону пирамиды, коты трусили рядом, а Мартину приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не обгонять приятелей. Им тоже не нравился слишком медленный темп коротколапых грызунов, но они тактично молчали. Одно хорошо — если кто-то из аборигенов уткнётся в невидимое препятствие, то на такой «скорости» сильно не пострадает, утешал себя пёс.

Внезапно двухголовики затормозили, Мартин же опять врезался в загадочную стену, наполнив окрестности металлическим гулом и огласив их коротким, но громким «ой!». Туземцы озорно блеснули перламутровыми глазками и... безбоязненно шагнули вперёд. Путешественники во времени озадаченно переглянулись.

— Что за чертовщина? — обиженным тоном спросил дважды пострадавший пёс.

Мудрый Савельич осторожно протянул лапу, ожидая наткнуться на железную преграду, пусть и прозрачную, в которой, вероятно, у аборигенов имелся проход, рассчитанный на их небольшие размеры. Однако ничего не нащупал и, бросив укоризненный взгляд на паникёра Мартина, присоединился к грызунам. За ним последовал Рыжий, тоже одарив гигантского пса удивлённым взглядом.

Мартин боязливо повторил попытку проникнуть за невидимую черту (боязливо не потому, что опасался снова получить удар по чувствительному носу или менее чувствительному лбу, а потому, что терялся в догадках, каким образом воздух оказался именно для него таким твёрдым, да ещё гудел, как потревоженный металл).

Попытка вышла удачной, и пёс радостно завилял белой кисточкой, довольный, что продолжит путь вместе со всеми, а не будет

торчать лопухом перед прозрачной стеной, не желающей пропускать к пирамиде такого крупногабаритного зверя, как он.

Впрочем, ликование испортил ветер, который принялся швырять в путешественников горсти сухого колючего песка. И теперь уже не только философ, но и остальные члены спасательной команды задумались о странном феномене и оглянулись — там, за невидимой преградой, невзлюбившей Мартина, царил покой...

— Что за чертовщина? — опять повторил пёс, а Савельич уставился в перламутровые глазки аборигенов, требуя разъяснений...

Разъяснения получились короткими — никаких технических подробностей грызуны не знали. Защитный купол появился задолго до их рождения, и марсианские шиншиллы воспринимали его как неотъемлемую часть своей жизни. Принцип «действия» невидимого металла был прост: раз коснулся, на второй — проходи.

Мартин вспомнил свои «касания».

— Не могли раньше сказать? — сварливо буркнул он.

— Забыли, наверное! — миролюбиво отозвался Рыжий. — Головы-то у них маленькие, хоть и по две! Что с тобой?

Последнее замечание вырвалось у бывшего дворцового мышелова, когда Мартин стал вдруг усиленно втягивать воздух

большими ноздрями. Его мощный заливоч ошетинился, до неузнаваемости преобразив простодушного приятеля, — теперь он опять выглядел настоящим боевым псом, не знающим пощады, как в сражении с гвардейцами кардинала!*

Савельича тоже насторожили изменения во внешности Мартина.

— Ты что-то почуял?

Философ с опаской огляделся, подслеповато щурясь от песка, которым щедро осыпал их марсианский ветер.

— Крупного зверя! — коротко бросил Мартин.

— Может, верблюды? — выдвинул робкую версию Рыжий. — И мы всё-таки в Африке?

— Может, и верблюды, — согласился пёс, поскольку не представлял, чем пахнут горбатые гиганты. — А они хищники?

Книгочей, обидевшись, что его предположение о Марсе подвергли сомнению, метнул на приятелей сердитый взгляд.

— Вот уж нет! Они питаются травой и колючками! — высокомерно ответил он (хотя в душе, что скрывать, был бы рад хоть раз в жизни ошибиться, поскольку африканская Сахара располагалась всё-таки гораздо ближе к дому).

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Один за всех и все за одного».

— Тогда не верблюд! — огорчил Мартин друзей. — От этого кровью несёт! Человеческой! — «успокоил» он взволновавшихся котов. — К тому же сейчас его нет поблизости...

Порывы ветра, близкие к ураганным, вздымали собачью шерсть, стараясь сохранить воинственный облик, но физиономия Мартина снова приобрела привычное незлобивое выражение.

— И... я совсем не чувствую колонистов! — удивлённо пробасил он. — Ну-ка, расспроси этих телепатов, куда Люди подевались?

Сеанс мысленной связи пришлось отложить — жёлто-оранжевое небо стало стремительно менять окраску на тёмно-фиолетовую, готовясь обрушить на пришельцев сухую марсианскую грозу.

— Хватайте шиншил! — крикнул Савельич, разумно рассудив, что ему, как самому пожилому, бежать с грузом будет тяжелее, чем приятелям.

Мартин и Рыжий вонзили зубы в мягкие шкурки двухголовиков и понеслись к пирамиде — её махина вздымалась уже неподалёку...

Глава тридцать третья, в которой друзья оказываются в пирамиде

Пирамида оказалась рукотворной, а не просто одиноко торчащей скалой, над которой потрудился бы ветер, сглаживая «лишние» выпуклости. Сложена она была из ровных, одинакового размера блоков, искусно подогнанных так плотно друг к другу, что Савельич не смог сдержать восторженного возгласа:

— Прямо как египетская! Человеческие учёные так и не разгадали секрет постройки этих удивительных сооружений! Похоже, в нашей Сахаре марсиане поработали со своими продвинутыми технологиями!

Отряхиваясь от набившегося в лохматую шерсть песка, Рыжий недовольно проворчал:

— Я не наблюдаю тут никаких результатов их продвинутой деятельности!

— Может, они невидимые, как тот купол? — внёс Мартин свою лепту.

Обидевшись, Савельич не стал продолжать «учёный спор», а поинтересовался у марсианских шиншилл, почему поселенцы недоступны отменному собачьему нюху.

Про исключительные обонятельные

возможности гиганта аборигены слышали впервые. Зато они знали, что Люди уже давно ничем не пахнут, и даже продемонстрировали одного из них — выбеленные тусклым марсианским солнцем и отполированные настырным марсианским ветром череп и кучка разнокалиберных костей преграждали путь в расщелину, не замеченную путешественниками из-за клубящейся пыли.

Узкий проход вывел в огромный, сужающийся кверху зал. В его центре в тусклом прерывистом свете стеклянных трубок, которые тянулись по всему периметру, матово поблёскивала боками широкая металлическая колонна. Вершиной она упиралась в самую высокую часть потолка.

— Хм! Электричество? — удивлённо пробормотал философ. — Интересно, откуда берётся ток?

— Может, оттуда? — глазастый Рыжий разглядел в дальнем углу несколько неизвестных устройств, к которым тянулись провода. По форме устройства напоминали железные ящики со стенками из множества вертикальных пластинок.

Савельич согласился:

— Генераторы, наверное! Значит, лифт тоже работает!

— Лифт?! — изумился Мартин, всё меньше веря в то, что они на Марсе, но не решаясь снова огорчать книгочея сомнениями.

Двухголовики подбежали к колонне и остановились возле раздвижных створок. Сбоку, как раз на уровне макушки рослого Мартина, располагалась кнопка вызова.

— Жми! — распорядился Савельич, а Рыжий на всякий случай зажмурился — вдруг внутри лифта ещё один бывший поселенец... Раздались скрип, лязг и гудение подъёмного механизма. Потом всё стихло, и створки медленно, будто нехотя, разъехались в стороны. На обозрение пришельцев предстал ещё один железный ящик, только большего размера, чем генератор, и, к счастью для впечатлительного Рыжего, — пустой. С потолка, из-под квадратного плоского плафона пассажирам лифта подмигивала голубоватая лампа. В её неровном свете они разглядели слева на стене незатейливую панель управления из трёх вертикально расположенных кнопок.

Аборигены первыми юркнули в кабину.

— Что ж! — изрёк очередную мудрость философ и последовал за туземцами.

Рыжий присоединился к компании, и все оглянулись на Мартина.

Пёс колебался... Не то чтобы он страдал боязнью маленьких замкнутых помещений, но всегда сочувствовал тем, кто жил на верхних этажах и был вынужден пользоваться услугами опасного устройства, грозно лязгающего дверцами. Ему повезло — их квартира располагалась сразу при входе в подъезд,

а в гости к Сашиному другу, Вовке Менделееву, они поднимались по ступенькам — всего-то третий этаж!

Мартин с затаённой надеждой покрутил головой, но ничего похожего на лестницу не обнаружил.

— У тебя что, клаустрофобия? Давай быстрее! — поторопил нерешительного пса Савельич.

Боязливо покосившись на щель, зияющую чернотой между внешними створками и дверцами кабины, Мартин собрался с духом и, высоко задирая лапы, переступил через преграду. Всем сразу стало тесно.

— Жми на нижнюю кнопку! — снова скомандовал философ...

Глава тридцать четвёртая, в которой Брысь придумывает планы спасения

Нос лодки задрался ещё больше, и Брысю пришлось разочаровать потомка отважных мореплавателей:

— Уж лучше бы шторм! Было бы куда больше шансов остаться в живых!

Пафнутий поднял острую белобрысую мордочку туда, куда мрачно смотрел стар-

ший компаньон, и его рубиновые бусинки встретились с бездушными глазами монстра. Такого огромного, что было непонятно, зачем он тратит время на охоту за котом и крысой, которыми явно не насытится. Только аппетит раздразнит!

«М.н.с.» собрался безвольно обмякнуть и без чувств растянуться на днище, однако от этой трусливой мысли его отвлѣк приказ Брыся:

— Покинуть шлюпку!

Пафнутий оторопел:

— А вдруг я не умею плавать?

Впрочем... Не на плотях же его сородичи «первыми бегут с тонущего корабля», как гласит дурацкая поговорка?!

Цепляясь коготками, изяществом которых он так гордился, «м.н.с.» вскарабкался на узкий бортик, противоположный тому, что тѣрся о серую махину гигантского судна, и... ужаснулся. Так вот оно какое — море... Целый океан морей...

Размах зеленовато-голубоватой мечты настолько поразил мечтателя, что он покачнулся и, если бы старший компаньон не схватил его за шкирку, непременно свалился бы за борт, раз и навсегда покончив не только с неразумными мечтаниями, но и вообще с жизнью и званием младшего научного сотрудника.

— Куда тут бечь-то?! — жалобно просто-

нал он, окончательно разуверившись в истинности утверждения о трусливом поведении крыс. Скорее всего, поговорку придумал тот, кто никогда не видел моря. Теперь-то Пафнутий был убеждён, что его родственники храбро идут на дно вместе с провизией, хранящейся в трюмах!

Это горестное открытие хоть и наполнило гордостью душу белобрысого потомка корабельных грызунов, однако сильно поколебало его желание становиться капитаном круизного лайнера или даже простым пассажиром в солнцезащитных очках и бандане!

Лодка опять дёрнулась от нового витка лебёдки, и Брысь повторил приказ. Правда, с учётом удручённого состояния «м.н.с.», изменил формулировку:

— Цепляйся за меня!

Прыгать в воду искателю приключений тоже совсем не хотелось, поскольку он терпеть не мог, когда намокала его густая шёрстка. Да и вид вздымающихся волн и необъятных просторов внушали ему не меньший ужас, чем Пафнутию. Но ещё меньше ему хотелось бесславно окончить дни в пасти нафантазированного (даже не настоящего!) чудовища. Уж лучше утонуть с честью и достоинством бывшего Личного Кота наследника российского престола!

К слову сказать, тонуть Брысь собирался в последнюю очередь, а до того —попро-

бовать добраться до якорной цепи, так как эсминец стоял на рейде недалеко от берега и других кораблей, с которых, вероятно, велось наблюдение за экспериментом. (Хотя Брысь сомневался, что Люди, с их несовершенным зрением, в состоянии разглядеть происходящее на «Элдридже» сквозь плотную зелёную завесу. Тут им никакие человеческие ухищрения не помогут, типа биноклей и подзорных труб.)

Запасной план у опытного искателя приключений тоже имелся. Правда, гораздо более рискованный, — доплыть куда-нибудь, положившись на милость волн...

Была и третья возможность (наиболее безопасная, но, увы, наименее выполнимая) — грызун, наделённый от природы прочными зубами, мог бы перегрызть толстые канаты, удерживающие шлюпку. Но этот вариант требовал времени, а его Монтаукский зверь почти не оставил, снова крутанув рычаг...

Новая формулировка приказа понравилась Пафнутию куда больше старой. Он с готовностью вцепился в серо-белую шёрстку старшего компаньона и повис на ней, готовый к решительным действиям.

Совершить прицельный прыжок в сторону якорной цепи Брысю не удалось — лодку опять резко качнуло, и мореплаватели (один — по велению души, другой

— по велению долга) бултыхнулись в пучину, тут же накрытые горько-солёной волной...

Глава тридцать пятая, в которой МАРТИН ИДЁТ ПО СЛЕДУ, А САВЕЛЬИЧ ВО ВСЁМ РАЗО- БРАЛСЯ

Лифт плавно, а главное быстро, так что Мартин не успел запаниковать от тесноты, опустил путешественников под землю. («Марсю», — поправил бы пёс, если бы во время спуска мог думать о чём-то, кроме своей клаустрофобии. И зачем только Савельич о ней упомянул?!) Створки снова разъехались, и взорам пришельцев открылся длинный коридор, наполненный дребезжанием мигающих ламп.

Двухголовики не стали дожидаться, когда гигант с белой кисточкой на хвосте освободит выход. Проворно миновав частокол из разноцветных лап, они первыми выбрались из кабины.

Пристыженный Мартин перепрыгнул через пугающую чёрную щель и тут же воскликнул:

— Я их чувствую! Брыся и Пафнутия! Если бы искатель приключений присутство-

вал при том, как резво помчался приятель не к огненному кольцу в конце коридора, а в противоположную сторону, в направлении кладовой, которую они с «м.н.с.» покинули больше часа назад, то снова назвал бы его «лопухом», напомнив о самой первой их встрече в Сашиной квартире, когда суматошный пёс не сразу обнаружил местонахождение нового члена семьи, а совершил лишний круг по дому*.

Правда, у Мартина имелись оправдания: в тот раз молодой пёс был слишком возбуждён предстоящим знакомством со знаменитым котом, а в этот — им овладело сильнейшее беспокойство за друзей. Над их чудесным родным запахом витал другой — страшный и враждебный, запах Хищника. Он будоражил кровь и мешал сосредоточиться...

Роли поменялись — теперь двухголовики семенили позади устремившихся вслед за Мартином котов. Небольшую заминку у пришельцев из будущего вызвал вид разгромленного помещения и двух десятков человеческих скелетов. Пёс, озабоченный судьбой друзей, быстрее спутников оправился от неприятного зрелища и кинулся дальше по следу, а жалостливый Рыжий оглянулся на марсиан-телепатов. Он был готов

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества» (часть 4 «Брысь и Янтарная комната»).

пожертвовать пушистой головой и впустить в неё чужие мысли, лишь бы узнать, что же всё-таки приключилось с бедными колонистами.

У философа, впрочем, имелась своя версия случившегося, так что страдать Рыжему не пришлось.

— Что-то мне подсказывает, что тут побывал Монтаукский зверь... А вот наших здесь нет — у Брыся отменный слух, и он уже выбежал бы нам навстречу.

Последнюю догадку подтвердил Мартин, успевший убедиться, что кладовая пуста (конечно, если не считать вскрытых Пафнутием и опустошённых на пару с Брысем банок, а также множества нетронутых ящичков с консервами). С громким сопением «служебно-розыскной» пёс повторил путь приятелей, который, к его некоторому смущению, снова привёл в коридор.

Возле дверей с мерцающей зелёной надписью на иностранном языке Мартин замешкался, пытаясь восстановить цепочку недавних, не совсем понятных и, вполне вероятно, трагических событий — запах «м.н.с.» ослабел, а потом и вовсе исчез...

— Смотрите! — воскликнул приметливый Рыжий, и все уставились на странный круглый предмет, валяющийся на полу среди прочего хлама и оказавшийся (после того, как с него смахнули пыль) прозрач-

ной пластиковой сферой с небольшим отверстием в боку. Рядом лежала фоторамка с разбитым стеклом. Снимок запечатлел не один, а целых два шара, похожих на только что найденный. Внутри каждого сидело по симпатичному зверьку.

— Шиншиллы! — растерянно пробормотал Савельич и вдруг сел, словно у пожилого философа внезапно подкосились задние лапы.

— И как я раньше не догадался?! Это же так очевидно! — запричитал Книгочей, а друзья сконфуженно переглянулись — им пока ничто из происходящего не казалось «очевидным».

Философ продолжал лепетать что-то, на первый взгляд загадочное (впрочем, и на второй, и на третий тоже): про электричество, которое пусть и мигает из последних сил, но всё ещё вырабатывается генераторами на каких-то изотопах; про губительное воздействие радиации на «домашних» питомцев, много лет назад оставшихся без заботливых хозяев (после того как те пошли на обед кровожадному монстру); про то, как, предоставленные сами себе, они расплодились по чужой планете и даже адаптировались к её непростым условиям...

— Погоди, Савельич! — взмолился Рыжий. — Ничегошеньки не понятно!

Книгочей вздохнул и пояснил:

— Никакие они не марсиане! Они мутанты!

Мартин непроизвольно отскочил подальше.

Обеспокоенные всеобщим вниманием, двухголовки по привычке повторили:

— Ытнатум?

А Рыжий с любопытством спросил, растягивая незнакомое слово:

— Откуда ты знаешь про и-зо-то-пы?

— Из Вовкиного журнала! Там была статья о РИТЭГах — радиоизотопных термо-электрических генераторах! Их используют, когда нужно длительное время производить электрическую энергию, а никаких других видов топлива не напасёшься! Например, на космических аппаратах, отправляющихся в путешествия по Вселенной. Принцип работы основан на распаде радиоактивных элементов, который длится десятилетиями. В этом их несомненное преимущество перед другими видами генераторов. Однако есть и недостаток — опасное излучение! Поэтому на Земле их перестали применять давным-давно, ещё в 60-е годы прошлого столетия!

— Это заразно? — не выдержал Мартин затянувшейся малопонятной лекции, с недоверием поглядывая на двухголовиков, расстроенных изменением статуса.

— Очень! — подтвердил Савельич. —

Этим бедолагам не помочь, а нам нужно быстрее покинуть это место!

— Мартин, срочно ищи, куда делся Брысь! — завопил Рыжий, заставив всех вздрогнуть. Впечатлительный кот уже представил, как у него отрастает вторая голова...

Краткие комментарии для любознательных

Изотопы (от др. — греч. ισος — «равный», «одинаковый», и τόπος — «место») — разновидности атомов (и ядер) какого-либо химического элемента, которые имеют одинаковый атомный (порядковый) номер, но при этом разные массовые числа. Название связано с тем, что все изотопы одного атома помещаются в одно и то же место (в одну клетку) таблицы Менделеева.

РИТЭГ (радиоизотопный термоэлектрический генератор) — радиоизотопный источник электроэнергии, использующий тепловую энергию, выделяющуюся при естественном распаде радиоактивных изотопов и преобразующий её в электроэнергию с помощью термоэлектрогенератора. По сравнению с ядерными реакторами, использующими цепную реакцию, РИТЭГи значительно компактнее и проще конструктивно. Выходная мощность РИТЭГов весьма невелика (до нескольких сотен ватт) при небольшом КПД. Зато в них нет движущихся частей и они не требуют обслуживания на протяжении всего срока службы, который может исчисляться десятилетиями. РИТЭГи применялись в навигационных маяках, радиомаяках, метеостанциях и подобном оборудовании, установленном в местности, где по техническим или экономическим

причинам нет возможности воспользоваться другими источниками электропитания. Чаще всего используемыми изотопами являются плутоний-238, кюрий-238 и стронций-90.

Глава тридцать шестая, в которой МАРТИН ЖАЛЕЕТ, ЧТО ЗА НИМ УВЯЗАЛИСЬ КОТЫ

Мартину и самому хотелось побыстрее разыскать пропавших, а потому он тщательно обнюхал пластиковую сферу.

— Что ты делаешь? — изумился Рыжий.
— Она же пустая! И Брысь там ни за что бы не поместился!

— Брысь нет, но у меня есть предположение, что «м.н.с.» продолжил путь в таком вот шаре! — с важностью опытного детектива заявил пёс.

— Разве это удобнее, чем пешком? — усомнился философ, вспомнив «прогулку» шиншилл по Летнему саду.

— Может, и не удобнее, зато это объясняет, почему исчез запах Пафнутия! Или вам больше нравится думать, что его проглотил Хищник?

— Нет! Уж лучше шар! — всполошились коты.

— То-то же!

Мартин снова уткнулся носом в пол, рассчитывая обнаружить подтверждение своей догадки. Вскоре в его голове выстроилась последовательность: сфера с Пафнутием — Зверь — Брысь. Такой странный порядок вызывал вопросы, но пёс надеялся распутать загадочный клубок.

В конце коридора, куда вёл пахучий след, пламенело кольцо диаметром со взрослого человека. За ним виднелись обычные ступеньки.

— Нам туда! — с облегчением объявил «детектив», обрадованный, что не придётся ехать в тесном лифте, и без колебаний шагнул внутрь.

За исключением огненного обруча вместо двери, лестничная площадка точь-в-точь походила на ту, куда некоторое время назад переместились «спасатели» и которая так предательски «испарилась», бросив их посреди каменистой пустыни.

Савельич, несмотря на солидный возраст, перепрыгнул через полыхающее препятствие изящно и легко. Сердобольный Рыжий, прежде чем присоединиться к товарищам, оглянулся на марсиан, оказавшихся на поверку бывшими землянами — жертвами трагических обстоятельств.

Двухголовики не последовали за пришельцами — они увлечённо делили

прозрачный шар, устроив дружескую потасовку перед отверстием в круглом боку непонятого предмета. К тому же им гораздо приятнее было считать себя марсианскими эндемиками, как утверждал серо-белый чужак с роскошным полосатым хвостом, а вовсе не мутантами, как заявил чёрный с облезлыми ушами!

По ту сторону огненного круга Мартина поджидала новая загадка — судя по всему, Брысь не стал спускаться по ступенькам, преследуя Зверя, который, в свою очередь, гнался за сферой с грызуном, а... пропал!

— Как в воду канул! — растерянно сообщил пёс.

— Может, не в воду, а туда? — Рыжий заглянул в лестничный пролёт — нижний «этаж» тонул в зеленоватой дымке.

Философ, дольше остальных знакомый с неугомонным искателем приключений, проворчал:

— С него станется! Путь, наверное, решил сократить!

И добавил с задумчивым видом:

— Однако это более чем странно!

— Почему? — простодушно удивился Рыжий. — Он торопился!

Но Савельич уже не слушал, пристально разглядывая огненное кольцо и погружившись в свои мудрёные мысли. Мартин не выдержал.

— Так нам куда? Прыгать или по лестнице бежать? — в нетерпении заскулил он, жалея, что коты навязались в попутчики. Без них «спасательная операция» продвигалась бы куда быстрее! И без телепатии прекрасно бы обошёлся!

— Лестница-то непростая! — молвил наконец философ. — Думаю, это и есть пространственно-временной портал!

— Выглядит не очень, — разочарованно протянул Рыжий. Но, вспомнив о путешествиях по вентиляционным трубам*, переменил суждение.

— Прыгать не будем! — вынес решение Савельич. — Мартин лапы переломает, да и у меня суставы уже не те, что в молодости! А тебе одному там делать нечего, а то ещё и тебя придётся искать!

Последнее замечание относилось к Рыжему, и он не стал его оспаривать, охотно согласившись с разумными доводами книгочея.

Подгоняемый запахом Хищника, Мартин помчался вперёд, пытаясь представить, как выглядит враг, — хорошо бы, как ротвейлер из соседнего подъезда, с которым ему давно хотелось померяться силой! За ним неслись коты, почти не отставая и не обращая внимания на коварно приоткрытые

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества».

двери на лестничных площадках, заманивающие простодушных новичков в неведомые края. Кошачьи мысли тоже занимало предстоящее сражение с непобедимым Монтаукским зверем. Савельичу, забывшему на время о возрасте и суставах, чудовище виделось в образе саблезубого тигра из Сашиного учебника по природоведению, а Рыжему, впечатлённому встречей с шиншиллами-мутантами, мерещился некто двухголовый...

Глава тридцать седьмая, в которой У САВЕЛЬИЧА КРАДУТ ИДЕЮ

Внезапная вспышка на несколько мгновений лишила «спасателей» ориентиров, и они замерли, чтобы не свалиться с крутых ступенек. А когда зрение вернулось, то пришлось снова тереть глаза — на этот раз от удивления. Вместо чудовища, к схватке с которым каждый из них подготовился в меру своей фантазии, пришельцам из будущего открылась комната, напичканная научными приборами. В центре — сооружение, похожее на кресло. Но главное, прямо перед их изумлёнными взорами возникли два человека.

Мартин сразу насторожился — было в

этой парочке что-то неправильное, вызывающее сомнения и даже... страх. Люди тоже оторопели от неожиданности. Вероятно, как и путешественники во времени, не предполагали, что в портале кто-то есть.

— Они! — воскликнул один, постарше и с усами. — Те самые, кто мне померещился: большая дворняга и два кота: рыжий и чёрный!

— Не большая, а огромная! — тут же возразил Мартин хриплым лаем.

— Те, из которых ты, то есть мы, состряпали монстра?! — поразился второй, помоложе, одетый в незнакомую униформу с воротником-косынкой и белой «кастрюлькой» на голове.

Теперь уже оскорбился Савельич — неужели милейшая (для собаки, разумеется) морда Мартина, добродушная физиономия Рыжего и его собственная, исключительно интеллигентная внешность могли послужить натурой для создания кровожадного Зверя?! Если только усатый фантазёр «застукал» их в момент схватки с гвардейцами кардинала, когда они старались выглядеть пострашнее...

— Я понял, что с ними не так! — воскликнул Мартин. — Они одинаково пахнут! Это, — пёс произвольно ошетинился, — один человек!

— Так не бывает! — хихикнул Рыжий

(впрочем, не от веселья, а от охватившего его ужаса).

— Дункан! Матрос с эсминца «Элдридж»! Экстрасенс! — выдал философ очередь из коротких восклицательных предложений. — Кошмар! Он встретился сам с собой!

Люди между тем выстраивали собственные догадки, гораздо более далёкие от истины, нежели предположения пришельцев из будущего.

— Может, наш монстр распался на составные части, так сказать? — понадеялся молодой. — И больше не представляет опасности?

Дункан «старший» помедлил с ответом... Он был бы счастлив такому благополучному исходу! Однако вглядевшись в разноцветные глаза: таинственные кошачьи (изумрудные и жёлто-зелёные в крапинку) и добрые собачьи (ласкового карего цвета), и мысленно сравнив их с холодными чёрными безжалостными, грустно покачал головой:

— Не думаю...

— Что же делать? Как избавиться от чудовища?

Усатый вдруг встрепенулся:

— Помнишь, я говорил, что при появлении монстра пространственно-временной коридор автоматически настроился на «Элдридж»? Вероятно, эта тварь питается энергией от оборудования, установленного

на эсминце. Нужно вернуться на судно и отключить излучатели!

Савельич возмущённо фыркнул:

— Ничего себе! Украл мою идею! Я только-только собрался её изложить!

— Но вдруг и Зверь там?! — с содроганием произнёс юноша.

— Хищника беру на себя! — важно заявил Мартин. Теперь ему даже не терпелось встретиться с противником и посмотреть, насколько он похож именно на него, а не на ротвейлера из соседнего подъезда.

Дунканы как по команде повернули головы, словно поняли, что пролаял пёс (и впрямь экстрасенсы!).

— Победить его ты не сможешь, но хотя бы просто отвлеки! — просительно выговорил усатый.

— Отвлечём! — пообещал Рыжий, спохватившись, что его молчание Люди могут истолковать как нежелание участвовать в опасной затее.

— А вдруг мы погибнем или сойдём с ума, как остальные? — уже бегом спускаясь по лестнице, спросил «старшего» Дункана более молодой.

— Или исчезнете, или вплавитесь в металлические части корабля! — продолжил Савельич страшную цепочку фактов, вычитанных в журнальной статье, и лелея надежду, что пагубное излучение не успеет

повлиять на него и его друзей — всё-таки животные устроены иначе, чем Люди.

— Риск огромный! — подтвердил усатый. — Но выбора у нас нет! Выжил ведь как-то «первый» Дункан!

— Ого! — переглянулись пришельцы из будущего, прыгая по ступенькам. — Был ещё один?!

Нижние «этажи» окутывала зеленоватая дымка. Она становилась всё гуще, мерцала и переливалась волшебными сполохами и даже захватила в свой зелёный плен белую кисточку на хвосте Мартина.

— Наши где-то здесь! — воскликнул пёс.

Глава тридцать восьмая, в которой
МАРТИН ВЫБИРАЕТ НЕ ТУ
ДОРОГУ, А БРЫСЬ СЛЫШИТ
СТРАННОЕ «Жу!»

За новым огненным кольцом открылась усеянная телами палуба эсминца. Дунканы содрогнулись от жуткой картины, но печалиться о погибших товарищах было некогда, и они бросились отыскивать в мерцающем зелёном тумане зловередные излучатели.

Мартин уверенно повёл друзей к противоположному борту.

— Слышите? — вдруг насторожился Рыжий.

Сквозь плеск волн, ударяющихся о корпус корабля, отчётливо раздался возглас «главного спасателя»:

— Пафнутий!

Рыжий и Савельич взлетели на порученьи, напрягая зрение (из-за чего глаза бывшего дворцового мышелова снова стали похожи на чайные блюдца), принялись изучать водную стихию, ради которой непутёвый «м.н.с.» отправился в рискованное путешествие и утащил за собой всю команду.

Мартин от волнения не мог сосредоточиться, да ещё мешало зелёное свечение, так что пёс переводил умоляющий взгляд с одного зоркого приятеля на другого и нетерпеливо повизгивал.

— Я их вижу! — наконец завопил Рыжий. Правда, Мартину и Савельичу удалось расслышать только «ви». «Жу» куда-то улетело, подхваченное свежим океанским ветром, вздымающим волны и вкусно пахнущим морепродуктами.

Привлечённый восклицанием Рыжего, из зелёного искрящегося марева выдвинулся НЕКТО.

— Ни капельки на нас не похож! — прошептал философ, с ужасом чувствуя, как холодеют лапы.

— Может, уже пора его отвлекать? —

вопросительно пробормотал Рыжий, на этот раз не испытывая ни малейшего восторга перед внушительными размерами странного зверя.

— Думаете, Брысь с Пафнутием продержатся ещё немного без нашей помощи? — заколебался Мартин.

Страх он не испытывал. Наоборот, им овладело нестерпимое желание поскорее вцепиться зубами в горло кровожадному чудовищу и проверить, что значит «виртуальный» и действительно ли этого врага нельзя победить в честной схватке... Прото, что смертельно-опасную тварь следовало только отвлечь, пёс благополучно забыл, разгорячённый боевыми мыслями.

— Бежим! — скомандовал Савельич, и все бросились врассыпную. Точнее, в разные стороны, из которых одна вела прямо к монстру, и Мартин выбрал именно её...

Отчаянно загребая лапами тугую воду, Брысь вынырнул на поверхность.

— Пафнутий! — позвал он, как только отплевался от солёной горечи.

Ответный писк раздался в нескольких метрах сбоку.

Рубиновые глазки потомка неустрашимых мореплавателей сияли восторгом.

Вообще вся его остроугольная мордочка от подвижного розового носа до округлых мягких ушей имела благостно-счастливым вид, что никак не вязалось с ситуацией, в какой они очутились.

— Я умею плавать! — с гордостью сообщил Пафнутий изумлённому компаньону, и даже новая волна не смыла довольную улыбку с намокшей белобрысой физиономии.

Возвращение прежней окраски приятеля подсказало искателю приключений, что их вынесло за пределы зелёного кокона. Молотя вокруг себя лапами, чтобы удержаться на плаву, Брысь принялся озираться в поисках корабля и спасительной якорной цепи. Однако эсминец как сквозь землю провалился, точнее, сквозь толщу океанской воды. Лишь с той стороны, где, по мнению опытного путешественника, только что находилось судно, донеслось короткое и странное:

— Жу!

Возглас растворился в воздухе. И если бы это не казалось слишком невероятным, искатель приключений поклялся бы, что слышал голос Рыжего!

Брысь прикинул расстояние до ближайшего корабля-наблюдателя. В лучшем случае до него несколько сот метров, а в худшем — придётся плыть не меньше километра (определить точнее не получалось). Вряд ли стоило уповать на чудо, что какой-нибудь

востроглазый матрос заметит утопающих и кинет им спасательный круг... Людям было не до терпящих бедствие кота и крысы — на палубе царила суета, близкая к панике, вероятно связанная с внезапным исчезновением эсминца.

— Мне вода в уши заливается! — пропищал Пафнутий.

Выражение счастья на белобрысой мордочке уступило место усталости, грозящей превратиться в депрессию.

— Радуйся, что нет шторма! — строго отозвался Брысь, вынырнув из очередной волны.

— Откуда ты знаешь, что это не шторм?! У тебя же нет корабельных предков! — плаксиво возразил потомок мореплавателей.

— Догадываюсь, потому как мы ещё живы! — недовольно буркнул искатель приключений, но тут же великодушно разрешил: — Цепляйся за меня! Отдохнёшь немножко и поплывём вон к тому кораблю! — он указал глазами на наметенную цель.

Пафнутий резво подгрёб к компаньону и с облегчением забрался ему на голову — Брысь тут же погрузился в воду.

— Прости, — виновато пролепетал «м.н.с.», спускаясь ниже, на серую с белым ободком шкирку приятеля. И как только наглотавшийся океанской воды Брысь

прочихался и прокашлялся, спросил: — А куда делся наш эсминец?

Искатель приключений не ответил. Но не потому, что рассердился на едва не утопившего его грызуна (это само собой!), а потому что не расслышал вопроса — его замечательные уши будто закупорили тугой пробкой, на время лишив главного органа кошачьих чувств — слуха...

Удерживаться на плаву с таким увесистым грузом, как «младший научный сотрудник», возвращённый на сладких сиропах и прочей калорийной пище, Брысю помогала солёная вода. И если бы не волны, методично накрывающие его вместе с Пафнутием, то он бы уже радовался, что самая опасная и непредсказуемая часть спасательной операции миновала и остались сущие пустяки — добраться до твёрдой и, желательно, сухой поверхности и дождаться окончания действия эликсира. Хотя он не возражал бы, если бы достойно исполненная миссия завершилась прямо сейчас...

Непривычная глухота не проходила, и Брысь испугался, что навсегда лишился одного из шести важнейших кошачьих чувств. Мысли о постигшей его неприятности даже отвлекли от других, касающихся таинственного исчезновения эсминца.

Искатель приключений потряс головой в надежде, что застрявшая в ушах вода

выльется обратно в океан, однако преуспелишь в том, что потомок неустрашимых мореплавателей крепче в него вцепился.

— Так куда наш корабль подевался? — пропищал Пафнутий во всю силу голосовых связок, чтобы докричаться до оглохшего компаньона.

Смысл добрался до сознания Брыся словно сквозь густой мех, и он пожалел Рыжего, у которого из ушей торчало столько лохматости, что хватило бы на зимнюю одежду для «м.н.с.». Наверное, именно поэтому у пушистого приятеля такие огромные глазищи — чтобы компенсировать недостаток слуха!

Ответ на заданный грызуном вопрос обнаружился в лекции Савельича, которую услужливо подсунула тренированная память бывшего «секретного агента»: «Во время эксперимента возникли непредвиденные побочные эффекты: эсминец на несколько минут исчез, но не бесследно — он объявился в Норфолке, на удалении в сотни миль от Филадельфии!»

— Переместился наш корабль! — громогласно пояснил Брысь. Правда, ему самому показалось, что он разговаривает шёпотом.

— Зачем так орать?! Я же рядом и прекрасно слышу! — возмутился Пафнутий...

Глава тридцать девятая, в которой МАРТИН ГОТОВ К СХВАТКЕ, А МОНСТР — НЕТ

Мартин остановился перед противником на расстоянии прыжка. Ничего «виртуального» в огромном звере он не обнаружил, если не считать странной внешности. Прав был Савельич — ничуть не похоже чудовище на него и его друзей! Подумаешь, морда вытянута, как у собаки, а уши по-кошачьи небольшие, зато туловище и длинный хвост покрыты несуразными клоками рыжей и чёрной шерсти, отчего враг выглядел безобразно-облезлым!

Впрочем, лучше бы походил... Хотя бы размерами!

Монстр издал воинственный клич — то ли собачий рык, то ли кошачий вопль — и царапнул устрашающего вида когтями по борту эсминца, оставив на металле глубокие борозды.

«Силу демонстрирует!» — догадался Мартин и оскалился в ответ.

В безжизненных глазах чудовища отразилось недоумение — он привык

чувствовать страх своих жертв перед тем, как покончить с ними, а это нелепое существо, едва доходящее ему до живота, кажется, собиралось воспротивиться неизбежной участи!

Монтаукский зверь приготовился к броску, готовый одним ударом сбить смельчака с лап долой и тут же содрать с него шкуру, однако возникла досадная помеха — кто-то вцепился в хвост. Монстр в удивлении обернулся. Боли он не ощущал и даже не знал, что это такое, но наглость лохматого рыжего зверька, вонзившего свои крохотные зубки в его плоть, вызвала раздражение и злость.

Зелёный туман мешал разглядеть, что послужило причиной заминки противника, а нападать на врага, который смотрит в другую сторону, было не в правилах честного и благородного пса. Он предупреждающе зарычал, пытаясь вернуть внимание чудовища, но тот вдруг принялся крутиться, словно решил поиграть сам с собой. Так делал Мартин в бездомном детстве, когда у него не было других игрушек, кроме мохнатого отростка в конце спины.

«Может, его кусают блохи?» — подумал пёс, машинально отметив, что клокастый хвост монстра украшен пушистой рыжей кисточкой — единственной симпатичной деталью на туловище кровожадной твари...

Савельич промчался несколько десятков метров, наткнулся на стоящих у борта матросов, понял, что они мертвы, а не падают лишь потому, что их ноги по щиколотку «вросли» в палубу, словно корни растений в землю, а ладони прикипели к металлическим поручням, и в ужасе кинулся назад. Тем более что Зверь, которого следовало отвлекать, явно прельстился кем-то другим: или Рыжим, или Мартином. Скорее всего, последним, поскольку могучий пёс гораздо заметнее обоих котов, вместе взятых.

Вернувшись на то место, откуда начался «отвлекающий манёвр» и откуда глазастый приятель увидел Брыся с Пафнутием, философ отдышался и попробовал сам разглядеть в зеленоватом свечении, сливающимся с океанской водой, фигурки искателя приключений и его бестолкового протеже. Однако, как ни старался, никого не обнаружил — либо острота зрения с возрастом притупилась, либо друзья устали бороться со стихией и пошли на корм морским обитателям (верить в такой исход, разумеется, не хотелось!), либо...

Савельич вспомнил прочитанную статью... Возможно, проблема не в его

зрении, ослабленном прожитыми годами, а подопытный эсминец переместился за сотни миль от барахтающихся в волнах Брыся и Пафнутия? Тогда бедолагам необходимо продержаться несколько минут, пока корабль не возвратится из путешествия в пространстве и времени, а с ним — их спасательная команда!

— Кусай его, Мартин, я с тобой! — достиг вдруг слуха философа отчаянный возглас Рыжего, адресованный их общему псу...

Глазастый Рыжий сразу заметил, что Мартин истолковал команду «Бежим!» совсем не так, как он сам и, тем более, отдавший приказ Савельич, мгновенно растворившийся в густом зелёном мареве.

Зная бесстрашие молодого пса, нельзя было предположить, что он просто перепутал направление, когда кинулся к монстру. А следовательно, и просьбу Дунканов «отвлечь чудовище» Мартин понял шиворот-навыворот!

— Вот лопух! — с досадой воскликнул бывший дворцовый мышелов и бросился на выручку неразумному, но отважному приятелю (а если учесть, что все они члены большой дружной семьи, то и родственнику) ...

Гигантский пёс выглядел рядом с

монстром не так внушительно, как обычно. Если же быть до конца честным, то Рыжий приуныл, оценив, насколько неравны силы...

Чудовище зарычало, видимо рассчитывая привести Мартина в трепет одним лишь звуком своего отвратительного голоса. А когда Зверь понял, что противник не дрогнул, то в ярости проскрежетал когтями по металлическому борту корабля и приготовился к нападению.

Тут уж Рыжему ничего не оставалось, как вмешаться.

— Кусай его, Мартин, я с тобой! — завопил он, но подлый ветер отнёс призыв в сторону, и пёс, не обладающий таким изошрённым слухом, как коты, не поддержал атаку. Более того — уселся, словно перед телевизором на диване, и принялся спокойно наблюдать, как монстр крутится, стараясь ухватить себя за хвост! И даже не видит, бестолковый, что на конце этого хвоста трепыхается пойманной рыбёшкой его верный друг и самый большой почитатель!

Глава сороковая, в которой происходит воссоедине- ние

«**П**ожалуй, есть некоторое сходство, — размышлял Мартин, ожидая, когда чудище снова начнёт вести себя как достойный враг. — Пушистая кисточка, которую монстр никак не ухватит зубами, определённо смахивает на Рыжего... А вообще-то хорошо, что Монтаукский зверь такой огромный! По сравнению с ним ротвейлер из соседнего подъезда просто мелкая шавка, не стоящая поединка!»

— Чего сидишь, дурень?! — развеял приятное видение чей-то гневный окрик.

Мартин проводил изумлённым взглядом стремительную тень — она метнулась мимо него к чудовищу и повисла на широкой спине клочком чёрной шерсти.

— Савельич?! — поразился пёс и тоже бросился к монстру, требовательным лаем призывая того перестать вертеться и сражаться по правилам, прописанным в Кодексе хорошего собачьего поведения. (От волнения Мартин совершенно упустил из виду, что

хорошее собачье поведение вовсе не предусматривает драк! Даже из-за найденной на пустыре косточки или дамы сердца, которая у него, впрочем, ещё не появилась...)

Зверь не отвечал. В бешенстве лязгая зубами, он колотил хвостом по палубе, старясь стряхнуть мелкого рыжего наглеца, и выворачивал назад голову, чтобы схватить другого невесть откуда взявшегося чёрного нахала.

Мартин отчаялся добиться от противника внимания и, видя, что коты держатся из последних сил, наконец вступил в борьбу — мощно оттолкнулся, подпрыгнул и сомкнул челюсти на горле кровожадной твари.

Взревев от ярости, монстр заметался по кораблю, круша всё вокруг...

— Да вот же он, наш эсминец! — не без ехидства воскликнул Пафнутий, наткнувшись взглядом на серую железную махину. — И лодка вот она!

И добавил уже тише и словно ни к кому не обращаясь:

— Кто-то не только оглох, но и ослеп! Брысь и сам не верил глазам, хотя видимость значительно улучшилась, так как исчез зелёный мерцающий кокон вокруг внезап-

но возникшего на прежнем месте судна. Спасательная шлюпка всё так же болталась, задранная носом кверху, а кормой касаясь воды.

С трудом преодолев увеличившееся расстояние (видимо, их отнесло течением), искатель приключений вскарабкался в лодку и растянулся на днище, переводя дух.

«М.н.с.» не спешил покидать загрибок приятеля, не уверенный, что не придётся снова нырять в мокрые объятия собственных глупых грёз. Хотя... не такими уж глупыми кажутся они, когда сидишь внутри безопасного плавсредства и никто не пытается вытряхнуть тебя за борт.

Пафнутий задрал мордочку, чтобы удостовериться, что монстр не смотрит на них холодным безжалостным взглядом, и радостно ойкнул — обхватив лапами металлический поручень, сверху на путешественников таращились друзья: Рыжий, Савельич и Мартин! «М.н.с.» даже потёр свои рубиновые бусинки — не мерещатся ли они ему. Однако знакомые физиономии никуда не делись, более того — стремительно приблизились, окатив его и лежащего без сил старшего компаньона солёными брызгами. Это Мартин промахнулся и шлёпнулся в океан, с головой окунувшись в воду.

Пока коты помогали приятелю забраться внутрь (во всяком случае, они считали,

что помогают, вонзаясь когтями в собачьи лапы), Пафнутий суетился и даже приста- вал с советами, которых, впрочем, никто не слышал из-за плеска волн, да и голосок у него тонкий...

Зато когда компания расселась в нижней части лодки, окончательно приняв- шей вертикальное положение, раздался голос Савельича и его слышали все:

— Где эта «тварь с интеллектом»?!
Взоры присутствующих устремились на «м.н.с.».

Тон, каким был задан вопрос, и выра- жение глаз вновь прибывших не сулили потомку отважных мореплавателей ниче- го хорошего, поэтому Пафнутий юркнул за спину старшего компаньона и притих — пусть думают, что он не понял, кого имел в виду грозный философ. Голова-то у него маленькая!

— Ладно! Что уж там! — примирительно молвил Брысь, и благодарный «м.н.с.» снова вскарабкался по густой серо-белой шёрстке на удобный загривок искателя приключе- ний, чтобы смотреть на остальных если не сверху вниз, то хотя бы не снизу вверх.

Со своего «возвышенного» положения Пафнутий заметил спешащие в их сторону катера и шлюпки с кораблей-наблюдателей.

— Нас плывут спасать! — пискнул он, надеясь, что радостная весть зачтётся ему

в заслуги и уменьшит тяжесть вины перед котами и псом, рисковавшими ради него жизнями.

Впрочем... он никого не приглашал на свой эсминец! И вообще живёт в другой квартире и даже в другом подъезде! Так что, если разобраться, то ему не из-за чего мучиться угрызениями совести! Успокоив себя подобным образом, Пафнутий приосанился — встать на задние лапки и выпятить живот он не мог, поскольку висел на Брысе, но зато с достоинством откинул назад голову и снисходительно пропищал:

— Да если бы не я, вы вообще никогда бы не увидели оке...

Довести фразу до победного конца обладателю корабельных предков не позволил тот самый океан, которым он собрался хвастаться. Взметнувшись пенной стеной, вызванной примчавшимися к эсминцу катерами, горько-солёная мечта Пафнутия накрыла лодку вместе с ним и всей его командой...

Глава сорок первая, в которой Пафнутий философ- СТВУЕТ

Засим откланиваюсь, вечно ваш Пафнутий... Засим откланиваюсь... Засим... Вот ведь прицепилось! И слово-то смешное... Откуда оно в моей голове взялось?! Раньше я ни про какие «засимы» слыхом не слыхивал! Ещё, вот ведь странность, с тренажёра я упал и лапку подвернул, левую заднюю. Меня кинулись к врачу везти, а она раз — и прошла... Ну, то есть я на ней пошёл, как будто и не подворачивал!

Но хуже всего (или лучше, я ещё не решил), что я теперь знаю, о чём они там в соседнем подъезде про меня говорят! Наверное, всё-таки хуже, потому что настроение на целый день портится. А то и на два... Очень меня расстроило, что марсиане шинишллами оказались... Правда, мутантами, но всё равно родственники. А я даже не попрощался! И не выяснил, удобно ли им с двумя головами на свете жить. Теоретически должно быть удобно: в одну голову можно химическое образование поместить, а в другую —

экономическое, тогда знания никогда не перепутаются, а то у меня иногда такая мешанина, хоть плачь!

А ещё я из разговоров в соседнем подъезде услышал, что монстр сам себя уколошил! (Или не услышал, а подслушал... даже не знаю — вдруг мои суперспособности противозаконны?! Тут юридическое образование нужно, а его у меня нет...) В общем, чудище так рассердилось на Рыжего и Савельича, а ещё больше на Мартина, что принялось по кораблю бегать и всё крушить — вот и сломало оборудование, от которого энергией питалось! (Интересно, кстати, на что энергия по вкусу похожа: на мясо, рыбу или курицу... Вряд ли на что-нибудь вегетарианское — не для хищников это.) Вместе с излучателями и пространственно-временная лестница поломалась. Жаль, я не помню, как в шаре по ней катился... Брысь говорит — через несколько ступенек перескакивал!

А из экстрасенсов Дунканов (эх, не успел я с ними лично познакомиться!) только один остался. Его Мартин возле какой-то катушки на моём эсминце без сознания нашёл, а потом мокрым языком долго в чувство приводил. Так и неизвестно, повлияла встреча матроса с самим собой на течение времени, или нет... Может, мы теперь как-нибудь не так развиваемся?..

Ещё несколько моряков на корабле выжили, потому что в моторном отсеке весь эксперимент просидели! Вот ведь не догадались в трюмах спрятаться, там, где провизия, — вдруг бы опыты затянулись на неопределённый срок или эсминец не за сотни миль на несколько минут переместился, а за миллионы и надолго! На Марс, например! Хотя на Марсе своя кладовая имеется...

Впрочем, консервы-то небось испортились! Ведь мы на красной планете за сотни тысяч лет до неё теперешней очутились, когда там можно было без скафандров гулять. Да и то лучше под защитным куполом, чтобы не запылиться. Жаль... Смотрели бы мы с шиншиллами друг на дружку в телескопы, приветы передавали — я ведь теперь тоже телепат!

Кстати, из-за того, что я сначала на Марс переместился, меня тут и хватились — там же всё в два раза дольше тянется: мне показалось, что одни сутки прошли, а на Земле-то целых двое! Конечно же, все заволновались! Зато этот феномен потом остальным пригодился, когда Савельич, Рыжий и Мартин тоже в прошлое отправились и смогли нас с Брысем нагнать.

Ещё я слышал, как Савельич свои мысли про множественные реальности излагал. По его мнению, каждое мгновение остаётся во времени, и каждое событие! Вот почему,

пока мы не вмешались, Монтаукский зверь моих родственников терроризировал — потому что тот день, когда экстрасенс Дункан чудовище нафантазировал, завис в параллельной истории. А на Марсе-то наше 12 августа дважды в год повторяется. Так что здорово, что для морского круиза я именно эсминец «Элдридж» выбрал — спасли шиншилл-мутантов от истребления!

Любопытно, наткнётся марсоход, который сейчас по тамошней пустыне бродит, на стены из чудо-металла и скалу с лифтом? Повезло нашим приятелям, покатались... Савельич считает, что если бы они на верхнюю кнопку нажали, то попали бы на самую макушку, где, наверное, специальные излучатели установлены, чтобы невидимость купола поддерживать... Хотя изотопные генераторы небось давно электричество производить перестали, а без работающего оборудования ничего не действует... Как там бедные мои родственники? Перевелись, поди, как марсиане когда-то...

Савельич, правда, думает, уж не мы ли их потомки? А что... Пирамиды-то у нас одинаковые...

Ещё интересно, куда вели двери в том «подъезде»? На другие планеты или в другие миры?

Эх, столько вопросов нерешённых, а нас с Вовкой на дачу отправляют! А там даже химической лаборатории нет, только соседский кот!

Пафнутий вздохнул:

— Такие вот дела у меня!

«М.н.с.» ласково провёл крохотным пальчиком по старой пожелтевшей фотографии, где маленький мальчик в матросском костюмчике сидел между папой — офицером царской армии, и мамой — красивой женщиной с задумчивыми глазами, и снова спрятал её в тетрадку с зелёными каракулями. (Брысь всё-таки исполнил обещание и записал воспоминания Пафнутия о приключениях зимой 1919-го*. Правда, такими корявыми буквами, что младший научный сотрудник с двумя образованиями так и не понял, чем вручённая ему рукопись отличалась от прежней, с кошачьей стенографией, но принял повесть о своих похождениях с благодарностью — как ни крути, а серо-белый друг её заслужил! И не только тем, что опять перепачкался в зелёнке...)

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Приключения одного м.н.с.».

С февраля 2009-го по настоящее время орбитальная исследовательская группировка на орбите Марса насчитывает три функционирующих космических аппарата: «Марс Одиссей», «Марс-экспресс» и «Mars Reconnaissance Orbiter». Это больше, чем около любой другой планеты, помимо Земли. Поверхность Марса в настоящий момент исследуют два марсохода:

«Opportunity» и «Curiosity». На поверхности Марса также находятся несколько неактивных посадочных модулей.

Эпилог

Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь привычными звуками улицы, которые доносились через плотно закрытую форточку на кухне (лишился питомец доверия любимых хозяев!). Пафнутий прислушался к поселившимся в нём способностям — дома у приятелей тоже было тихо.

— Дрыхнут! — констатировал новоявленный телепат и затянул писклявым голосом недавно выученную песню (жаль, что не попалась она ему раньше, — пригодилась бы в путешествии по океанским волнам!): — Кааа-пи-тан, ка-пи-тааан, улыбниии-тесь...

В квартире на первом этаже соседнего подъезда дёрнулись сразу четыре пары ушей и распахнулись четыре пары глаз.

— Опять фальшивит! Лучше бы химией своей занимался, — проворчал искатель приключений.

— Ага! Или о похождениях своих рассказывал — очень у него душевно получается, — протяжно зевнул Мартин, у которого после возвращения из «морского круиза» значительно улучшился слух, достигнув кошачьих возможностей. То ли от полезного океанского воздуха, то ли от стресса, когда их волной накрыло и обратно в будущее вынесло, то ли...

Пожилой философ провёл розовым язычком по блестящей чёрной шёрстке без седины и проплешин и глубоко задумался... Брысь приоткрыл янтарно-жёлтый глаз — он-то давно догадался, что не обошлось тут без электромагнитного зелёного тумана: Рыжий ещё больше порыжел и распушился, Савельич помолодел, Мартин обрёл новые полезные качества, Пафнутий заделался телепатом, а главное, любая царапина или ушиб заживают на них быстро и без вмешательства ветеринарных врачей, что положительно сказывается на семейных бюджетах!

В себе искатель приключений тоже заметил перемены: лапа, пострадавшая при покушении народовольцев на его бывше-

го хозяина и друга императора Александра Второго*, перестала ныть к непогоде, а шрамы от пороховых ожогов, оставленных ему «на память» графом Рошфором, заросли густой шелковистой шерсткой...**

Брысь мечтательно зажмурился — вдруг видение про Пафнутия было вещим и они теперь бессмертны, как сказочные Кощеи?! Хорошо бы... Столько добрых дел можно ещё совершить!

Жаль, Пафнутия отправляют к бабушке на дачу по случаю наступивших каникул... Скучно без его песен будет!

Искатель приключений прижался к тёплому собачьему боку и занялся составлением планов на лето, чтобы затем внушить их Саше и родителям...

Продолжение новых невероятных приключений Брыся и его друзей — «Легенды Земли Московской», где появятся новые герои — следователь Сергей Анатольевич Петров со своей овчаркой Альмой, а ещё... призрак графа Брюса!

* Эти события описаны в книге «Брысь, или Кот Его Высочества» (часть 3 «Брысь, или Ночь во Дворце»).

** Эти события описаны в книге «Брысь, или Один за всех и все за одного».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава первая, в которой луна оказалась права	7
Глава вторая, в которой друзья узнают о мифическом эксперименте	13
Глава третья, в которой савельич напускает таинственность	19
Глава четвёртая, в которой пафнутий собрался впасть в отчаяние	25
Глава пятая, в которой брысь пошёл против демократии	30
Глава шестая, в которой пафнутий мучится от жажды	36
Глава седьмая, в которой случилась гроза	40
Глава восьмая, в которой пафнутий наткнулся на кладовую	46
Глава девятая, в которой пафнутия зовёт мечта	51

Глава десятая, в которой Брысь видит
монстра, а Мартин мучится угрызениями
совести 57

Глава одиннадцатая, в которой друзья
узнают правду о Монтаукском звере . 64

Глава двенадцатая, в которой Брысь
и матрос оказываются в незнакомом
месте 70

Глава тринадцатая, в которой Брысь
выбирает планету 74

Глава четырнадцатая, в которой появ-
ляется двойник Дункана 78

Глава пятнадцатая, в которой Брысь
хочет помешать смещению времени 82

Глава шестнадцатая, в которой Саве-
льич придумывает план 89

Глава семнадцатая, в которой Дункан
«старший» пытается дать объяснения ..
96

Глава восемнадцатая, в которой
происходит долгожданная встреча . 102

Глава девятнадцатая, в которой Брысь
догадывается, куда их занесло 105

Глава двадцатая, в которой ВРЫСЬ ЗНАКОМИТСЯ С МАРСИАНАМИ	111
Глава двадцать первая, в которой ВРЫСЬ ВЫНУЖДЕН ОГОРЧИТЬ ПАФНУТИЯ ..	116
Глава двадцать вторая, в которой САВЕ- ЛЬИЧ НЕ СПЕШИТ С ВЫВОДАМИ, А ПАФНУТИЙ ОБРЕТАЕТ НАДЕЖДУ	122
Глава двадцать третья, в которой САВЕЛЬИЧ ВЫДВИГАЕТ ВЕРСИЮ	126
Глава двадцать четвёртая, в которой ПАФНУТИЙ СНОВА ОГОРЧИЛСЯ, А САВЕЛЬИЧ УДИВИЛ ДРУЗЕЙ	133
Глава двадцать пятая, в которой ФОБОС И ДЕЙМОС ДАЮТ ПОДСКАЗКУ	137
Глава двадцать шестая, в которой МАРТИН СООБЩАЕТ МРАЧНОЕ ИЗВЕСТИЕ	142
Глава двадцать седьмая, в кото- рой ПАФНУТИЙ ХРАБРИТСЯ, А МАРСИАНЕ УХОДЯТ В РАЗВЕДКУ	146
Глава двадцать восьмая, в которой ОБНАРУЖИВАЕТСЯ ТАИНСТВЕННЫЙ ПРЕДМЕТ	149

Глава двадцать девятая, в которой
У САВЕЛЬИЧА ПОЯВЛЯЕТСЯ ДУРНОЕ ПРЕД-
ЧУВСТВИЕ 156

Глава тридцатая, в которой БРЫСЬ
СОВЕРШАЕТ ЧУДЕСА ОТВАГИ 160

Глава тридцать первая, в которой
ПОДТВЕРДИЛИСЬ ХУДШИЕ ОПАСЕНИЯ 164

Глава тридцать вторая, в которой
МАРТИН ПОЧУЯЛ ЗВЕРЯ 170

Глава тридцать третья, в которой
ДРУЗЬЯ ОКАЗЫВАЮТСЯ В ПИРАМИДЕ 175

Глава тридцать четвёртая, в которой
БРЫСЬ ПРИДУМЫВАЕТ ПЛАНЫ СПАСЕНИЯ ...
178

Глава тридцать пятая, в которой
МАРТИН ИДЁТ ПО СЛЕДУ, А САВЕЛЬИЧ ВО
ВСЁМ РАЗОБРАЛСЯ 183

Глава тридцать шестая, в которой
МАРТИН ЖАЛЕЕТ, ЧТО ЗА НИМ УВЯЗАЛИСЬ
КОТЫ 189

Глава тридцать седьмая, в которой У
САВЕЛЬИЧА КРАДУТ ИДЕЮ 193

Глава тридцать восьмая, в которой

МАРТИН ВЫБИРАЕТ НЕ ТУ ДОРОГУ, А БРЫСЬ
СЛЫШИТ СТРАННОЕ «Жу!» 198

Глава тридцать девятая, в которой
МАРТИН ГОТОВ К СХВАТКЕ, А МОНСТР — НЕТ .
204

Глава сороковая, в которой происхо-
дит ВОССОЕДИНЕНИЕ 210

Глава сорок первая, в которой ПАФНУ-
ТИЙ ФИЛОСОФСТВУЕТ 216

ЭПИЛОГ 221

Ольга Викторовна Малышкина по образованию филолог, преподаватель немецкого языка. Любит животных, историю и приключения. С 2014 года пишет рассказы и книги. Член Международного творческого объединения детских авторов и Российского союза писателей.

За серию книг для любознательных детей и взрослых «Невероятные приключения Брыся в пространстве и времени» стала лауреатом Первой премии Международного литературного конкурса «Новая сказ-

ка-2015», финалистом конкурса «Книга года. Выбирают дети» – 2016, а также номинантом национальной литературной премии «Писатель года» (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 г.г.)

Серия «Невероятные приключения Брыся в пространстве и времени» вышла в издательстве «Аквилегия-М». Она состоит из четырёх книг: «Брысь, или Кот Его Высочества», «Брысь, или Один за всех и все за одного», «Брысь, или Приключения одного м.н.с.», «Брысь, или Тайны Царского Села».

Книги Ольги Малышкиной – это не только увлекательное, но и очень познавательное чтение, ведь приключения героев происходят на фоне реальных исторических событий, а главы снабжены комментариями для самых любознательных!

Отзывы читателей

Да, глобально, это здорово, и замысел просто уникальный. Как педагог по образованию — очень оценила идею.

Жаль, что в моём детстве не было подобного... может, лучше бы знала историю))

Читала «Брысиниану» с огромным удовольствием!))) Отличная детская литература!!! Приключения, фантастика, познавательный материал и добрый юмор на протяжении сюжета делают все книги цикла захватывающими и интересными!))) Легко читается, герои такие живые и настоящие, что кажется, они живут в соседнем подъезде!))

Огромное спасибо, что Вы создали такое чудо на радость всем читателям!)))

Какая Вы молодец, что нашли такой потрясающий способ приобщения нашего компьютеризированного подрастающего поколения к Истории!!!!

Совмещение повествования с историческими моментами дает детям не только увлекательное путешествие вместе с котом Брысем и другими героями повести, но и развивает любознательность, любовь к историческому прошлому!!! Замечательные книги!!! СПАСИБО!!!

По вопросам приобретения книги «Мифические эксперименты, или... Новые невероятные приключения Брыся и его друзей» обращаться по контактам, указанным на сайте автора olgatalyshkina.ru и на сайте издательства brys-and-co.ru

**МИФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ, или...
НОВЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕ-
НИЯ БРЫСЯ И ЕГО ДРУЗЕЙ**

Литературно-художественное издание

Маркировка согласно федеральному закону
№ 436-ФЗ: 6+

Редактор О. Малышкина
Художник О. Кагальникова
Верстальщик В. Жариков

Гарнитура SchoolBook. Формат 84Ч108/32
Бумага офсетная. Тираж 2000 экз.

Общероссийский классификатор продукции
ОК 005 93, том 2, 953000 книги, брошюры
ЕАС Изготовлено в России.

Брысь & Со
(ИП Малышкин С.В. ОГРНИП
317507400033667)

Если в голове – мечта о морском путешествии, а в лапках – эликсир перемещений, то может случиться непредвиденное...

По мотивам легенд и мифов о секретных научных проектах «Радуга» (более известном как Филадельфийский эксперимент) и «Феникс-2» (более известном как Монтаукский проект)

ISBN 978-5-6042350-6-5

9 785604 235065

Брысь & Со

